

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»
Историко-географический факультет
Кафедра археологии, этнографии и региональной истории

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ

Сборник материалов
II Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Чебоксары, 1 марта 2022 г.)

Издательский дом «Среда»
Чебоксары 2022

УДК 902/904(082)
ББК 94.3я43
А43

Рецензент: **Михайлова Елизавета Михайловна**, д-р ист. наук, доцент, заведующая кафедрой Чебоксарского кооперативного института (филиала) АНОО ВО ЦС РФ «Российский университет кооперации»

Сергеева Евгения Валерьевна, канд. ист. наук, научный сотрудник исторического направления (секция этнологии) БНУ «Чувашский государственный институт гуманитарных наук» Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики

Редакционная коллегия:

Широков Олег Николаевич, д-р ист. наук, профессор, декан историко-географического факультета ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Вязова Ольга Георгиевна, канд. ист. наук, доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Петров Николай Аркадьевич, канд. ист. наук, заведующий кафедрой археологии, этнографии и региональной истории, доцент ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Федулов Михаил Игоревич, старший преподаватель кафедры археологии, этнографии и региональной истории ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

Дизайн

обложки:

Фирсова Надежда Васильевна, дизайнер

А43 **Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории :** сборник материалов II Всерос. научной конференции с международным участием (Чебоксары, 1 марта 2022 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]; Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова; кафедра археологии, этнографии и региональной истории. – Чебоксары: ИД «Среда», 2022. – 188 с.

ISBN 978-5-907561-14-4

В сборнике представлены статьи участников II Всероссийской научной конференции с международным участием «Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории». Исследования посвящены актуальным вопросам исторической науки.

Предназначен для этнографов, историков, археологов, краеведов, студентов гуманитарных дисциплин, а также широкого круга читателей.

ISBN 978-5-907561-14-4
DOI 10.31483/a-10362

© ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова», 2022

© Издательский дом «Среда», 2022

Предисловие

Кафедра археологии, этнографии и региональной истории историко-географического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова» представляет сборник материалов по итогам II Всероссийской научной конференции с международным участием «**Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории**».

В сборнике представлены статьи участников II Всероссийской научной конференции с международным участием. Исследования посвящены актуальным вопросам исторической науки.

По содержанию публикации разделены на основные направления:

1. Исторические исследования.
2. Археология и этнография Волго-Уралья.
3. Городская и сельская повседневность: прошлое и настоящее.
4. Подвиг тружеников тыла в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.).

Авторский коллектив сборника представлен городами России (Владимир, Вологда, Иваново, Омск, Севастополь, Чебоксары, Шумерля), Республики Казахстан (Актобе, Нур-Султан) и Великобритании (Киддерминстер).

Среди образовательных учреждений выделяются университеты и институты России (Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, Вологодский институт права и экономики ФСИН, Ивановский государственный университет, Московский международный университет, Омский государственный педагогический университет, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Севастопольский государственный университет, Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова), Республики Казахстан (Актюбинский региональный государственный университет им. К. Жубанова, Казахский университет технологии и бизнеса) и Великобритании (Киддерминстерское учебное заведение).

Участники конференции представляют собой разные уровни образования и науки: доктора и кандидаты наук, профессора и доценты, магистранты, студенты, преподаватели вузов и др.

Редакционная коллегия выражает глубокую признательность нашим уважаемым авторам за активную жизненную позицию, желание поделиться уникальными разработками и проектами, публикацию в сборнике материалов по итогам проведенной конференции «**Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории**», содержание которого не может быть исчерпано. Ждем Ваши публикации и надеемся на дальнейшее сотрудничество.

Главный редактор
д-р ист. наук, профессор,
декан историко-географического факультета
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
О.Н. Широков

Оглавление

Вязова О.Г., Дмитриева И.В. Николай Аркадьевич Петров – заведующий кафедрой археологии, этнографии и региональной истории (к 60-летию со дня рождения) 6

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баев А.А. Публицистические работы Ф.Н. Фортунатова в биографическом жанре: краткий анализ 13

Виноградова Ю.А. К вопросу о сохранении культурного наследия в условиях строительства новой государственности (на примере усадьбы Н.П. Рузского «Студеные ключи» Кинешемского уезда Иваново-Вознесенской губернии) 22

Данильченко С.Л. Отечественное образование в период «просвещенного абсолютизма» 26

Евдокимова А.Н. Первичные материалы церковного происхождения русского православия XIX в.: правовой аспект 26

Иванова Т.Н., Тюнтеров О.С. Взгляд извне на тюркские народы России: чуваша как субъект российской истории глазами А. Каппелера 44

Кабуркин А.А., Соколова В.И. Роль административно-территориального деления в образовании судебных органов на примере Ханты-Мансийского автономного округа в 1930-1950-х гг. 50

Князева Н.В., Минеева Е.К. Формирование и развитие исторических научных школ в Чувашской Республике (начало 2000-х годов) 59

Кондратьев Н.О. Большесурская корабельная роща Курмышского уезда: прошлое и настоящее 62

Мясникова А.Б. Проблема сохранения миноритарных языков и учебная методика «языковое гнездо» на примере финно-угорских народов мира и России 73

Таймасов Л.А. Религиозная политика царизма в Среднем Поволжье в XVIII веке 77

Ткаченко В.Г. Церковные архивы на территории Чувашии в XVI–XVII вв.: проблемы формирования и организации хранения 81

Цыганова И.В. Реакция в Великобритании и Японии на подписание союзного договора 1902 г. 91

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Алексеева Н.Ю., Петров Н.А. Освещение межэтнического взаимодействия мордвы и чувашей в этнографической литературе 100

Горячева Ю.С. Концептуальные подходы к проектированию археолого-этнографических парковых комплексов 104

Дмитриева И.В., Петров Н.А. Изменения традиционной детской одежды чувашей во второй половине XIX – первых десятилетиях XXI в. 108

<i>Ласточкин В.Б.</i> Духовное просвещение в педагогических концепциях Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева (к 200-летию со дня рождения Н.И. Ильминского).....	111
<i>Семенов А.А.</i> О работе совместной археологической экспедиции 2011–2021 гг.....	115
<i>Семенова Т.В.</i> Полевое моление на примере обряда Учук в коммуникативном пространстве Волго-Уралья	118
<i>Федулов М.И., Семенов А.А., Григорьева Н.А., Павлова Т.Е., Тихонов Э.А.</i> Керамика Вудояльского поселения срубной культуры (материалы раскопок 2021 года).....	122
<i>Щанкина Л.Н.</i> Поселенческо-жилищный комплекс русских Краснослободского района Мордовии	128
<i>Ялтаев Д.А.</i> Кафедра археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова на современном этапе.....	132
ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ	
<i>Ван Хааске Л.А.</i> Образ лешего в современной городской культуре: восприятие и стратегии описания (по данным интернет-опроса).....	141
<i>Вязова О.Г., Василенко О.В.</i> Трансформация детских игр как показатель трансформации сельского социума (на примере Чувашии начала XXI в.)....	148
<i>Павлушков А.Р.</i> Крестьянский общественный контроль за соблюдением церковных правил повседневной жизни в XVIII–XIX вв.....	153
ПОДВИГ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)	
<i>Григорьев А.Д., Харитоновна С.Б.</i> Деятельность Народного комиссариата социального обеспечения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны	156
<i>Ешпанов В.С., Ешпанова А.А., Сарсембай М.В.</i> Неизвестное прошлое из дневниковых записей 1941–1942 гг. тылового железнодорожника СССР периода Великой Отечественной войны	159
<i>Кодыбайкин С.Н.</i> Роль музея Великой Отечественной войны Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в патриотическом воспитании молодёжи	162
<i>Николаева М.Н.</i> Итоги года строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей на примере гимназии №8 г. Шумерли	167
<i>Семенов А.А.</i> О тяжелой доле чувашской девушки: воспоминания о Дмитриевой Прасковье Дмитриевне	170
<i>Федулов М.И.</i> О боевом и жизненном пути Карачаркова Александра Ивановича	173
<i>Федулов М.И., Федулова И.А., Семенов А.А.</i> Результаты обследования Сурского оборонительного рубежа в 2021 году	178

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

Дмитриева Инга Валерьевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**НИКОЛАЙ АРКАДЬЕВИЧ ПЕТРОВ – ЗАВЕДУЮЩИЙ
КАФЕДРОЙ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ
И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
(К 60-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

Аннотация: в статье рассмотрена работа Н.А. Петрова в должности заведующего кафедрой археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова, представлены основные направления его научных исследований, а также организационно-методическая деятельность в родном университете и республике.

Ключевые слова: кафедра политической истории, кафедра археологии, этнографии и региональной истории, этнография, этнология, антропология, обычное право, чувашская крестьянская община второй половины XIX – начала XX в, современная чувашская этнография.

Николай Аркадьевич родился 17 февраля 1962 г. в деревне Вторые Хормалы Канашского района Чувашской АССР. После окончания в 1979 г. Новочелкасинской средней школы того же района поступил в среднее профессионально-техническое училище №26 г. Сызрани. В 1980–1981 гг. работал на Чебоксарском машиностроительном заводе, а в 1981–1983 гг. служил в пограничных войсках КГБ СССР в составе ограниченного контингента советских войск в Республике Афганистан. Служба в армии были не простым периодом в жизни Николая Аркадьевича, но именно там возникает мысль о получении высшего образования. В результате после демобилизации Н.А. Петров поступает на подготовительное отделение Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Дисциплинированному и успевающему в учебе слушателю предлагают поступить в Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. А.М. Горького (в 2011 г. вуз вошел в состав УРФУ им. первого Президента России Б.Н. Ельцина). Учеба и жизнь в Свердловске позволили не только получить квалификацию специалиста по истории партии, но и познакомиться с научно-педагогическим опытом одного из авторитетных вузов страны [28].

После завершения учебы Николай Аркадьевич возвращается в Чувашию и начинает трудовую деятельность в Чувашском государственном университете в должности ассистента на кафедре общественных наук. Молодой преподаватель разрабатывает лекции, готовится к семинарским занятиям. В 1993 г. избирается на должность старшего преподавателя кафедры политической истории. Глобальные общественно-политические

преобразования, проводившиеся в нашей стране в начале 1990-х гг., вносят свои коррективы в развитии карьеры юбиляра.

Летом 1993 г. кафедра политической истории была реорганизована, и Николай Аркадьевич был переведен на кафедру археологии, этнографии и региональной истории, заведующим которой являлся ведущий чувашский этнограф д.и.н., профессор П.В. Денисов. Петр Владимирович сыграл большую роль в научной судьбе Н.А. Петрова, став не только его научным руководителем, но и порекомендовав выбрать очную аспирантуру при кафедре с целью полного погружения в новую специальность.

Рис. 1. Н.А. Петров с П.В. Денисовым. Этнографическая экспедиция. Лето 1996 год

Будучи уже семейным человеком, отцом двоих сыновей, Николай Аркадьевич принимает решение о поступлении в очную аспирантуру по специальности «Этнография, этнология и антропология», сферой его научных интересов становится община и обычное право чувашского крестьянства во второй половине XIX – нач. XX в. Благодаря упорству, целеустремленности, огромной работоспособности в 2000 г. в Центре этнологических исследований Уфимского научного центра Российской академии наук Николай Аркадьевич защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Официальными оппонентами выступили известный казанский ученый д.и.н., профессор Е.П. Бусыгин и исследователь из Уфы к.и.н. И.Г. Петров.

В августе 2002 г. Н.А. Петров был назначен заведующим кафедрой археологии, этнографии и региональной истории, сменив на этом посту своего научного руководителя П.В. Денисова [2].

Рис. 2. Н.А. Петров на кафедре археологии, этнографии и региональной истории. 17 июня 2004 г.

Вот уже почти 20 лет Николай Аркадьевич является руководителем кафедры АЭРИ историко-географического факультета. Ему свойственны такие человеческие качества, как ответственность, педантичность, порядочность, забота о каждом члене, руководимого им коллектива. Н.А. Петрову удалось сохранить традиции, сложившиеся на кафедре, преподаватели и сотрудники чувствует себя комфортно, стараются поддерживать друг друга, в этом немалая заслуга Николая Аркадьевича! Заслуживает высокой оценки учебно-методическая деятельность, техническое оснащение учебных аудиторий и музеев, закрепленных за кафедрой. По итогам 2007, 2010 и 2012 гг. кафедра во главе с ее руководителем признавалась лучшей в университете среди кафедр гуманитарного направления.

Наряду с заведованием кафедрой, Николай Аркадьевич успешно справляется со всеми поручениями и обязанностями, связанными с организационно-методической работой в университете и республике. Еще в 1998 г. ему было поручено курировать деятельность лицеев и лицейских классов университета, зарекомендовав себя на этой должности только с положительной стороны, в 2001 г. Н.А. Петров был назначен начальником созданного отдела по довузовской подготовке, затем деканом факультета по довузовской подготовке ЧГУ. В этом же году он стал заместителем ответственного секретаря приемной комиссии университета, а в 2010 г. – ее ответственным секретарем. И вот уже больше 10 лет Н.А. Петров выполняет обязанности ответственного секретаря приемной комиссии университета, создав крепкую и работоспособную команду! Смело можно утверждать, что никто лучше, чем Николай Аркадьевич, в университете не ориентируется во всех нюансах и тонкостях правил приема в высшие учебные заведения. Благодаря ответственной и слаженной работе приемной комиссии нашего университета и его ответственного секретаря ежегодно вуз успешно справляется с плановыми заданиями приема студентов.

Рис. 3. Обсуждение рабочих моментов приемной комиссии университета. Лето 2002 г. В.Г. Агаков, Н.А. Петров, А.С. Сабилов, С.И. Чучкалов, В.Д. Казаков, Н.Г. Водянов, А.В. Ялтаева

Еще один важный участок работы – это выполнение обязанностей ученого секретаря Ученого совета университета (с 2013 г.), а также ученого секретаря Совета ректоров вузов Чувашской Республики (с 2012 г.).

На протяжении многих лет Н.А. Петров являлся экспертом конкурсных работ по истории и культуре Чувашии, народов Поволжья, возглавляя жюри школьных и студенческих конференций, проводимых городом и республикой. В 2008 – 2015 гг. – председатель жюри Республиканского этапа Всероссийской олимпиады школьников по истории, где участники неоднократно становились победителями и призерами Всероссийской олимпиады школьников по истории. В течение многих лет является куратором площадки по организации и проведению Международной просветительской акции «Большой этнографический диктант», которая проходит в каждом из 85 субъектов Российской Федерации и на территории зарубежных стран.

Несмотря на большую организационную загруженность, Николай Аркадьевич активно успевает заниматься и научной деятельностью. Он постоянный участник региональных, всероссийских и международных конференций и симпозиумов.

Рис. 4. VII конгресс этнографов и антропологов. Саранск. 9–14 июля 2007 г. Н.А. Петров, Л.А. Таймасов, О.В. Егорова.

Н.А. Петров продолжает изучать институт обычного права на примере чувашской крестьянской общины второй половины XIX – начала XX в. (структура, землепользование, регламентация семейной жизни, деятельность мирского суда, влияние традиционного воспитания на формирование правосознания молодежи, историография проблемы [5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 17; 20; 23; 24; 25]). Исследователь в последние годы обратился к вопросам современной чувашской этнографии [3; 4; 21; 22], а также к историографическим сюжетам: изучая творчество своего научного руководителя профессора П.В. Денисова и коллег [16; 18; 19; 26]. Курируя деятельность лицеев и лицейских классов университета, затем возглавляя отдел по довузовской подготовке и факультет по довузовской подготовке ЧГУ, Николай Аркадьевич стал заниматься обобщением опыта работы университета в этой области [1; 27].

Им опубликовано более 100 работ, в том числе две монографии, научные статьи в рецензируемых журналах Scopus, Web of Science, ВАК, РИНЦ, а также учебно-методические пособия, обеспечивающие учебный процесс в вузе.

За плодотворную научно-педагогическую деятельность и достигнутые успехи в воспитании школьников и студенческой молодежи, а также за качественные результаты работы Н.А. Петров награждался Почетными грамотами ЧГУ им. И.Н. Ульянова (2011, 2012, 2016), Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики (2003), Грамотой Президиума Верховного Совета СССР (1988). Н.А. Петрову объявлены Благодарности министра образования Российской Федерации (2003) за большой личный вклад в организацию и успешное проведение эксперимента по введению единого государственного экзамена в ЧР-Чувашии; министра образования и молодежной политики Чувашской Республики (2013) за качественную организацию и проведение регионального этапа Всероссийской олимпиады школьников, министра культуры, по делам национальностей и архивного дела Чувашской Республики (2019) за помощь в организации и проведении Международной просветительской акции «Большой этнографический диктант» и популяризацию знаний о народах, проживающих в России.

Н.А. Петров пользуется заслуженным авторитетом среди коллег, сотрудников и обучающихся университета, представителей вузовского сообщества Чувашии.

Список литературы

1. Агаков В.Г. Довузовская подготовка учащихся в Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова / В.Г. Агаков, Н.А. Петров [Текст] // Проблемы повышения качества образования в условиях модернизации общества: материалы региональной научно-методической конференции. – Чебоксары, 2004. – С. 267–270.
2. Гусаров Ю.В. Из истории кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета / Гусаров Ю.В. [Текст] // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30- летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): материалы Всерос. научной конференции (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 7–30.
3. Дмитриева И.В. Роль и место женщины в досуговой культуре чувашского народа / И.В. Дмитриева, Н.А. Петров [Текст] // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева). Сборник трудов Всероссийской научной конференции с международным участием. – Чебоксары: ООО «ИД «Среда», 2018. – С. 262–264.

4. Егорова, О.В. Чувашская женщина в современном городе: этнокультурный аспект [Текст] / О.В. Егорова, Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №4. – С. 93–103.
5. Петров Н.А. Заключение брака в пореформенной чувашской деревне (1861 – 1900 гг.) [Текст] / Н.А. Петров // Региональные структуры системы образования: опыт, проблемы, перспективы: Материалы всероссийской научно-практической конференции, посвященной 5-ой годовщине Батыревского филиала Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. госун-та, 1999. – С. 78–83.
6. Петров Н.А. Община и обычное право чувашского крестьянства во второй половине XIX – нач. XX в. (историография проблемы: 1950–90-е гг.) [Текст] / Н.А. Петров // Чувашская Республика на рубеже тысячелетий: история, экономика, культура. Тезисы международной научно-практической конференции, посвященной 80-летию Чувашской Республики. – Чебоксары, 2000. – С. 46–48.
7. Петров Н.А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – нач. XX вв [Текст] / Н.А. Петров // Семья в России. – 2001. – №1. – С. 60–72.
8. Петров Н.А. Семейно-родственные отношения у чувашей во второй половине XIX – начале XX в [Текст] / Н.А. Петров // Семья в России. – 2002. – №1. – С. 59–74.
9. Петров Н.А. Землепользование в чувашской общине по обычному праву во второй половине XIX – начале XX вв. [Текст] / Н.А. Петров // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья: сборник материалов VI региональной научной конференции историков-аграрников Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 193–199.
10. Петров Н.А. Историография проблемы общины и обычного права чувашского крестьянства (1861 – 1917 гг.) [Текст] / Н.А. Петров // Волжские земли в истории и культуре России: Материалы региональной научной конференции (Чебоксары, 20 – 21 июня 2003 г.). Часть I. – М.: Вуз и школа, 2003. – С. 66–69.
11. Петров Н.А. Отражение семейного и наследственного права чувашей в пословицах и поговорках [Текст] / Н.А. Петров // Семья в России. – 2004. – №3. – С. 149–157.
12. Петров, Н.А. Роль чувашской общины в формировании правосознания молодежи во второй половине XIX – начале XX вв [Текст] / Н.А. Петров // Семья в России. – 2005. – №2. – С. 76 – 90.
13. Петров Н.А. Вопросы семьи и семейного быта чувашей во второй половине XIX – начале XX вв [Текст] / Н.А. Петров // Духовно-нравственное просвещение и воспитание молодежи: история и современность: сб. ст. международной научно-практической конференции. – Чебоксары, 2006. – С. 258–262.
14. Петров Н.А. Вопросы крестьянской общины и обычного права в трудах И.Д. Кузнецова [Текст] / Н.А. Петров // И.Д. Кузнецов – ученый, педагог, человек, переживший репрессии 30-х-40-х годов XX века: сб. ст. всероссийской научной конференции историков. – Чебоксары, 2006. – С. 153–155.
15. Петров Н.А. Положение приемшей в пореформенной чувашской деревне [Текст] / Н.А. Петров // Этнокультурное и этноконфессиональное образование: проблемы и перспективы развития. – Саранск, 2008. – С. 39–43.
16. Петров Н.А. Петр Владимирович Денисов (к 80-летию со дня рождения) [Текст] / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Петр Владимирович Денисов (к 80-летию со дня рождения). – Чувашский гуманитарный вестник. – 2008. – №3. – С. 234 – 239.
17. Петров Н.А. Отходничество как один из факторов изменения ментальности чувашского крестьянства во второй половине во второй половине XIX – начале XX вв [Текст] / Н.А. Петров // Формирование единого пространства образования и науки в России: прошлое, настоящее, будущее. Сб. ст. научной конференции, посвященной 55-летию со дня рождения профессора А.В. Арсентьевой (II Арсентьевские чтения). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2010. – С. 267–272.

18. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85-лет со дня рождения) [Текст] / Н.А. Петров, О.Г. Вязова // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. материалов Межрегион. науч.-практ. конф., посвященной 85-летию со дня рожд. П.В.Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 36 – 42.

19. Петров Н.А. Петр Владимирович Денисов (1928–2014 гг.) [Текст] / Н.А. Петров // Чувашский гуманитарный вестник. – 2014. – №9. – С. 247–248.

20. Петров Н.А. Организация опеки у чувашей Казанской губернии по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX вв [Текст] / Н.А. Петров // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всеросс. науч. практ. конф. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 216 – 221.

21. Петров Н.А., Дмитриева, И.В. Продуцирующие обычаи и ритуалы в семейной обрядности чувашей [Текст] / Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: материалы Международной научн.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сентября 2018 г.). – Чебоксары: ООО ИД «Среда», 2018. – С. 208–214.

22. Петров Н.А. Роль национального праздника «Акатуй» в сохранении этнокультурных традиций в условиях глобализации [Текст] / Н.А. Петров, Т.В. Семенова // Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.: материалы онлайн-конф. (Чебоксары, 14 марта 2017 г.) – Чебоксары: ИД «Среда», 2017. – С. 32 – 38.

23. Петров Н.А. Эволюция семейно-брачных отношений у чувашей во второй половине XX – начале XXI вв [Текст] / Н.А. Петров // Вопросы национальных и федеративных отношений. – 2018. – Т. 8, №6 (45). – С. 687–693.

24. Петров Н.А. Реализация принципов социальной справедливости и гуманизма в профессиональной юридической деятельности Василия Константиновича Магницкого [Текст] / Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Исторический поиск. – 2021. – Т.4. – №2. – С.78–84.

25. Петров Н.А. Обряды перехода у чувашей (на примере рекрутской повинности) [Текст] / Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): материалы Всерос. научной конференции (Чебоксары, 12 ноября 2019 г.). – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 129–134.

26. Петров Н.А. Опыт междисциплинарных исследований в устной истории в творчестве О.В. Егоровой [Текст] / Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.] – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С.27–30.

27. Петров Н.А. Организация психолого-педагогического сопровождения абитуриентов [Текст] / Н.А. Петров, Д.А. Троешестова // Высшее образование в России. – 2014. – №11. – С. 90–96.

28. Таймасов Л.А. Николай Аркадьевич Петров: юбилейный портрет ученого и руководителя / Л.А. Таймасов, О.Г. Вязова // Ульяновец: электрон. версия газ. – 2022. – №6 (2590). URL: <http://ulianovets.chuvsu.ru/newspaper/5-11-02-2022/> (дата обращения: 19.02.2022).

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Баев Андрей Анатольевич

аспирант

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/г-101322

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Ф.Н. ФОРТУНАТОВА В БИОГРАФИЧЕСКОМ ЖАНРЕ: КРАТКИЙ АНАЛИЗ

***Аннотация:** в статье представлен краткий анализ публицистической деятельности выдающегося педагога XIX века Федора Николаевича Фортунатова (1814–1873). Выделены основные жанры его творческой деятельности. Особое внимание уделено рассмотрению исследований биографического жанра. В данном направлении работы автора имеют достаточный вес и сегодня, так как они насыщены материалами из научных работ историков-краеведов XIX века. Выделены особенности публицистического творчества Ф.Н. Фортунатова.*

***Ключевые слова:** Ф.Н. Фортунатов, А.П. Мельгунов, архиепископ Ириней Нестерович, В.И. Соколовский, М.М. Сперанский, М.Л. Магницкий, Д.М. Макшеев, А.А. Монаков, Д.П. Трощинский, В.Н. Каразин.*

Федор Николаевич Фортунатов (1814–1873) является уникальным представителем учительской династии. Род Фортунатовых прославил учительство России. Его представители всегда работали на благо Родины [3, с. 393]. Но помимо преподавательской деятельности Федор Николаевич очень успешно и плодотворно трудился как публицист. Его работы, посвященные дополнению географических и статистических данных по Вологодской губернии XIX века, статьи по этнографии, истории Вологодской губернской мужской гимназии и развитию образования в Олонецкой губернии внесли существенный вклад в развитие краеведения. Особое внимание стоит уделить работам Ф.Н. Фортунатова в биографическом жанре.

У Федора Николаевича Фортунатова есть несколько опубликованных биографических статей: 1) Заметки и дополнения вологжанина к статье об А.П. Мельгунове (Из записок, семейных бумаг и памяти); 2) Несколько слов о В.И. Соколовском; 3) Памятные заметки вологжанина (Вологда в 1812 году. Сперанский, Магницкий, Трощинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Слонцов и др.); 4) Воспоминания Вологжанина о преосвященном архиепископе Иринеи, пребывавшем на покое в Спасо-Прилуцком Вологодском монастыре, с присовокуплением извлечений из писем архиепископа (Посвящается почитателям памяти Владыки).

В статье об Алексее Петровиче Мельгунове, генерал-губернаторе Вологодской, Архангельской, Ярославской и Новороссийской губерний во времена правления Екатерины II, вышедшей в сентябре 1865 года в

журнале «Русский архив», Федор Николаевич выступает в качестве специалиста, дополняющего работу ярославского историка-краеведа, Леонида Николаевича Трефолева «Алексей Петрович Мельгунов, генерал-губернатор екатерининских времен», вышедшей в январе 1865 года в журнале «Русский архив». В данной работе Фортунатов вносит существенные поправки в неточности ярославского ученого. Статья поделена на 9 глав, каждая из которых посвящена какому-то одному сюжету из работы Л.Н. Трефолева.

В первой главе Федор Николаевич вносит существенное дополнение в статью Трефолева, которое касалось сведений о результатах осмотра Ярославско-вологодских школ коллежским советником Осипом Петровичем Козодавлевым, 10 июля 1688 года, через 8 дней после кончины Мельгунова, т.е. для составления отчета императрице о проделанной умершим работой. Леонид Николаевич не приводит результаты осмотра, ссылаясь на то, что тяжело попасть в архивы. Федор Николаевич, опираясь на сведения дяди своего отца, Ионы Федоровича Фортунатова, учителя Вологодского главного народного училища с ее основания в 1786 году, пишет, что Козодавлев остался чрезвычайно доволен учебными учреждениями, дополняя высказывание полным текстом рескрипта Екатерины II преемнику Мельгунова, Евгению Петровичу Кашкину, от 3 ноября 1788 года: «... мы с удовольствием извещаемся, что в губерниях Ярославской и Вологодской народные училища процветают, и учение в оных производится с добрым успехом...» [2, с. 920]. Подкрепляется данное известие указом императрицы на имя комиссии об открытии главных народных училищ в губерниях [7, с. 1126].

Во второй главе Фортунатов дополняет информацию Трефолева об издании в 1781 году «Российской азбуки для обучения юношества чтению», что в ней имелось 117 наставлений, использовалась она в народных и приходских училищах.

В третьей главе ведется речь об объезде А.П. Мельгуновым территории Архангелогородской губернии в 1779 году для выполнения указания императрицы по делению ее на три губернии (наместничества): Вологодскую, Архангельскую и Великоустюжскую. Представлена ссылка на повеление императрицы от 25 января 1780 года об открытии Вологодского наместничества [6, с. 911]. Дальше ведется подробный рассказ о присутствии Мельгунова на открытии Вологодского и Архангельского наместничеств в этом же году с описанием государственных обрядов. Придается особое значение роли Алексея Петровича в составлении и учреждении планов городов: Великий Устюг (1784 г.) и Вологда (1781 г.). Говоря об этих знаменательных событиях, Федор Николаевич приводит энциклопедические знания о деятельности Ивана Грозного в Вологде в 1566 году (закладка стен Кремля для обороны от Ливонского ордена). Данная информация взята автором из журнала «Вологодские губернские ведомости» от 1838 года. Далее Фортунатов в примечаниях рассказывает о судьбе и творчестве первого редактора данного журнала, Владимире Игнатьевиче Соколовском, одном из лучших его друзей, которому посвящена отдельная статья Фортунатова. По случаю болезни последнего, именно Федор Николаевич возглавит в 1838 году редакцию главного вологодского журнала XVIII–XIX веков. После обширного отступления автор представляет информацию о первом после объявления учреждения

Вологодского наместничества губернском предводителе дворянства, Алексее Васильевиче Олешеве (представлена его очень подробная биография, родственные связи с знаменитыми людьми того времени, в частности, Александром Васильевичем Суворовым). Данные сведения показывают нам очень высокий уровень владения Ф.Н. Фортунатовым историческими источниками своего времени. Очень важным отступлением данной главы является размышление автора о необходимости выделения Мельгуновым в качестве уездных городов такие населенные пункты: Кадников, Грязовец, Никольск, Красноборск. До 1780 года данные населенные пункты были селами. Целесообразность объявления их уездными центрами объясняется обширностью безлюдной территории (Никольск), развитой торговлей (все остальные).

В четвертой главе Федор Николаевич дополняет информацию Л.Н. Трефолева о епископе Вологодском и Великоустюжском Иринае. Особый акцент делается на благодарности вологжан отцу Иринаею за его отзывчивость, универсальные знания, помощь и работу в Вологодском крае. Приведены два анекдота из реальной жизни Иринаея, которые показывают его смекалку и умение выходить из самых сложных ситуаций без конфликта с людьми. Отцу Иринаею Фортунатов посвятил свою самую длинную статью, речь о которой пойдет ниже.

В пятой главе дополнение информации о Петре Федоровиче Мезенце, Вологодском губернаторе с 1784 по 1797 г. Эта глава раскрывает очень важные биографические данные из жизни вологодского чиновника, в частности, с кем у него были знакомства, как его женитьба на Анне Алексеевне Скарятиной породнила его с одной из самых знатных фамилий города Вологда Олешевыми.

В шестой главе Фортунатов дает очень ценные и редкие данные о том, что сенатор, действительный тайный советник, Роман Ларионович Воронцов, отец княгини Дашковой, был не просто хорошим другом Мельгунова, но еще и хорошим его помощником. В 1786 году они вместе с тайным советником Алексеем Васильевичем Нарышкиным обозревали Вологодскую и Архангельскую губернии. Важным дополнением, также, является биографическая информация о графе Федоре Евстафьевиче Ангальте, начальнике сухопутного шляхетского кадетского корпуса в Петербурге, который в 1785 году был проездом через данные губернии. В статье приведены воспоминания двух его воспитанников, в которых чувствуется неподдельная любовь и преданность качествам этого замечательного педагога.

В седьмой главе Федор Николаевич рассказывает о самых знатных вологодских купеческих родах XVII века: Митрополовых, Поповых, Фетиевых, Колесовых, Рыбниковых, Шапкиных. В частности, приведен список завещания Гавриила Мартыновича Фетиева 1684 года. Дано объяснение богатства вологодских купцов: нахождение на пути их Москвы в Архангельск, главный морской порт XVII-XVIII веков, путь в Сибирь.

В восьмой главе Фортунатов поправляет неправильно написанную фамилию чиновника Мишурина на Машурин, который умер после побоев, нанесенных сослуживцами по Вологодской казенной палате. Также, Федор Николаевич добавляет очень интересную информацию о сыне убитого, Георгии Затворнике, которая касается его участия в Отечественной войне 1812 года, прощании с матерью перед уходом на фронт и

вступлении в монастырское затворничество. В качестве примечания автор дает краткую библиографическую информацию о Максиме Ивановиче Матвееве, управляющем имениями графини Анны Алексеевны Орловой, однокласснике Георгия Затворника.

В девятой главе рассказывается долгая и запутанная история о поиске многими учеными XVIII века письменных источников на зырянском языке. Этот поиск связан с недостоверной информацией о якобы привезенных Мельгуновым древних зырянских источников в Эрмитажную библиотеку. Фортунатов через приведение примеров попыток розыска данных или каких-то иных источников по данной тематике видными учеными того времени доказывает невозможность данного факта. При развертывании данного запутанного сюжета, Федор Николаевич, в качестве очень объемных сносок, представляет информацию о видных церковных деятелях Вологодского и Архангельского краев: Стефан Великопермский, Пресвященный Евгений Болховитинов, епископ Арсений Тодорский, Пресвященный Иннокентий Борисов. Таким образом, мы видим, что Фортунатов в биографической статье не обходит стороной этнографические вопросы, в которых он очень был силен в силу своего увлечения данной наукой.

В статье «Несколько слов о В.И. Соколовском» автор раскрывает некоторые моменты жизни поэта и первого редактора журнала «Вологодские губернские ведомости» (1838–1839), касающиеся его деятельности на посту редактора журнала, переломных моментов в жизни поэта (заключение в Шлиссельбургской крепости и ссылка в Вологду за сочинение оскорбительной песни на смерть Александра I) [4, с. 368].

Статья Федора Николаевича Фортунатова «Памятные заметки вологжанина (Вологда в 1812 году. Сперанский, Магницкий, Трошинский, Макшеев, Монаков, Карамзин, Слонов и др.)» напечатанная в журнале «Русский Архив» за 1867 год в №12, после инструкции Михаила Леонтьевича Магницкого, попечителя Казанского учебного округа коллежскому ассесору Дмитрию Михайловичу Макшееву перед отправлением его на ревизию учебных заведений в Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Симбирской губерниях [5. С. 1646]. Необходимо заметить, что данная инструкция имела своей целью обличить несовершенство существующей системы образования в Поволжье, что, в конечном итоге, привело к разгрому Казанского университета.

В статье Фортунатова дана очень обширная биография Макшеева. Также, дан библиографический перечень статей по изучению данной инструкции современниками действующих лиц. Во время нахождения Магницкого в ссылке в Вологде М.М. Сперанский отправлял тайно через своего лучшего друга, П.Г. Масальского, ему деньги на проживание, что продемонстрировано Фортунатовым выдержками из переписки Сперанского с Масальским. Дружба и размолвка в 1818 году Сперанского и Магницкого занимает довольно большую часть статьи. Это связано с влиянием данных исторических деятелей на отечественную историю в первой половине XIX века, смене отношения императоров к данным личностям.

Также в статье дан перечень знаменитостей, с которыми общался Магницкий в Вологде в 1812 году. Эти знаменитости переехали в Вологду в связи с занятием Наполеоном Москвы в 1812 году. Одновременно, в

сопровождении самых высоких священных чинов, в Спасо-Прилуцкий монастырь из Москвы были перевезены основные святыни России. Указана немаловажная информация о губернаторе Вологодском в 1812 году Н.И. Барше. На период его правления выпала тяжелая доля: переезд московской аристократии, перевоз святынь, а с осени 1812 года – прием пленных французов, среди которых тоже были именитые граждане своего отечества. Конец очерка полностью посвящен последним годам жизни Магницкого и его философским работам и взглядам на религию.

В биографии своего тестя, Алексея Алексеевича Монакова, Федор Фортунатов показывает особенности черт характера Сперанского: исполнительность, щепетильность, быстрота выполнения работы. В тоже время, боязнь за сохранение своего привилегированного положения при императоре. Это видно на примере отступления Сперанского от двух своих друзей, которые перестали быть удобными императору: Д.П. Троицкого, начальника уделов, главного директора почты, докладчика и главного лица при Александре I и Петра Андреевича Словцова, историка Сибири по неволе. А.А. Монаков был личным писарем Троицкого. Он собственноручно переписывал проект отмены крепостного права в 1801 году, созданного князем Зубовым, который планировалось принять во время коронации Александра I 15 сентября 1801 года, но, как указано, после заседания Негласного комитета эта реформа была признана несвоевременной. Там же, представлена личность Василия Назаровича Каразина, автора записки императору о внутреннем положении современной России, инициатора создания Министерства Народного Просвещения во времена Александра I. Раскрыто его консервативное отношение по поводу отмены крепостного права.

В примечаниях дана биография некоторых именитых вологодских масонов, биография поэта К. Батюшкова, стихи его учителя Н.М. Муравьева о Вологде, биография некоторых Святых Отцов церкви, имевших отношение к Вологде того периода. Даны краткие известия о редакторе Сибирских губернских ведомостей, издателе древней Сибирской летописи.

Исторический очерк Фортунатова, точнее сказать, мини-монография биографического характера, посвященная преосвященному архиепископу Иринею Нестеровичу (1783–1864 гг.), архиепископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому (1830–1831 гг.), епископу Пензенскому и Саратовскому (1826–1830 гг.), настоятелю Толгского монастыря (1848–1864 гг.), борцу за свободу церкви от государственной власти, является главным источником о жизни и деятельности данного персонажа.

Федор Николаевич написал данную биографию через 4 года после смерти архиепископа в 1868 году в дань преклонения перед его человеческими качествами. Федор Николаевич находился в приятельских отношениях с отцом Иринеем с 1838 года до самой его смерти в 1864 году. Биография разбита на несколько граф и была частично напечатана в журнале Вологодские епархиальные ведомости. Публикация обрывается 15 главой. Это связано с запретом дальнейшего печатания статьи цензурой. Из имеющихся 15 глав мы узнаем об основных стадиях жизни архиепископа, вплоть до отъезда его в 1848 году в Толгский монастырь. Очень важными источниками, которые Фортунатов публикует внутри биографии, являются 60 писем Отца Ириней к автору, посвященные разным аспектам

жизни самого архиепископа и общественным проблемам. Для большего удобства при чтении работа была объединена в единый текст редакцией журнала.

Первая глава посвящена рождению, детству Ириней и его ближайшим родственникам. Из данной главы мы узнаем, что архиепископ родился 25 января 1783 года в Уманском уезде Киевской губернии в семье приходского священника. При рождении наречен Иоанном. В 1813 году получил монашеское имя Ириней. Далее публикуется интересный факт о том, что назначение епископом Пензенским и Саратовским 31 января 1826 года было первым назначением Николая I на императорском престоле. Образование Отец получил в Киевской духовной академии. Далее ведется рассказ о двух сестрах Ириней, их мужьях. Все они, так или иначе, были связаны с церковной службой. Заканчивается первая глава сюжетом об Архимандрите Соловецкой обители Александре во время Крымской войны, руководителе обороны Соловецкого монастыря в 1854 году, уроженце соседнего села. Представлено воспоминание от беседы Ириней и Александра в Олонецкой губернии в декабре 1854 года: «Не буду говорить, как остались для меня на всегда памятными часы, проведенные мною в беседе с этим историческим лицом...» [1, с. 6].

Во второй главе рассказывается о годах учебы в Киевской духовной семинарии. Ириней в письме к Фортунатову вспоминал важную мысль, высказанную ему одним из причетников во время обучения: «кто хочет хорошо написать проповедь, тот сам должен быть убежден в том, в чем желает он убедить других; как же хочешь ты поучать других, если сам не тверд в своих убеждениях?» [1, с. 8]. Окончив семинарию, Ириней поступил Киевскую духовную академию, о которой у него самые теплые воспоминания, особенно об Отце Иринее Фальковском, преподавателе латинского, немецкого языков, математики, архитектуры, философии и догматического богословия. Подчеркивая универсальность его знаний, Нестерович подчеркивал, что выбрал себе монашеское имя по имени своего наставника. Далее идет краткая биография Фальковского. После окончания академии в 1805 году Отец Ириней Нестерович остается на 5 лет настоятелем и преподавателем немецкого языка в данном учебном заведении. При проведении занятий часто обращал своих воспитанников к трудам Геснера и Геллерта, писателей эпохи Просвещения. Ириней считал: «Геллерт наиболее сладок в том, что от всей души говорит об откровении, а это фундамент нашего счастья» [1, с. 13].

В третьей главе Федор Николаевич ведет рассказ о жизни Ириней с 1810 по 1826 год. С 1810 по 1812 годы Отец был наставником греческого языка в Яском главном училище по повелению Молдо-Влахийского Экзарха Гавриила, лично знавшего Ириней по учебе в Киевской академии. В 1812 году вместе с Гавриилом переведен в Кишинева на кафедру Кишиневской и Хотинской епархии. Здесь Нестерович находился до переезда в Петербург в 1824 году. В 1813 году пострижен в монахи в праздник дня Введения во храм Пресвятой Богородицы. В последующем, этот праздник был особо почитаем им. В Вологде возобновил деятельность Введенского храма, погребен в Толгском монастыре при Веденской церкви. В 1817 году Ириней назначен ректором Кишиневской семинарии. Далее идет пространное перечисление знаменитых лиц того периода, с

которыми Отец имел приятельские отношения. Среди них: А.С. Пушкин, Н.И. Надеждин и В.И. Соколовский. В 1824 году архимандрита вызывают в Петербург для работы законоучителем в 1-м Кадетском корпусе. С теплом отзывается он о знакомстве с П.А. Вяземским. В конце представлен развернутый критический анализ личности Гоголя и его произведение «Выбранные места из переписки с друзьями».

Четвертая глава начинается с назначения Ириней епископом Пензенским и Саратовским 31 января 1826 года. В это время по территории Российской империи везли тело убитого Александра I. Ириней вспоминает, что ему была предоставлена честь сопровождать тело на территории Санкт-Петербургской губернии, как только что хиротописанному. С 28 февраля по 6 марта в Царском селе служил он заупокойные литургии у тела императора. Из данного сведения мы узнаем о похоронах императора 13 марта 1826 года. В Пензенской епархии он находился до 1830 года, где в 1829 году награжден орденом Святой Анны первой степени. В 1830 году после смерти действующего архиепископа Иркутского, Нерчинского и Якутского, Мисаила, Ириней был назначен на эту должность. В то время данная епархия была самой большой по территории и самой разношерстной по национальному принципу. В данных обстоятельствах требовался человек энергичный с твердым характером, каким безусловно был Ириней. За год своего пребывания в Сибири, Ириней за нетерпение к нарушениям работы чиновников и духовных лиц нажил себе много врагов и был снят с должности архиепископа в 1831 году. С 18 декабря 1831 года по 17 апреля 1848 года Ириней в затворничестве в Спасо-Прилуцком монастыре, во время которого Фортунатов в 1838 году с ним познакомился. Представлены обстоятельства, при которых они познакомились, рассказано о первых годах пребывания Ириней в Вологде (запрещено было выходить из стен монастыря, запрещено проводить богослужения и священных действий). По мере знакомства вологжан с личностью Отца, запреты постепенно снимались. К концу своего пребывания в Вологде Ириней был главным народным лекарем, бывал на всех главных мероприятиях города и участвовал в их открытии.

Пятая и шестая главы посвящены знакомствам Отца Ириней с влиятельными людьми. Пятая глава о знакомых вологжан: вологодские губернаторы – Д.Н. Бологовский и С.Г. Волховский, Вологодский губернский предводитель дворянства – Н.И. Брянчанинов, тесть Фортунатова, чиновник Вологодской казенной палаты – А.А. Монаков, директор Вологодской мужской гимназии – А.В. Башинский, советник Вологодской казенной палаты – Н.С. Самойлов, управляющий Вологодской удельной конторой – Г.А. Гревенц, выпускник Вологодской мужской гимназии, учитель истории 5-й Санкт-Петербургской гимназии – Н.Е. Андреевский, купец – А.О. Витушешников, из женщин – купчиха Дурыгина. Многих из них представлена подробная биография.

В шестой главе очень подробно раскрыты три сюжета. 1. Отношения Ириней с преосвященным Иннокентием, который на протяжении 1841 года возглавлял Вологодскую епархию. Иннокентий считал Ириней своим наставником и добился для него свободы передвижения по г. Вологде и осуществления богослужений. Также, подробно изложена писательская биография Иннокентия. 2. Встреча с профессором Московского

университета, Михаилом Петровичем Погодиным, в 1841 году. Представлен отзыв Погодина о личности архиепископа, его духовных качествах. 3. Встреча с профессором Московского университета, Степаном Петровичем Шевыревым, в 1847 году во время его поездки в Кирилло-Белозерский монастырь. Об этой встрече у обоих остались самые светлые воспоминания, которые представлены в статье в виде выдержек из их переписки.

В седьмой и восьмой главах повествуется об увлечениях Ириней Нестеровича. В седьмой главе показаны главные христианские книги, которыми он пользовался, какие пометки он там делал. Показано его отношение по многим общественным вопросам: образование, воспитание, духовно-нравственное развитие человека. Хотелось бы привести одно его высказывание, которое касается воспитания: «И в ребенке видим проблеск разума, когда он, по влечению сердца, хотел бы сделать дурное, но внутренний голос говорит ему, что он должен повиноваться словам отца, или матери» [1, с. 58].

В восьмой главе Фортунатов рассказывает о литературных журналах, которые Ириней читал и считал нужными для Отечества: духовные журналы, журналы Министерства Народного Просвещения, Москвитянин (М.П. Погодина), Маяк (С.А. Бурачка), Русская беседа (А.И. Кошелева) и Христианские чтения. Следующий сюжет – это отношение Ириней к политике в Европе в конце 1850-х годов. Политические новости он узнавал и Московских ведомостей. Далее идет прекрасное повествование об отношении Ириней к природе, представлены некоторые метеорологические наблюдения. Например, рассказ о наводнении в Толгском монастыре в мае 1850 года. Также, Фортунатов представляет здесь ценные воспоминания о рождении сына Филиппа 2 января 1848 года, первоначальное отношение со своей стороны к Петрозаводску (отказ от Директорского кресла в 1847 году и согласие в 1852 году).

В девятой главе рассказывается о том, что Ириней не чурался проводить богослужения в любом из храмов Вологодской губернии, куда его приглашали, а также, о протоиереях вологодских, которых за их мужественные поступки Ириней очень глубоко чтит и уважал.

В десятой главе описан последний месяц пребывания Ириней в Вологде. 17 апреля 1848 года его назначили настоятелем Ярославского первоклассного Толгского монастыря. В последующий месяц проходило прощание вологжан с Отцом.

В одиннадцатой главе Фортунатов подробно в деталях описывает 13 мая 1848 года, день прощания Ириней с Вологодской мужской гимназией. Он побывал на занятиях всех классов. После уроков был устроен прощальный вечер с подарками и стихами. Подробно рассказано о том, кому и с какими пожеланиями Ириней дарил книги церковного содержания. В каждой подписи Отец подчеркивал лучшие качества одариваемого. Все семейство Фортунатова, также, было одарено книгами с пожеланиями.

В двенадцатой главе подробно описана последняя служба в Прилуцком монастыре 24 мая 1848 года, со слезами, подарками и благословлениями. В этот день шел страшный ливень, как символ оплакивания отъезда Ириней из Вологды. 26 мая 1848 года – отъезд Ириней из Вологды в Толгский монастырь.

В тринадцатой главе представлено описание поездки Фортунатова в Солигаличское женское духовное училище в 1846 году, во время своего путешествия. Раскрыта небольшая история учебного заведения, как оно было переведено в Ярославль и стало называться Ярославским женским духовным училищем. Показана личность первого директора – Е.П. Шиповой. Высказано свое мнение и мнение Ирины о данном училище. Интересны моменты приезда Марии Александровны (жены Александра II) и министра Народного Просвещения – П.А. Ширинского-Шихматова.

В четырнадцатой главе описан визит семейства Фортунатовых в 1849 году в Толгский монастырь к Иринею, через год после его назначения. Рассказано о трудностях его привыкания на новом месте, борьбе с пьянством среди духовенства, развлечениях семьи Федора Николаевича (рыбалка, поездки в Ярославль, участие в молебнах, духовные беседы).

При изучении любой из данных статей перед взором читателя предстает четко структурированная и разделенная на сюжетные линии работа. Невооруженным глазом видно, насколько основательно Федор Николаевич подходил к изучению вопроса, в большинстве сюжетов, в качестве примечаний, представлены развернутые личные факты из жизни деятелей, найти которые очень не просто. Этой особенностью статьи Фортунатова ценны для современных исследователей-биографов. Эта развернутость возможна только при доскональном изучении литературы по изучаемой теме, что с уверенностью можно сказать про Фортунатова.

Список литературы

1. Фортунатов Ф.Н. Воспоминания вологжанина о преосвященном архиепископе Иринее, пребывавшем на покое в Спасоприлуцком Вологодском монастыре, с присовокуплением извлечений из писем архиепископа: (Посвящаются почитателям памяти Владыки) // Вологодские епархиальные ведомости. – 1868. – 120 с.
2. Заметки и дополнения вологжанина к статье об А.П. Мельгунове (Из записок, семейных бумаг и памяти) // Русский Архив. – 1865. – №12. – 2-е изд. – С. 919–952.
3. Иванова Т.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI веков / Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева // Диалог со временем. – 2019. – №66. – С. 392–404.
4. Несколько слов о В.И. Соколовском // Русский Архив. – 1865. – №12. – 2-е изд. – С. 1367–1370.
5. Памятные заметки вологжанина (Вологда в 1812 году. Сперанский, Магницкий, Трошинский, Макшеев, Монаков, Каразин, Слонцов и др.) // Русский Архив. – 1867. – №12. – 2-е изд. – С. 1646–1707.
6. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т. 20: 1775–1780: [№14233–15105]. 1830. – 1034 с.
7. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года: [Собрание 1-е: по 12 декабря 1825 г.]. Санкт-Петербург: В типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830–1851. Т. 22: 1784–1788: [№15902–16738]. 1830. – 1168 с.

Виноградова Юлия Александровна

аспирант

ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

г. Кинешма, Ивановская область

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В УСЛОВИЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА НОВОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ УСАДЬБЫ Н.П. РУЗСКОГО «СТУДЕННЫЕ КЛЮЧИ» КИНЕШЕМСКОГО УЕЗДА ИВАНОВО- ВОЗНЕСЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ)

***Аннотация:** сохранение объектов культурного наследия имперской России изначально оказалось в центре внимания советского правительства. Принятые им постановления заложили основу для музейного строительства, как в центре, так и на местах. Положениями Музейного отдела при Наркомпросе РСФСР все памятники искусства и старины были включены в состав культурного фонда страны. Перед провинциальными музеями была поставлена задача обеспечивать государственный учет, инспекцию и охрану культурных и исторических ценностей. Ее реализации на территории Иваново-Вознесенской губернии и посвящена статья. Автором выясняются условия и обстоятельства становления органов государственного управления охраной историко-культурного наследия. Выделены и охарактеризованы действия представителей музейных ведомств и местных властей по охране художественных ценностей, оставшихся в усадьбах.*

***Ключевые слова:** охрана памятников искусства и старины, Наркомат просвещения, декреты, отдел народного образования, Иваново-Вознесенская губерния, национализация, музеи, собирание ценностей, Кинешемский музей, Иваново-Вознесенский губернский музей.*

Многочисленные помещичьи усадьбы – старые и относительно новые, крупные и мелкие, богатые и разорившиеся – частой сетью покрывали территорию европейской России. В ходе революции 1917–1918 гг. происходил их массовый разгром, расхищение и уничтожение хранившихся там культурных ценностей. Все это, как показывают исследования, было во многом спровоцировано представителями советской власти, но осуществлялось обычно руками крестьян.

Декрет о земле, принятый на II Всероссийском съезде Советов 26 октября 1917 года, в том числе передавал в руки народа огромные культурные ценности, собранные в помещичьих усадьбах. Не всегда руководители местных волостных Советов могли осознать историческое и культурное значение предметов, вносимых в описи как инвентарь и вещи. Чаще всего аккуратно переписывалось то, что могло быть пригодным в крестьянском хозяйстве – мебель, светильники, посуда, ткани; остальное – картины, гравюры, книги на иностранных языках вносились в списки оптом. Кроме того, под лозунгом «Все это наше, общее!» редчайшие культурные ценности расхищались и уничтожались. «Народные массы, оторванные от науки и красоты, часто не в состоянии осознать ценности таких произведений человеческого труда, и портят их, – пояснил А.В. Луначарский в статье «Охраняйте народное достояние». В другом выступлении Анатолий Васильевич говорил: «Мы знаем о

некоторых сожженных барских усадьбах, разрушенных библиотеках, раскраденных коллекциях и т. п.» [4, с. 11]. В телеграмме от 6 декабря 1917 года, отправленной на имя Председателя Совета Комисаров Ленину всего несколько слов: «Сообщите, как поступить с ценностями разграбленных имений. Острогужский Совет. Председатель П. Крюков». В ответ Владимир Ильич написал: «Составить точную опись ценностей, сберечь их в сохранном месте, вы отвечаете за сохранность. Имена — достоинства народа. За грабеж привлекайте к суду. Сообщайте приговоры суда нам» [3, с. 4].

28 мая 1918 г. был образован первый государственный орган для защиты памятников и исторических мест — коллегия (позже отдел) по делам музеев и охране памятников искусства и старины при НКП РСФСР. Она была создана по инициативе известного русского живописца и искусствоведа И.Э. Грабаря. После октябрьской революции Игорь Грабарь взял на себя бесценную работу по сохранению художественных произведений. Новую власть он безоговорочно признал, сразу же начал с ней сотрудничать, свою задачу видел в сохранении и реставрации картин. Грабарь принимал активное участие в создании государственного музейного фонда, национализации и дальнейшем распределении художественных коллекций (что во многих случаях означало попросту спасение этих произведений от уничтожения). Им же были сформулированы основные задачи коллегии — «ыскаание путей и способов к созданию условий, благоприятствующих процветанию русских музеев», «забота о принятии мер к охране искусства и старины», что видно из самого ее названия.

В то же время деятельность Музейного отдела Наркомпроса по выявлению, взятию на учет и сохранению наиболее известных дворянских усадеб и их коллекций было одним из противоречивых начинаний новой власти на первом этапе победившей революции. На основании декрета СНК «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» [2, с. 399–400], подписанного 10 октября 1918 г. губернские и уездные музейные органы в первую очередь обратили свое внимание на принятие мер по охране художественных ценностей, оставшихся в усадьбах, городских особняках, так как именно им грозила наиболее серьезная опасность быть разграбленными.

Как правило, в осмотре того или иного имения принимали участие представители губернского музейного отдела, сотрудник местного уездного или волостного отдела (если такой имелся), представитель от местного исполкома (возможно от городского отдела народного образования). Составлялся акт или подробная опись всех предметов, расположенных в каждом помещении с указанием их количества. Причем ценность той или иной вещи не указывалась. Возможно, это было связано с тем, что на месте не всегда можно было определить музейное значение всех предметов, и уже позднее, при более тщательном осмотре специалистов (либо в музее, либо при повторном осмотре), определялась истинная ценность вещей. Если планировался вывоз предметов из имения, составлялся акт о принятии вещей из имения по своей форме и содержанию совпадающий с описью вещей. Описи и акты подписывались всеми присутствующими и фактически являлись законным документом, подтверждающим принятие имущества усадьбы на учет и под охрану местных государственных органов (музейных подотделов). Если же предметы не вывозились из здания, их могли собрать в одной или нескольких комнатах или оставить на своих местах, но обязательно все помещения и само здание опечатывалось.

Естественно, что на практике между представителями музейных ведомств и местными властями случались конфликты. Одной из причин этого был тот факт, что к моменту осмотра имения оно уже было передано для пользования другим организациям (артели, совхозу, военным).

Выдача охранных грамот также была одним из способов учета и сохранности памятников искусства и старины. Выявление коллекций или отдельных предметов, находящихся во владении частных лиц было непростой задачей.

В связи с этим интересно рассмотреть пример усадьбы «Студеные ключи» Кинешемского уезда Иваново – Вознесенской губернии и той коллекции, которая принадлежала Н.П. Рузскому.

Хронике событий, связанных с национализацией и распределением имущества усадьбы, можно проследить из переписки представителей учреждений советской власти – Воздвиженских волостного Совета и волостного земельного отдела, Кинешемских уездного исполкома и уездного земельного комитета, Комиссариата земледелия РСФСР. 9 апреля 1918 г. в уездный земельный комитет направлена телеграмма от народного комиссара Комиссариата имуществ РСФСР Малиновского о «принятии срочных мер к охране имения Рузского «Студеные ключи» Воздвиженской волости, где имеются ценнейшие предметы старины. О результатах сообщить в Москву, в Кремль» [1, л. 1].

12 апреля 1918 г. в Воздвиженский Совет крестьянских депутатов поступило заявление от бывшего владельца усадьбы Н.П. Рузского о его желании остаться в усадьбе и продолжить свою культурно – просветительскую деятельность. Воздвиженский волостной Совет в составе председателя И.В. Мальчугина и 6 членов комитета рассмотрев заявление, постановили: «Рузским возведена усадьба со служебными хозяйственными постройками, Рузский выстроил в с. Воздвиженском для общего пользования «Дом просвещения», внес 100 тыс. рублей на нужды местного населения, пострадавшего от войны. Усадьбу «Студеные Ключи» признать имеющей культурно – просветительское значение и оставить в полном ведении Н.П. Рузского» [1, л. 2].

2 сентября 1918 г. представителю наркомата земледелия – агроному А.Л. Родионову был выдан мандат №16770/1286 с правом приступить к приемке «находящегося в имении живого и мертвого инвентаря, имущества, денежных сумм в ведение комиссариата земледелия» [1, л. 3]. 7 сентября 1918 г. постановлением Комиссариата земледелия РСФСР имение «Студеные ключи» было передано в Национальный Земельный Фонд со всем инвентарем, постройками, имуществом [1, л. 3 об.].

14 сентября 1918 г. составлены полные описи имущества усадьбы. В реестр были включены гарнитуры французской, английской, американской мебели, старинная французская гостиная в стиле Людовика XVI, уникальные коллекции фарфора, икон, статуэток, ваз, художественных картин. В числе картин значились полотна Айвазовского, Черного-Плесского, Васнецова, Бобровского, Виноградова, Коровина, Лессиера. Все имущество было сдано на хранение И.В. Мальчугину (председатель Воздвиженского волостного Совета – Ю.В.) При передаче усадьбы присутствовала дочь бывшего владельца Татьяна Николаевна Рузская [1, л. 16 об.].

В 1919 г. в бывшую усадьбу приехал заведующий подотделом искусств Кинешемского уездного исполкома Л. Н. Невский. Вот что он написал после посещения Студеных ключей: «Усадьба Рузского является редкой сокровищницей искусства, по форме и содержанию это законченный

музей. Все находящееся в ней тесно связано с помещением, она представляет одно гармоничное целое – свой стиль. Стоя на страже охраны памятников, старины и вообще искусства, я считаю своим долгом заявить: усадьба Н.П. Рузского со всеми находящимися в ней сокровищами должна сохраниться в том виде, в каком она находится в настоящее время» [1, л. 5]. Несмотря на такое заключение, все ценности из усадьбы были изъяты. 3 октября 1919 г. Иваново – Вознесенский губисполком принял постановление «О назначении имущества имения «Студеные Ключи». В постановлении сообщалось: «Поручить разрешение вопроса о назначении имущества усадьбы Иваново – Вознесенской комиссии по охране памятников искусства и памятников старины совместно с представителем Кинешемского исполкома и Иваново – Вознесенского госкона. Комиссия часть имущества предоставляет Кинешме, а другую часть, предоставляющую из себя особую ценность в смысле художественном, передается в губмузей» [1, л. 10]. Часть из них составляет сегодня основу собрания музея города Кинешмы Ивановской области.

9 октября 1919 г. составлена «Опись предметов из усадьбы «Студеные ключи», изъятых в Иваново – Вознесенский губернский музей». В описи значится: 25 художественных картин, 7 икон, 2 скульптурных бюста, более 80 предметов из фарфора, хрусталя, бронзы, серебра; из мебели – гарнитура красного дерева ручной работы, ломберные столы, кресла, туалетные столики [1, л. 16]. Часть ценностей была отправлена в Иваново – Вознесенский краеведческий музей, далее в музеи Москвы и Петербурга.

В марте 1920 г. усадьбу «Студеные ключи» посетил эмиссар от Главмузея Петр Степанович Степанов. В Кинешемском уезде он активно работал с февраля 1919 г. и обладал широкими полномочиями. В своем докладе Петр Степанович сообщил: «Ввиду явной опасности, угрожающей целостности имуществу, находящемуся в усадьбе Н.П. Рузского Воздвиженской волости со стороны открытой в усадьбе «Образцовой советской школы», мною в марте месяце были закончены работы по перевозке в Кинешемский музей принятой на учет и оставшейся в усадьбе старинной мебели». Из усадьбы было вывезено 86 предметов мебели: «кресла, диваны, стулья, столы, зеркала, трюмо, шкафы, комоды, этажерка, экран к камину» [5, л. 1. Л. 43 об.].

В воспоминаниях его сына, Вадима Петровича Степанова, есть рассказ о том, как отец и группа чекистов отправились обследовать усадьбу, так как по слухам, там было «много ценностей и имущества и художественных произведений». Целую неделю чекисты продолжали поиски ценностей, а тем временем П.С. Степанов составлял списки и акты того, что представляло подлинную художественную и историческую ценность. В результате были обнаружены огромные тюки с серебряной посудой и другими изделиями из серебра и бронзы. Из – под террасы извлекли несколько пудов серебра и золота. (Отец называл точную цифру, сын ее уже не помнил – Ю.В.) Впоследствии именно эта цифра послужила причиной целого скандала, который разразился, когда серебро привезли в город в банк, и часть его «усохла». ... Во всяком случае, вокруг этой усадьбы многие погрели руки. Гостиные гарнитуры и многое другое было передано в кинешемский краеведческий музей и кое – что из всего, что было передано в 1920 г., сохранилось и экспонируется и ныне» [6].

Активная работа Степанова в июне 1920 г. пополнила музейный фонд. Это были предметы искусства и старины (картин, рисунков, гравюр, скульптур, фарфора, бронзы, мебели и прочих предметов прикладного

искусства) свыше 1000 экземпляров. Кроме того, до 300 экземпляров древних рукописей и печатных церковных книг, более 150 икон.

Естественно, что на этом не была закончена работа по охране памятников истории и культуры. События начала 1920-х гг. стали важными для формирования губернского музейного фонда и организации губернской музейной сети. Причиной создания широкой сети музеев стала необходимость сохранения огромного культурного наследия, оставленного царской Россией.

Список литературы

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р.-167. Оп. 1. Д. 1.
2. Декреты Советской власти. Т. III. 11 июля – 9 ноября 1918 г. – М.: Политиздат, 1964. – 676 с.
3. Кончин Е.В. Сохраненные сокровища / Е.В. Кончин. – М.: Просвещение, 1985. – 144 с.
4. Кончин Е.В. Эмиссары восемнадцатого года/ Е.В. Кончин. – М.: Московский рабочий, 1981. – 160 с.
5. Отдел письменных источников Государственного исторического музея (далее ОПИ ГИМ). Ф. 54. Оп. 1. Д. 737.
6. Степанов В.П. Мои воспоминания о нашей жизни в Кинешме у нашего деда Андрея Ивановича Бюксенмейстера. Тетрадь №7 (Рукопись в семейном архиве потомков В.П. Степанова) / В.П. Степанов.

Данильченко Сергей Леонидович

почетный работник воспитания и просвещения РФ,
академик РАЕ, академик РАЕН, академик РАМТН,
д-р ист. наук, профессор, директор

Севастопольский научный центр Российской академии образования
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
г. Севастополь

ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРИОД «ПРОСВЕЩЕННОГО АБСОЛЮТИЗМА»

Аннотация: в статье рассматривается отечественное образование в период «просвещенного абсолютизма», которое на данном этапе сделало значительный шаг вперед. Ко времени вступления Екатерины II на царский престол расходы на образование составляли всего 0,15% государственного бюджета. К 1794 году на образование в стране выделялось уже 1,28%, а на содержание двора императрицы расходовалось 9%. В конце XVIII века в Российской империи насчитывалось около 550 различных учебных заведений, в которых обучалось до 62000 учащихся. В их числе было около 400 народных училищ, свыше 60 духовных семинарий и около 60 сословно закрытых учебных заведений.

Ключевые слова: Московский университет, сеть учебных заведений, государственный бюджет, отечественное образование, период «просвещенного абсолютизма», расходы на образование, народные училища, духовные семинарии, сословно закрытые учебные заведения.

Внутреннее положение России после смерти Петра Первого характеризовалась начавшейся борьбой различных дворянских группировок за власть, расширением прав и привилегий дворянства, переменами в политической и социально-экономической жизни страны. Все это не могло не отразиться на состоянии и развитии отечественного образования. За

17 лет после смерти Петра на престоле империи сменилось четыре государя, которые проявляли явное равнодушие к просвещению и образованию народа. Екатерина I в начале своего царствования стремилась исполнить желания и замыслы покойного супруга. В конце 1725 года была открыта Академия наук, указ о создании которой Петр подписал в январе 1724 года [6, № 4443]. Академия наук находилась в непосредственном подчинении императрицы, которая увлеклась разнообразными развлечениями, празднествами, пирами и была озабочена только проблемами упрочения своего положения на российском троне. Екатерина I уделяла Академии мало внимания, не говоря уже о других образовательных учреждениях. Еще меньше внимания уделял отечественному просвещению возведенный на царство в феврале 1727 года Петр II. До того ли было молодому царю, когда у него с февраля 1728 года до ноября 1729 года охота занимала 243 дня, т.е. 8 месяцев из 12. Ставшая в 1730 году императрицей герцогиня Курляндская, племянница Петра Великого, Анна Иоанновна, привезла в Москву, по меткому замечанию В.О. Ключевского, злой и малообразованный ум с ожесточенной жадной жаждой запоздалых удовольствий и грубых развлечений, немцы посыпались в Россию точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забирались на все доходные места в управлении.

Характерными чертами ее правления были засилье иностранцев и их презрение ко всему русскому, поэтому о развитии образования в стране почти не заботились, о чем свидетельствует бедственное положение, в котором оказалась Академия наук, университет и гимназия при ней. На содержание российского центра науки и образования отпускалось средств во много раз меньше, чем на содержание двора Анны Иоанновны, превосходящего своей роскошью всех своих предшественников. На содержание двора ежегодно расходовалось 2 млн рублей золотом, а на нужды Академии наук и Адмиралтейской академии выделялось всего 47 тыс. рублей. Университет, созданный при Академии наук, больше числился на бумаге, чем существовал в реальности, в нем не было ни студентов, ни профессоров. В протоколах Академии с 1726 по 1732 год ничего не говорилось о наличии студентов, но в финансовых отчетах с 1726 по 1733 год в списках обучающихся числилось 38 человек, из них – 7 русских. Занятия велись крайне нерегулярно. В 1729 году руководитель Академии немец Шумахер писал, что обязанные читать лекции профессора этого не исполняют и «даже не помышляют о том» [2, с. 114]. Академики, долгое время исключительно иностранцы, занимались преподаванием весьма неохотно. Для обеспечения лекторами студенческой аудитории в 1726 году выписали 8 человек из Германии, позднее с этой целью в университет переводились лучшие учащиеся из Академической гимназии, Славяно-греко-латинской академии, духовных учебных заведений [1, с. 49]. В 1733 году из Московской академии в университет было направлено 12 учеников. Вскоре лучшие из них были включены в состав научной экспедиции в Сибирь и на Камчатку, а остальные остались без лекций и без присмотра. В 1736 году университет при Академии было прислано 10 человек из Заиконоспасской Академии, но они были признаны годными лишь для обучения в гимназии. Слушать лекции они начали спустя два года. Среди них был М.В. Ломоносов, который вскоре вместе со своими сокурсниками Виноградовым

и Рейзером были посланы на учебу за границу. Позднее Ломоносов писал про университет при Академии, что в нем «ни образа, ни подобия университетского не видно» [2, с. 115]. Несколько студентов в 1736 году обратились с жалобой в Сенат на порядки, царившие в университете, на то, что профессора не читают им лекции. Сенат принял меры – он обязал профессоров читать лекции. Те подчинились, немного почитали лекции, немного поэкзаменовали студентов и показательно выдали им положительные аттестаты. На этом дело кончилось. В 1742 году все-таки удалось набрать 12 студентов к 12 профессорам, но занятия с ними так и не проводились. До 1746 года в университете при Академии наук образовательная деятельность фактически не осуществлялась.

Не лучшим образом обстояли дела и в гимназии при Академии. Она была организована из 5 классов, ученики которых должны были изучать главным образом языки – русский, латинский, немецкий, французский, итальянский, греческий, а также арифметику, начало математики, историю, географию. Гимназия с большим трудом пополнялась учениками, особенность из дворян, и очень немногие получали в ней такую подготовку, которая позволяла бы поступить в университет.

В указанный период времени происходит упадок и школьного образования. Сокращается численность арифметических и гарнизонных школ, уменьшается количество их учеников. При Петре на школьное обучение стали смотреть как на отравление государственной службы. Поступление в школу и обучение в ней было для дворянских детей делом таким же строго обязательным, как и поступление на службу. Порядки установленным были жесткие – за неявку в школу били батогами и наказывали денежными штрафами, несмотря на звания. Дворян и духовенство это тяготило, они всеми силами и средствами пытались избежать такой принудительной меры для своих детей как обучение в школе. Многие представители дворянства и других слоев общества были убеждены в том, что вполне комфортно можно прожить и без образования. Дворянское сословие, значительно укрепившее свои политические и экономические позиции при первых преемниках Петра, требовало и добивалось ряда привилегий и в области образования. В 1730-е гг. дворяне получили право определять своих детей в школы по собственному выбору или воспитывать их дома до двадцатилетнего возраста, с обязательством подготовить их к службе и обучить известным наукам.

Государство не собиралось отказываться от своей регулирующей функции в профессиональной подготовке, в выучке необходимых для государственной службы людей, поэтому оставило за собой право контроля за воспитанием недорослей. С этой целью устраивались организованные смотры: первый смотр проводился в Петербурге, Москве и губерниях по достижении дворянскими детьми семилетнего возраста; второй смотр и экзамен проводился в 12 лет с целью проверки качества обучения чтению и письму. Период с 12 до 16 лет отводился на подготовку к будущему специальному образованию по части арифметики и геометрии. Эту подготовку проходить на дому разрешалось не всем, а лишь тем, чьи родители были материально обеспечены, имели 100 душ крестьян. Мелкопоместные дворяне должны были отдавать своих детей в государственные школы; третий смотр проводился в 16 лет только в Петербурге или в Москве. Экзамен проводился в Сенате довольно строго. Детей, которые

не знали наук, предписанных к изучению, записывали в рядовые матросы. По усмотрению Сената с 16 лет можно было определиться вместо военной на гражданскую службу. С 16 до 20 лет велось профессиональное обучение, которое можно было пройти дома под строгим надзором властей и под угрозой, что не обучившиеся будут навсегда записаны в солдаты. Строго карались попытки уклониться от школьного обучения. По закону 1736 года, у дворян, которые нарушали установленный порядок, пытались утаить своих детей при переписях и смотрах, отбирались имения и отдавались доносчикам. До Екатерины II школа и государственная служба составляли одно целое – с поступления в школу начиналась служба.

При Петре I практически все учебные заведения были сословными, в цифирной школе и Морской академии, в Школе навигацкой и в Славяно-греко-латинской академии были дети дворян, священнослужителей и разночинцев. В послепетровские времена дворяне начинают создавать для обучения своих детей узкосословные учебные заведения. Указом от 29 июля 1731 года императрица Анна Иоанновна повелела основать Шляхетский сухопутный кадетский корпус для 150 дворян русских и 50 эс-ляндских и лифляндских. В феврале 1732 года состоялось открытие Шляхетского кадетского корпуса. Он был создан с целью ликвидации «солдатской школы», которую при Петре Первом должны были проходить дворянские дети для получения офицерского чина. Перед вновь созданным сословным учебным заведением ставилась задача политического и гражданского обучения дворянских детей, готовить их не только к военной, но и гражданской службе. Необходимо было обучать всем наукам, которые важны для профессионального военного. Воспитанники корпуса были распределены на четыре класса: в четвертом, низшем, классе изучали русский и латинский языки, арифметику; в третьем – грамматику, геометрию, географию; во втором – фортификацию, артиллерию, историю, риторику, юриспруденцию, мораль. первый был классом специального обучения, с учетом способностей кадет. Всеми изучались немецкий и французский языки, фехтование, танцы, рисованию, верховая езда и другие предметы. Предусматривалось поистине энциклопедическое образование. Многопредметность была настолько велика, что ученики не могли ее освоить. Учились кадеты много – у воспитанников младшего класса возраста (5–6 лет) было по 34 учебных часа в неделю, а у учеников старшего возраста – по 42 часа. Поэтому многие предметы изучались по желанию воспитанников, зачастую они освобождались от изучения основных предметов. Толку от такого учения во многих случаях было не так уж и много.

Позднее создается еще ряд строго сословных, только для дворянских детей, закрытых учебных заведений. В 1752 году был открыт Морской шляхетский корпус. В 1758 году создано третье дворянской учебное закрытое заведение в результате объединения основанных Петром Великим артиллерийской и инженерной школ. В 1759 году был учрежден для детей высшей дворянской знати Пажеский корпус, в котором было три класса по 50 человек и один высший камер-пажеский класс на 16 человек. Дворянские дети обучались в частных пансионах и в домашних условиях. Входит в моду приглашение в дворянские дома учителей – иностранцев. Большинство иностранцев – содержателей пансионов и гувернеров, домашних учителей, представляли собой, по мнению академиков

Мессельера и Шлецера, отбросы французского или немецкого общества. Для Пажеского корпуса И.И. Шувалов выписал из-за границы 8 француз-зов-лакеев. Через некоторое время все они разошлись учителями по частным домам. Французский посланник при русском дворе, спасая честь Франции, вынужден был высылать из России толпы французским бродяг обоего пола, приезжавших обучать своему языку российское юношество. При Елизавете Петровне иностранцы-гувернеры и содержатели пансион стали проходить испытания в Академии наук и университете. Продемонстрировавшим достаточные знания выдавали аттестат, который давал право преподавательской работы в частных домах, открывать школы, пансионы. Не прошедшим испытания запрещали это делать под страхом высылки за границу.

Елизавета Петровна, взошедшая на престол в 1741 году, обещала следовать всем заветам своего отца. Ее правление отмечено благоприятными последствиями для отечественного просвещения и русской национальной культуры. При первых преемниках Петра положение русской национальной науки и образования были униженным. До восшествия Елизаветы Петровна на престол в Академии наук не было ни одного русского ученого. Человеку с русской фамилией практически невозможно было пробыть в Академию, в которой управляли немцы по главе с ее бессменным секретарем Шумахером, мало обращавшим внимания на интересы русского образования и науки. Находившаяся в руках Шумахера и его зятя Тауберта академическая канцелярия фактически не заботилась о созданных в Академии университете и гимназии.

После 1741 года положение постепенно меняется. В этих изменениях немалая роль принадлежит М.В. Ломоносову, который в 1742 году в результате поданного на высочайшее имя прошения стал адъюнктом по физике, а вскоре, в 1745 году – профессором химии. М.В. Ломоносов активно борется против иностранного засилья в науке, за развитие отечественного образования. При его активном участии был разработан и принят в 1747 году новый академический регламент [3, с. 42–44]. Ряд его статей непосредственно касались жизнедеятельности учебных заведений: в академии выделялись «особливые академики, которые составляют академию, и никого не обучают, кроме приданных им адъюнктов и студентов, и особливые профессора, которые учить должны в университете»; численность студентов университета при Академии устанавливалась в 30 человек, 20 человек казеннокоштных должно быть набрано в гимназию; преподавание должно было вестись на латинском языке; намечалось изучение 12 учебных предметов по аналогии с западноевропейскими университетами; устанавливалась своеобразная материальная заинтересованность студентов в учебе – они имели право получить военный чин от обер-офицера до капитана включительно или подобный гражданский чин.

М.В. Ломоносову и В.К. Тредиаковскому был поручен набор студентов для Академического университета. В соответствии с регламентом в университет открывался доступ лицам всех сословий, кроме записанных в подушный оклад. Поэтому среди отобранных из числа учащихся духовных учебных заведений, где изучали латинский язык, были дети низшего духовенства, солдат и других бедных групп населения. В 1748 году было набрано 24 студента. Занятия в университете налаживались с трудом. М.В. Ломоносов сам читал несколько курсов – физическую химию,

элементарную химию, стихотворство. Руководство принимало жесткие меры по налаживанию работы, наведению порядка: профессоров штрафовали за опоздание; студентов штрафовали за нарушение дисциплины; за «пьянство и буйство» студентов заключали в карцер или пороли розгами. В 1753 году в университете состоялся единственный выпуск студентов. Экзаменовались 20 человек, окончившими были признаны 9, из которых 4 была присвоена степень магистра, 2 – адъюнкта, 2 – переводчика и 1 – учителя гимназии.

В 1757 году М.В. Ломоносов стал членом Академической канцелярии и в его личное ведение были переданы университет и гимназия. Ломоносов незамедлительно провел ряд мероприятий по развитию ведомственных учебных заведений: добился увеличения ассигнования на университет; улучшил материальное и социальное положение профессоров и выпускников; увеличил преподавание русского языка; университет создал 3 факультета – юридический, философский и медицинский. М.В. Ломоносов стремился сделать университет и гимназию учебными заведениями, «откуда могут произойти многочисленные Ломоносовы», но это не удалось [4, с. 539]. Демократический состав учащихся не удовлетворял руководство Академии, а дворяне предпочитали строить военную или гражданскую карьеру через свои сословные учебные заведения. В 1763 году в университете было всего 17 студентов, в то время как в Сухопутном корпусе было 500 человек. В 1765 году из 18 студентов 9 подали в отставку. В 1766 году университет при Академии наук был закрыт [5, с. 145–148].

Опыт, накопленный в результате деятельности академического университета, не пропал даром. Он был использован при создании Московского университета – фактически первого в стране высшего гражданского учебного заведения. Это явилось важнейшим событием в образовательной, культурной и общественной жизни страны середины XVIII века. У истоков этого учебного заведения стояли два русских человека – Михаил Васильевич Ломоносов и Иван Иванович Шувалов – гениальный отечественный ученый, образованнейший человек своего времени и искусный царедворец, видный государственный деятель, самый приближенный к императрице Елизавете Петровне сановник. Они оба лучше других понимали важность увеличения числа образованных людей для дальнейшего развития нашей страны. Введение в России высшего университетского образования была заветной мечтой М.В. Ломоносова. Он был идейным вдохновителем создания Московского университета, его мысли полностью совпадали с делами И.И. Шувалова. Они добились решения Сената и указа императрицы о создании университета в Москве. Проект предусматривал учреждение «в Москве университета для дворян и разночинцев по примеру европейских университетов, где всякого звания люди свободно наукою пользуются и две гимназии, одну для дворян, другую для разночинцев, кроме крепостных людей»: в университете создавались 3 факультета – юридический, медицинский и философский; обучение для всех должно было начинаться с философского факультета, на котором читался общеобразовательный курс; обучение на философском факультете предусматривалось в течение 3 лет; учебный процесс обеспечивали кафедры философии, истории, физики и красноречия; изучались математика, физика, философия, исторические и экономические дисциплины, а

также «словесные науки»; закончившие трехлетний курс обучения на философском факультете могли оставаться на нем и дальше для углубленного изучения философских дисциплин или переходить на медицинский и юридический факультеты, обучение на которых продолжалось 4 года; чтение лекций должно было осуществляться на русском языке; содержание учебного процесса, программы учебных курсов, а также решение всех дел, касавшихся студентов, должны были определяться преподавателями, профессорской конференцией.

Для подготовки студентов к университету служили две гимназии, созданию которых Ломоносов придавал огромное значение, сравнивая гимназию с семенем, необходимым для пашни – Университета. В гимназии для дворян и в гимназии для разночинцев утверждалось по четыре школы, а в каждой школе по три класса: первая школа – российская, в ней были классы грамматики и чистого слога, стихотворства и красноречия; вторая школа – латинская; третья школа – первых оснований наук, в которой изучали арифметику, геометрию, географию и краткую философию; четвертая школа – «знатнейших европейских языков».

Императорский указ о создании Московского университета был подписан Елизаветой Петровной 12 января (25 января по новому стилю) 1755 года. «Наше желание и воля в произведении народного благополучия», – говорилось в указе, – но как всякое добро происходит от просвещенного разума, а напротив того зло искореняется, то, следовательно, нужда необходимая в том стараться, чтобы способом пристойных наук возрастить в пространстве Империи нашей всякое полезное знание» [2, с. 124]. Императрица приняла университет под свое покровительство. Для наблюдения за университетскими делами, непосредственное управление которыми осуществлял директор, назначался куратор. Первыми кураторами были Иван Иванович Шувалов и Блументрост. И.И. Шувалов как куратор университета руководил всеми его делами – финансовыми, кадровыми и учебными. При нем Московский университет преодолел трудности становления, вырос и окреп [7, с. 28]. В 1756 году была создана университетская типография и книжная лавка, началось издание газеты «Московские ведомости», открылась библиотека. В университетской типографии стали печатать: книги Яна Амоса Коменского «Мир чувствительных вещей в картинках», сочинения М.В. Ломоносова, журналы «Полезное увеселение» (первый литературный журнал в Москве), «Детское чтение для сердца и разума», периодическое издание «Собрание лучших сочинений к распространению знания и к произведению удовольствия, или смешанная библиотека о разных физических, экономических, також до мануфактур и до коммерции принадлежащих вещах» и др. Позднее при Московском университете: возник Вольный благородный пансион, учреждено «Вольное Российское Собрание» – научное общество любителей русского языка, создан студенческий научно-просветительный кружок «Собрание Российских питомцев». Во второй половине XVIII века Московский университет стал крупнейшим центром науки и просвещения в России.

При Елизавете Петровне были также сделаны шаги по пути развития начального образования не только для дворянства, но и для других сословий. Были слиты цифирные и гарнизонные школы, улучшено материальное положение начальных школ, облегчен доступ к учебе детям из непривилегированных слоев населения. Эти меры были осуществлены в

соответствии с императорским указом от 1744 года «О соединении в губерниях и провинциях арифметических и гарнизонных школ в одно место и обучении в них всякого чина людей, о бытии тем школам в ведомстве коменданта и о жаловании учителям» [2, с. 125]. В 1750-е годы были открыты гимназии в Москве и Казани. Для широких народных масс даже простая грамотность оставалась недоступной. Людей образованных в России к середине XVIII века было все еще мало.

Вторая половина XVIII века характеризуется значительным подъемом просвещения и культуры в России. В самом начале этого исторического периода для наиболее просвещенных лиц государства Российского стало ясно, что дальнейшее социально-экономическое развитие страны, совершенствование ее внутреннего устройства невозможно обеспечить без увеличения числа широко образованных людей. Все больше дворян начинают осознавать необходимость образования для своих детей. Увеличивается приток учащихся в сословные дворянские учебные заведения, но малочисленность этих заведений не позволяла охватить учебой большое количество людей. Положение было удручающим. По данным 1767 года о дворянских избирателях и состоятельных людях оказалось, что среди них в Оренбургской губернии были неграмотными – 60%, в Московской – 18%, Архангельской – 28%, Новгородской – 14%. Среди избирателей от горожан Малороссийской губернии 74% были неграмотными, Воронежской – 55%, Нижегородской – 43%, Московской – 33%.

И.И. Шувалов был одним из тех, кто первым понял, что образование должно быть доступным, прежде всего, для дворян. В 1760 году он вносит в Сенат проект о развитии образования в стране: предлагалось не требовать дворянских детей на службу до 18 лет, чтобы до тех пор они учились; для обеспечения этого необходимо учредить в больших городах гимназии, а в малых – школы грамотности; малые школы должны готовить детей для учебы в гимназиях, а из гимназий учащиеся должны переходить в кадетский корпус или университет; юноша имел право занять пост военной или гражданской службе только после получения диплома; лица, получившие домашнее образование, должны были сдавать экзамен по университетскому курсу. Сенат в целом благосклонно отнесся к проекту Шувалова, предложил доработать и развить его в части содержания обучения в предполагавшихся им гимназиях и школах. Но связи с кончиной Елизаветы Петровны и удалением И.И. Шувалова от государственных дел ничего не состоялось. В последующие годы был разработан еще ряд проектов о развитии образования в России. Некоторые из них были подготовлены по прямому указанию и по просьбе императрицы Екатерины II.

Екатерина II, воспитанная на идеях европейского Просвещения, на произведениях Вольтера, Дидро, Руссо, Локка, Монтескье, Монтеня, размышляла о судьбах отечественного просвещения. В переписке с Вольтером она неоднократно подчеркивала свое желание покончить с невежеством, всячески содействовать развитию образования в своей стране. Императрица уделяла особое внимание практическим и теоретическим вопросам развития образования. Она во многом разделяла взгляды просветителей, порою заимствуя их у Дидро, Гримма, Даламбера и других. Вопросы воспитания и образования народа российского являлись для государыни вопросами государственной жизни. В своих педагогических

воззрениях Екатерина выдвигала на первое место воспитание, нравственной элемент. Она считала, что самое надежное, но и самое труднейшее средство сделать людей лучшими есть приведение в совершенство воспитания. В «Наказе» комиссии по подготовке нового Уложения Екатерина II отвела отдельную главу о воспитании: правила воспитания суть первые основания, приготовляющие быть гражданином, и что началом всякого целомудрия является страх Божий; должно приучать юношей к основательным и приличествующим состоянию их правилам, возбуждати в них охоту к трудолюбию и чтоб они страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научати пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких подерзостей; обучать их домостроительству во всех онаго подробностях, всем тем доброжелателям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию, которым в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Главное достоинство наставления должно состоять, по мнению Екатерины II, в любви к ближнему, общем благоволении к роду человеческому, доброжелательстве ко всем людям, чистосердечии и благородном сердце, любви к истине, здравом о вещах понятии, соединенном с трудолюбием. В Инструкции о воспитании великих князей, ее внуков – Александра и Константина Павловичей императрица напоминала, что здоровое тело и умонаклонение к добру составляют все воспитание. Интересен тот раздел инструкции, в котором даются наставления о том, чему и как учить. Воспитателям рекомендуется вложить в детей любовь к истине, поощрять в них охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтения, вселять в них стремление и прилежание, нужное к получению успехов и к преодолению препятствий, без чего счастливо достигнуть ни до чего невозможно. Учение же, или знание, да будет им единственно отвращением от праздности и способом к познанию естественных их способностей и дабы привыкли к труду и прилежанию. По мнению Екатерины II необходимо учить: вначале – читать, писать, рисовать, считать; затем – географии, астрономии, хронологии, математике; после – истории, этике и эстетике, правилам и законам гражданским, естественной истории, художеству, верховой езде, фехтованию, борьбе, плаванию, стрельбе; в конце – всем ступеням от нижней службы до верхнего искусства военной сухопутной и конной, а также и морской службы. Екатерина обращает особое внимание на серьезное изучение русского языка и знание истории России. Говоря о необходимости знания языков, она особо подчеркивает, чтобы грамотно говорили по-русски «и стараться, чтобы говорили по-русски хорошо», «русское письмо и язык надлежит стараться, чтобы знали как возможно лучше». Указав, что «Историю российскую им знать нужно», Екатерина II предписывает, что с 11 до 15 лет следует заниматься изучением России во всех ее частях: расположение, расселение, обычаи, веры законы народов, страну населяющих, промыслы и рукоделия, законы и правосудие, города и крепости, животный мир, военное искусство в обороне и наступлении, употребление доходов и т. д. Речь в Инструкции идет о домашней педагогике, но ряд положений имеет прямое отношение к проблемам воспитания и обучения подрастающего поколения, развития образования в нашей стране. Екатерина II предлагает

собственную педагогическую науку: учить надо без принуждения, привлечь любопытство детей к учению ласкою, за учение детей не бранить, страхом научить нельзя; ибо в душу, страхом занятую, не более вложить можно учения, как по дрожащей бумаге писать, когда учиться будут добровольно и охотно, то учиться будут играючи [2, с. 127–129].

В течение многих лет Екатерина рассматривает различные образовательные проекты, наиболее подходящие для страны эффективные формы организации системы образования, методы обучения. Она обращается за помощью не только к наиболее образованным людям России, но и к Д. Дидро, Ф. Эпинусу, Ж. Даламберу. В 1764 году приглашенный в Московский университет руководить кафедрой истории и права Ф.Г. Дильтей представил императрице «План о учреждении разных училищ для распространения различных наук и исправления нравов». В проекте вскрываются причины серьезных недостатков в образовании дворянства и предлагаются меры по их устранению: исток испорченного воспитания кроется в худом примере «дядек», к которым дворянские дети с малолетства привыкают; недостаток учителей; училищами управляют неученые люди; канцелярии ограничивают свободу учебных заведений. Чтобы исправить положение, Ф. Дильтей предлагает оригинальное решение: создать «рабски школы» (как он их назвал), то есть школы для подготовки педагогов из крепостных; учеба в «рабских школах» должна продолжаться 5 лет. Прилагалась обстоятельная программа такого обучения, регламентация внутреннего быта школы; предлагалось в Москве и Петербурге учредить учительские семинарии, где бы воспитывались по 100 мальчиков под руководством двух учителей и ректора; один учитель обучал бы латинскому, немецкому и русскому языкам; другой – латинскому, французскому, а также арифметике; ректор учил бы истории, географии, а также тому, в чем состоит хорошее воспитание, как надо себя вести в различных обстоятельствах, как надобно говорить с Богом, что Отечеству отдавать должны, что правила нравов разрешают или запрещают; такие ученые «дядьки» полезны были бы помещикам не только в воспитании детей, но и во многих других случаях. подготовленные крепостными педагогами дворянские дети должны были поступать в обычную школу, затем, после успешной сдачи экзамена – в гимназию с четырех годичным сроком обучения, а оттуда – в университет; необходимо открыть в Батурине для Малороссии и в Дерпте для Ливонии университеты с четырьмя факультетами – философским, медицинским, юридическим и богословским. Проект Дильтея не был принят Екатериной II.

Свои проекты устройства общественного образования представила «Комиссия об училищах и презрения требующих», созданная по велению императрицы в составе учрежденной в 1767 году комиссии по составлению нового Уложения. Комиссией было подготовлено 4 проекта: о нижних деревенских училищах, о нижних городских училищах, о средних училищах, проект училищ для иноверцев. Что касается постановки образования в деревне, то комиссия предлагала ввести обязательное обучение всего мужского населения с 8 до 12 лет. Ученье должно проходить в течение 8 месяцев в году по особо составленному Синодом руководству. К изучению рекомендовались церковная и гражданская азбука, некоторые молитвы, краткий катехизис и изложение обязанностей крестьян. По

желанию родителей обучаться в школе могли и девочки. В учителя назначались дьяконы и дьячки, допускались и светские преподаватели. Надзор за деятельностью школ поручался священникам, а главное управление предоставлялось архиерею совместно с губернатором, на местах – дворянам, выбранным уездным дворянством. В каждом селе и в больших деревнях должна быть построена школа с таким расчетом, чтобы на каждые 100–250 семей было по одной школе. Постройка училищных домов и содержание школы относились на счет прихожан. Приблизительно по такому же принципу должны быть организованы и низшие городские школы, в которых предусматривалось и обязательно обучение девочек. Мальчики должны обучаться чтению и письму, а девочки только чтению. Для городов, в которых не было средних учебных заведений, находили необходимым учредить арифметические школы. Что касается иноверцев, то комиссия находила нужным устроить особые училища для оседлых и иноверцев, в которых преподавание велось бы особым образом, с учетом их обычаев и верований, и где учителями были бы исключительно их соплеменники. Проекты училищной комиссии остались неосуществленными.

Один из проектов был составлен Д. Дидро, которого Екатерина II в бытность его в Петербурге попросила высказать свои мысли о том, как можно устроить в России училища разных ступеней. В 1775 году он прислал императрице «План университета для русского правительства, или проект народного образования во всех науках». Под университетом Дидро имел в виду, в соответствии с французским смыслом этого слова, начальную школу, среднее учебное заведение и собственно университет. Дидро, утверждавший, что он восстает «против системы образования, освященной опытом всех веков и всех наций», представил чрезвычайно оригинальный проект: изучение русского и славянского языков он относил только на седьмой год обучения; изучение истории предлагал начать со своего отечества; при изложении, как отечественной истории, так и истории других народов, начинать с ближайшего к нам времени, нисходя постепенно к векам побасенок и мифологии.

Наиболее реальными были проекты Ивана Ивановича Бецкого – виднейшего отечественного деятеля при Екатерине II по устройству воспитания и образования на новых началах. Это был хорошо воспитанный, широко образованный человек, знающий многие языки. Долгие годы он провёл за границей – во Франции, Германии, Голландии, Австрии, Италии, – основательно был знаком с культурой этих стран, их системами образования. При Петре Первом и Елизавете Петровне занимал видные посты, получил чин генерал-майора. Екатерина II по возвращении Бецкого из-за границы в 1763 году назначила его президентом Академии художеств, а также директором Шляхетского сухопутного кадетского корпуса и поручила ему устроить при них воспитательные заведения по образу европейских. И.И. Бецкий вскоре представил «Доклад императрице о воспитании юношества обоего пола» и «Проект и план воспитательного дома в Москве». Он был автором: «Устава воспитания двухсот благородных девиц», «Устава Шляхетского сухопутного кадетского корпуса для воспитания и обучения благородного российского юношества», «Краткого наставления, выбранного из лучших авторов, с некоторыми физическими примечаниями о воспитании детей от рождения их до юношества». В этих трудах нашли отражения педагогические идеи Бецкого, все основные

начала и правила воспитания и образования во всех заведенных училищах. Теоретические взгляды И.И. Бецкого на воспитание и образование были приняты Екатериной II, как и многие его практические предложения. И.И. Бецкой считал: преодолеть суеверие веков, дать народу своему новое воспитание и, так сказать, новое порождение, есть дело, совокупленное с невероятными трудами, а прямая оных польза остается вся потомству; в России дело просвещения, образования идет медленно не из-за невнимания к нему, не из-за якобы малых в российском народе к наукам и художествам способностей, а потому, что к достижению того не прямые токмо пути избраны были; один просвещенный наукам умнее делает доброго гражданина. Необходимо еще и доброе воспитание; корень всему злу и добру – воспитание. Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу, или новых отцов и матерей, которые бы детям своим те же прямые и основательные, воспитания правила в сердце вселить могли, какие получили они сами, от них дети передали бы паки своим детям, и так следует из родов в роды в будущие веки; исполнить это можно путем организации воспитательных училищ для детей обоего пола; прибывать в училищах они должны с 5–6 до 18–20 лет, постоянно находясь там, не имея ни малейшего с другими сообщения; там их надо приучать ко всем добродетелям, которые относятся к доброду воспитанию; просвещая притом их разум науками и художествами, учитывая при этом природные склонности каждого, заботясь об укреплении их здоровья; от этих учреждений зависит воспитание, какое дано будет первому от оных новой породы происхождению; нужна большая осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а в особенности – главных над воспитательными училищами директоров и правителей. Они должны быть такими, чтобы воспитанники любили и почитали их, и во всем добрый пример от них получали; воспитание есть дар первейший, самый существенный и самый дражайший, которым человек обогащен быть может, чего для и мы неусыпное старание прилагать должны, не оставляя ничего, что служит к приведению сего воспитания в высочайшую степень совершенства, какой достигнуть только можно [2, с. 133–135].

В соответствии с идеями и планами И.И. Бецкого был организован ряд заведений в Петербурге и Москве: Общество для благородных девиц при Воскресенском (Смольном) монастыре (1764 год); Общество для девиц мещанского сословия (1765 год); воспитательное училище для мещан при Академии художеств (1764 год); воспитательное училище для мещан при кадетском корпусе; Воспитательные дома для приносных детей; Екатерининское и Коммерческое училища. Уставом воспитания двухсот благородных девиц определялось: в общежитие благородных девиц могут быть приняты девицы в возрасте 5 и 6 лет, документально подтвердившие свое дворянское происхождение; родители должны дать расписку, что отдадут дочь добровольно и до 18-летнего возраста, ни под каким видом обратно требовать ее не станут; принятые девицы делились по возрасту – 6–9 лет, 9–12 лет, 12–15 лет, 15–18 лет; для первой возрастной группы предусматривалось изучение русского и иностранного языков, арифметики, рисования, правил воспитания и благонравия, танцев, музыки, шитья и вязания; для второй-географии, истории, некоторой части экономики или

домостроительства; для третьей – словесных наук, архитектуры, геральдики; предусматривалось чтение исторических и нравоучительных книг и практические действия по экономии и домоводству, чтобы могли они знать все подробности, касающиеся до домашней экономии; для четвертой возрастной группы предусматривалось знание законов, правил доброго воспитания, благонравия, светского обхождения и учтивости, повторение прежних курсов. Девушки этого возраста должны были вести записи расходов, уметь договариваться с поставщиками припасов, определять цену товара, участвовать в обучении девиц первых классов; госпоже начальнице, надзирательницам, учительницам, мастерам всевозможные средства употреблять, чтобы девушки с большим успехом воспитывались и привыкали с юношества к крайней опрятности и учтивости.

На создание училищ и воспитание детей И.И. Бецкой потратил много сил и личных средств. Он хотел воспитать людей, способных успешно действовать в различных областях, искусствах и ремеслах, вырастить граждан, полезных государству. Его теоретические педагогические взгляды были во многом утопичны, но практическая деятельность значительно способствовала развитию образования и просвещения в нашей стране. Деятельность И.И. Бецкого и реализация предложенных им планов не решили проблемы подготовки грамотных, образованных людей, в которых все в большей степени нуждалось российское государство. Екатерина II, обещавшая учредить в империи народные школы, в конце концов остановила свое внимание на австрийской (саганской) системе образования, которую ей рекомендовали некоторые видные просветители и император Иосиф II.

В сентябре 1782 года был издан указ о создании под руководством императрицы специальной комиссии, которой предстояло рассмотреть переведенные школьные книги, исправить в соответствии с российскими законами и согласовать с духовенством их пригодность для обучения. Комиссии поручалось также рассмотреть план создания народных школ, их организацию и содержание обучения, который должен был представить приглашенный из Австрии Фёдор Иванович Янкович де Мириево. Ф.И. Янкович – серб, хорошо владевший русским языком, православной веры, окончил Венский университет, был директором народных училищ в нижней Венгрии и хорошо известен в учительских и правительственных кругах Австрии. Вскоре Янкович представил в комиссию общий план организации народных училищ, а позднее – подготовленный при участии российских деятелей просвещения «Устав народных училищам в Российской империи», который положил начало государственной системе образования в городах. Новая система предусматривала создание в городах народных училищ трех типов – малые, средние и главные училища. Предполагалось в каждом губернском городе основать по одному главному народному училищу. С таких учебных заведений и началось создание сети городских народных училищ, поскольку комиссия считала, что главное училище должно быть мерою всех прочих училищ. Главное училище состояло из четырех классов: в первом классе предлагалось обучать чтению, письму, первоначальным основам христианского закона и добронравию. Должны были изучить Букварь, правила для учащихся, сокращенный катехизис и Священную историю, правописание, первоначальные правила грамматики, церковные и римские числа; во втором классе – те

же предметы христианского закона и добронравия, пространный катехизис, первую часть арифметики, о должностях человека и гражданина, повторяли Священную историю, продолжали чистописание и учение грамматических правил, начинали обучать рисованию; в третьем классе предусматривалось повторение катехизиса с доказательствами из Священного писания, продолжение чтения Евангелия, рисование, изучение второй части арифметики и первой части всемирной истории, введения во всеобщую европейскую географию, землеописания государства Российской империи и русской грамматики; в четвертом – повторяли российскую географию, продолжали рисование, учили всеобщую историю, российскую грамматику. Преподавались российская история, всеобщая география, основания геометрии, механики, физики, естественной истории, гражданской архитектуры; во всех училищах должны были еще преподавать латинский язык для тех, кто собирался в гимназию и университет, а также тот иностранный язык, который был в ближайшей зарубежной стране. В малом народном училище должны были преподаваться те же предметы, что и в 1–2-м классах главного народного училища за исключением иностранных языков.

В соответствии с распоряжением императрицы преобразования училищ начали с Санкт-Петербургской губернии. Наплыв учащихся в новые училища был таков, что некоторые из них не смогли принять всех желающих. В 1785 году в петербургских училищах было 1192 ученика. С главным народным училищем в самом Петербурге, директором которого назначили Ф. Янковича, было сложнее. Первые его ученики были затребованы из Александровской семинарии. Оказалось, что они имеют понятие весьма малое, а некоторые и вовсе никакого о науках, положенных к преподаванию в училищах народных, кроме закона Божьего, латинского языка и российской грамматики, и почти ничему преподавать не в состоянии. С января 1784 года на базе этого училища началась подготовка учителей. Комиссия просила содержать в нем до 100 человек, из которых 50 – предназначено было подготовить на должность учителей старших классов народных училищ губернских городов. В 1786 году учительская семинария отделилась от главного народного училища, стала самостоятельной. В течение своего 18 – летнего существования учительская семинария подготовила свыше 400 учителей для народных училищ. Вместе с подготовкой учителей лично Ф. Янковичем и под его руководством было подготовлено большое количество различных инструкций для учителей и учеников. Он составил: Российский букварь, Руководство к российскому чистописанию, Сокращенный катехизис, Руководство к арифметике, Священную историю, географические и исторические карты и таблицы, сравнительный словарь всех языков [2, с. 140]. Ф.И. Янкович первый в России начал готовить народных учителей по новым педагогическим и дидактическим требованиям, ввел современную методику преподавания наук в народных училищах. В этой работе принимали активное участие и отечественные педагоги.

В 1786 году Екатерина II повелела открыть главные народные училища в 25 губерниях. Для них уже было подготовлено 100 учителей. Возникли серьезные затруднения: казна не давала денег, частные пожертвования были скудны, не хватало преподавателей. После первого выпуска

из учительской семинарии 100 учителей, комиссия добилась разрешения императрицы выписать из духовных семинарий еще 100 человек. У многих из них был порок, приобретенный в духовных семинариях – пьянство – не позволил стать учителями. Учителя народных училищ получали незначительное жалование и не всегда исправно, поэтому нередко под разными предлогами оставляли свои места. Уровень материального обеспечения главных народных училищ оказался слишком высок для возможностей городского общества. Успешной деятельности народных училищ нередко препятствовал недостаток в учебных книгах и пособиях. Многие предложения так и не были реализованы. Императрица Екатерина II, выступавшая в начале своего царствования в духе просвещенного абсолютизма, всеобщего образования, постепенно меняла свои взгляды на просвещение народа. В одном из писем Н.С. Салтыкову, воспитателю великих князей Александра и Константина Павловичей, императрица написала о том, что черни не должно давать образования, поелику она будет знать столько же, сколько вы да я, то не станет повиноваться нам в той же мере, в какой повинутся теперь [2, с. 141]. Начинаются преследования выдающихся просветителей – «вольнодумцев», таких как Н.И. Новиков и др. Отечественное образование в период «просвещенного абсолютизма» сделало значительный шаг вперед. Ко времени вступления Екатерины II на царский престол расходы на образование составляли всего 0,15% государственного бюджета. К 1794 году на образование в стране выделялось уже 1,28%, а на содержание двора императрицы расходовалось 9%. В конце XVIII века в Российской империи насчитывалось около 550 различных учебных заведений, в которых обучалось до 62000 учащихся. В их числе было около 400 народных училищ, свыше 60 духовных семинарий и около 60 сословно закрытых учебных заведений.

Список литературы

7. Высшее образование в России: Очерк истории до 1917 г. / А.Я. Савельев, А.И. Момот, В.Ф. Хотеевков [и др.]; под ред. В.Г. Кинелева; НИИ высш. образования. – М.: НИИВО, 1995. – 342 с.
8. Данильченко С.Л. Эпюды по истории российского образования IX–XIX веков: учебное пособие / С.Л. Данильченко. – Уфа: Научно-издательский центр «Аэтерна», 2021. – 281 с.
9. Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской академии наук / Акад. наук СССР. Ин-т истории естествознания и техники. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР. [Ленингр. отд-ние], 1962. – 216 с.
10. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т.10. Служебные документы. Письма. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. – 934 с.
11. Марголис Ю.Д., Тишков А.С. Отечеству на пользу, а россиянам во славу: Из истории унив. образования в Петербурге в XVIII - нач. XIX в. / Ю. Д. Марголис, Г. А. Тишкин; ЛГУ им. А. А. Жданова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. – 230 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885-1916. – Т. 7: 1887; От № 4138-4932 и Дополнения. – 1889. – 1146 с.
13. Шевырев С.П. История императорского Московского университета, написанная к столетию его юбилею, 1755-1855 / С. П. Шевырев. – [Репр. изд.]. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1998. – XII, 581 с.

Евдокимова Анжелика Николаевна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПЕРВИЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ ЦЕРКОВНОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОГО ПРАВОСЛАВИЯ XIX в.: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация: в статье рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования составления и применения материалов церковного происхождения Русской православной церкви во второй половине XIX века. Раскрыты материалы церковно-демографического учета населения и документы финансовой отчетности.

Ключевые слова: Русская православная церковь, миссионерство, христианизация, клировые ведомости, духовные росписи, метрические книги, нормативно-правовое регулирование.

Русская православная церковь в дореволюционной истории страны являлась важнейшим социальным институтом, выполнявшим не только миссионерско-просветительские, политико-идеологические, но и в определенной мере социально-контролирующие функции, связанные с регистрацией, демографическим учетом, вмешательством в личную жизнь православных верующих. Существует ряд изданий церковного происхождения, которые вобрала в себя, аналогично Полному собранию законов Российской империи, все действующие и недействующие акты, регулирующие самые разные аспекты деятельности Русской православной церкви: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания, Устав духовных консисторий 1841 и 1883 гг., Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания и другие [2, с. 85]. В основном источники относятся к обширной группе делопроизводственных документов: циркуляры, указы Синода, предписания и т. д.

Рядовые православные священнослужители приходов и монастырских обителей составляли различные акты с конца XVII в.: материалы церковно-демографического учета населения, финансовые отчеты, а со второй половины XIX в. и церковные летописи. Рассмотрим вопросы нормативно-правового регулирования некоторых видов приходских актов, которые формировали местные православные причты в XIX веке.

Среди материалов учета приходского населения и самого православного духовенства следует указать исповедные и клировые ведомости, метрические книги. Клировые ведомости, или акты состояния приходского духовенства, составлялись с 1769 г. местными священниками и далее заверялись благочинным, и отражали состояние прихода за конкретный, как правило прошедший, год: состояние храма и краткая история прихода, материальная обеспеченность, сведения о каждом члене причта и сиротствующих и заштатных из духовенства, социальный, численный, этнический

состав прихожан, расположенность деревень. Благочинному принадлежало право определять характеристику каждому члену клира [3, ст. 87]. Он же нес персональную ответственность за искажение или неполноту информации о поведении духовного лица, поскольку выявленные в будущем нелицеприятные отзывы о личности могли препятствовать ему в назначении на более доходное место в приходах. Особое значение придавалось фиксации в ведомости детей священно и церковнослужителей, независимо от возраста и даже семейного положения и рода занятий, что вызывает у исследователя определенные недопонимания, поскольку благодаря церковным реформам Александра II наследственный статус духовенства был ликвидирован.

Составленные в конце года клировые ведомости в первой половине января следующего года необходимо было предоставить епархиальному архиерею в консисторию [1, с. 465]. В консисторию же или духовное правление, но к 1 октября текущего года, должны были предоставляться исповедные ведомости, в которых отражались сведения об исполнении самим причтом и прихожанами христианских таинств исповеди и причастия. Форма исповедной, или духовной, ведомости была установлена в 1737 г. и практически не менялась: посемейно сначала записаны духовные со всеми домохозяевами, далее привилегированные сословные группы прихожан, если имелись, горожане, крестьяне.

На наш взгляд, наиболее детально были отрегулированы вопросы, связанные с документальной фиксацией важнейших составляющих в жизни человека: рождение, брак, кончина. Метрические, или приходские, книги должны были составляться не по памяти, а по произведению определённого требоисправления, связанного с конкретной жизненной ситуацией, то есть, например, сразу за крещением младенца. «Всякие подчистки в метрических документах строго запрещаются», допускалось лишь зачеркивание, а в случае отсутствия приходского священника запись производил дьякон или священник из соседнего села, совершивший требу [1, с. 470–471]. Любопытно, что в случае погребения священником лица инославного исповедания факт об этом также вносился в метрику, как, впрочем, и то, что по окончании богослужения прихожанин обладал правом просмотра метрической записи, если речь касалась его лично или члена семьи [1, с. 471].

Метрические книги составлялись в двух экземплярах, один из которых отправляли в консисторию, а второй оставался в ризнице приходской церкви. Требовалось ежемесячное самообследование книг причтом, а благочинный контролировал их каждое полугодие, тщательно выверяя каждые страницы, нумерацию записей, чтобы не допустить случайных вкраплений или лакун. Отосланные в консисторию метрические книги хранились в особом ведомственном архиве с разделением по городам и уездам.

Родственным метрическим книгам можно считать такой вид документа, как обыскная книга, или брачный обыск, который необходим для того, чтобы удостовериться, что вступающие в брак лица обладают на то правом и возможностью. Обыск включал в себя несколько документов: например, разрешение начальства на брак, выписка с аттестата о службе, для женщин из другого прихода показания священника о состоянии потенциальной невесты («девица или вдова, скольких лет, была ли на исповеди и у причастия»). Включались и показания поручителей, что «между

сочетающимися родства, принуждения и никаких других препятствий к браку не имеется». Консistorия выдавала прошнурованные белые тетради причтам, куда и записывалась информация брачного характера, и формируемый таким образом брачный обыск хранился вечно в ризнице храма, но доступный для проверки со стороны благочинного [1, с. 475–476].

Для подданного Российской империи важнейшим личным документом являлось метрическое свидетельство. Они выдавались только в консистории: «каждому – о времени его рождения и крещения, родителям – о рождении, крещении и кончине детей, опекунам – о рождении и крещении детей, не имеющих родителей и состоящих под опекою». Консistorия обязывалась выдавать эти свидетельства представителям всех сословий незамедлительно на основании метрических книг, после уплаты заявителем гербового сбора в размере 60-ти копеек [1, с. 477]. Вообще, интересна финансовая составляющая документации для епархиальных властей. Печатание бланков документов с 1865 г. могло осуществляться исключительно в «синодальных типографиях» по факту оплаты услуг и материалов конкретной епархией, а готовая продукция распределялась по консисториям, откуда уже священнослужители ее могли забрать.

Законы и подзаконные акты детально регламентируют выдачу свидетельств незаконнорожденным детям от солдатских жен. Особое внимание уделено и процедуре повторной выдачи документа в случае доказанности факта утери или неумышленной порчи ранее выданного оригинала. Каждому приходскому священнику вменялось в обязанность составление метрических выписей с указанием лиц мужского пола призывного возраста, которые в январе следующего года отправлялись в соответствующие призывные комиссии [1, с. 481]. Была предусмотрена ответственность за нерадивое или недостоверное изложение информации во всех демографических документах в виде выговора или более строгого наказания в виде «отрешения от места в определении места причетнические», а по достижении 60-летнего возраста и вовсе увольнения [1, ст. 192–194]. Более того, на основании всех данных материалов учета населения священнослужители обязывались составлять «перечневые экстракты», или итоговые таблицы о всех демографических явлениях в приходе и отношения к исполнению христианских таинств исповеди и причастия; полученные «статистические сведения... могут быть сообщаемы для напечатания в губернских ведомостях» [1, с. 481]. Таким образом, и первичные церковные материалы, и опубликованные статистические сведения являются важнейшим видом документов по истории православия в конкретных епархиях и губерниях. Более того, распоряжением Синода 1866 г. местные священнослужители и архиереи «приглашаются заводить церковные летописи, со внесением в оные после историко-статистического описания церкви и прихода, всех замечательных местных событий, в том предположении, что означенные летописи, при ведении их в надлежащем порядке, могут послужить с течением времени, материалом для истории церкви и отечества» [1, с. 467].

Другую группу церковных материалов условно можно отнести к финансово-экономическим. Самыми заметными являются приходно-расходные книги, выдаваемые консисторией на три года. Внесение сведений о движении денег возлагалось на церковного старосту, в случае его неграмотности на местный причт, проверка каждые полгода – на благочинного священника, а

отчетная информация об этом предоставлялась в консисторию или духовное правление. Данные ведомости включали в себя отдельным блоком документы о свечном доходе, платы за требы, о пожертвованиях. Соответственно, сохранились и расходные материалы, из которых можно узнать, что значительная часть средств уходила на нужды храма [1, с. 468].

Все имущество приходской церкви должно было быть известным епархиальному начальству: в особой описи отражались сведения о здании, его план, межевые книги, ценные вещи, крупные пожертвования, древние актовые материалы. Законодательство также предусматривало составление особых епархиальных комиссий, целью которых являлось выявление и изучение различных исторических материалов, которые могли храниться в разных, особенно старинных, храмах. Кроме того, членов этих комиссий должно было заинтересовать наличие в церкви предметов, «которые, не принадлежа к числу богослужебных, имеют особую важность и значение в отношении историческом и археологическом, как-то: оружие, воинские доспехи, монеты, древние сосуды, утвари, картины...» [1, с. 467].

Таким образом, государство и центральные церковные власти Российской империи тщательно регулировали процедуру составления приходским духовенством разного рода статистических материалов, описаний, отчетов демографического характера.

Список литературы

1. Барсов Т. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания / Т. Барсов. – СПб, 1885.
2. Евдокимова А.Н. Система управления сельским населением Чувашского края в церковной документации XIX века / А.Н. Евдокимова // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова) : сборник статей / редкол.: О. Н. Широков, Т. Н. Иванова, И. А. Липатова [и др.]. – Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. – С. 84–95.
3. Устав духовных консисторий. – СПб., 1883.

Иванова Татьяна Николаевна

д-р ист. наук, профессор

Тюнтеров Олег Сергеевич

студент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/г-101207

ВЗГЛЯД ИЗВНЕ НА ТЮРКСКИЕ НАРОДЫ РОССИИ: ЧУВАШИ КАК СУБЪЕКТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ ГЛАЗАМИ А. КАППЕЛЕРА

Аннотация: статья посвящена анализу интерпретации истории чувашского народа, предпринятой зарубежным историком Андреасом Каппелером. Он известен как один из родоначальников «имперской парадигмы» в историографии и как автор ряда исследований о русско-

украинских связях, которые он считает «асимметричными». В его книге «Чуваши. Народ в тени истории» дается проблемно-хронологический обзор важнейших событий в истории чувашей. С позиций биографического подхода ученый создает портреты выдающихся представителей чувашского народа. Его выводы о том, что утрата национального самосознания грозит чувашам возвращением во мрак истории, нуждается в критическом осмыслении.

Ключевые слова: *Андреас Каппелер, имперская парадигма, периферия, история чувашского народа.*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда №22-28-00840, <https://rscf.ru/project/22-28-00840/>.

Книга австрийского учёного швейцарского происхождения Андреаса Каппелера «Чуваши. Народ в тени истории», опубликованная на немецком языке в 2016 году [9], вскоре была переведена на русский язык [4] и встречена чувашскими учеными с большим интересом, т.к. является практически единственным монографическим исследованием зарубежных ученых об этом тюркском народе. Однако, чтобы оценить концепцию этого ученого, необходимо дать краткую характеристику всему комплексу его исследований.

Андреас Каппелер известен в нашей стране своими неоднозначными трудами о русско-украинских отношениях, которые трактуются им как иерархичные и неравноправные. Эта его политическая ангажированность, в условиях современной геополитической обстановки, вызвала острую критику в публицистике [8]. Его трактовка российской истории отличается от принятой в отечественной историографии. О.В. Большакова считает, что с публикации в 1992 г. книги А. Каппелера «Россия – многонациональная империя» начинается «имперский поворот» («имперская парадигма») в современной историографии, характеризующийся изучением России прежде всего как империи [1]. Книга была переведена на многие языки и принесла автору известность в научном мире [3 § 6].

В чем же своеобразие взглядов Каппелера на российскую историю? Он полагает, что вклад нерусских народов в историю Российской империи, заведомо приниженный русской национальной историографией, должен получить свое признание. По его мнению, история российского государства трактуется исключительно как русская национальная история, а потому ученый считает важным расширить представление об истории российского государства [3, с. 8]. Главными субъектами исследований профессора являются народы России, живущие вдали от большой политики, на так называемой периферии. Именно под углом зрения этих народов Каппелер смотрит на «великую историю», преподнося её в новом свете [4, с. 14].

Научный интерес Андреаса Каппелера к истории народов Среднего Поволжья возник в семидесятых годах прошлого века, когда он работал над докторской диссертацией на тему: «Этногенез народов Среднего Поволжья (татар, чувашей, мордвы, марийцев, удмуртов) в советских исследованиях» [7, с. 311]. С этого момента началось знакомство Каппелера с трудами чувашских исследователей, а через их труды – с самим чувашским народом. В одной из своих статей он дал подробную характеристику работам татарских и чувашских исследователей об этногенезе этих

тюркских народов [5]. Среди данных работ он высоко оценивал труды крупнейшего специалиста по чувашской истории В.Д. Димитриева (1924–2013). Один из его трудов – «Чувашия в эпоху феодализма (XVI-начало XIX в.)» – лёг в основу, написанной Каппелером в 2016 году монографии о чувашах, рассчитанной на зарубежную публику [2, с. 451]. Как сообщает сам Каппелер – «особый интерес к чувашам сформировался, когда обнаружилось, что Чувашская Автономная Советская Социалистическая Республика обладает обширной историографией на относительно хорошем уровне» [4, с. 19].

В семидесятые годы новый импульс получила постколониальная теория, повлиявшая на взгляды австрийского учёного, к тому времени уже сформировавшегося в качестве сторонника школы «Анналов». Постколониальная теория предлагала изложение истории с точки зрения колониальной и постколониальной периферии. Андреас Каппелер в своей монографии о чувашском народе применяет к чувашам понятие *subalternity* (подчинённость, несамостоятельность), а регион их проживания – Среднее Поволжье, расценивает как «внутреннюю колонию» России и Советского Союза [4, с. 17]. При этом австрийский учёный отмечает, что в виду малоизученности истории Чувашии его положения должны быть проверены и не должны использоваться в качестве политического лозунга [4, с. 18].

Чувашский народ представлен профессором Каппелером как субъект российской истории в уже упоминавшейся монографии: «Чуваши. Народ в тени истории». Структура книги достаточно оригинальна. Первые главы построены по проблемно – хронологическому принципу изложения событий чувашской истории. В центре внимания автора стоят несколько проблем: 1) интеграция чувашей в Российское государство с XVII до XIX века; 2) эволюция образа чувашского народа в российской истории; 3) формирование чувашской нации и её значение в истории России XX-начала XXI веков. Автор последовательно рассматривает каждую из этих проблем, опираясь на соответствующие источники. Источниками здесь стали русские летописи, записки иностранцев (например, «Записки о Московии» Герберштейна), отчёты этнографических экспедиций XVIII-первой половины XIX века (Олеария, Миллера, Георги), архивные материалы советского периода. Нельзя не отметить влияние трудов В.Д. Димитриева на изложение материала.

Особое внимание Андреас Каппелер сосредотачивает на тех событиях, в которых «чуваши уже не были пассивными объектами, но оказались в свете прожекторов как действующие лица масштабных исторических событий» [4, с. 64]. При этом Каппелер утверждает, что чувашей на такой шаг подтолкнул ряд трудностей в ходе их интеграции в состав Российского государства.

Учёный перечисляет несколько подобных трудностей. Он говорит о злоупотреблениях русской администрации в отношении покорного чувашского населения, в качестве примера приводя случай, произошедший в Цивильском уезде, когда вместо прошения представитель администрации составил неграмотным крестьянам долговое обязательство [4, с. 62]. Насильственная христианизация и необдуманные действия русских православных миссионеров также усугубляли характер протеста и сопротивления чувашей. Андреас Каппелер приводит этому пример: «В 1743–1744 гг. чувашские крестьяне с вилами и дубинами напали на протопопа

Давыдова, пришедшего в деревню с отрядом солдат, чтобы крестить жителей» [4, с. 73]. Каппелер сообщает о том, что чуваши в составе России продолжали оставаться в особой категории «ясаков» до тех пор, пока в качестве государственных крестьян не были поставлены под прямой контроль государства и его должностных лиц, что добавило для чувашей новые налоги, сборы и повинности [6, с. 30]. Весьма провокационно звучит высказывание Каппелера о том, что «запрет на оружие и изготовление изделий из металла был проявлением дискриминации в отношении нерусских народов по сравнению с русским», поскольку это была вынужденная мера государства для стабилизации обстановки [4, с. 62].

Наряду с трудностями, интеграция дала чувашам и определённые плюсы. Среди них Каппелер называет возведение в Среднем Поволжье оборонительных сооружений в XVI–XVII вв., возникновение городов, как центров русской культуры, развитие системы просвещения и начального образования на территории Чувашии в XVIII–XIX вв.

А. Каппелер всячески стремится опровергнуть стереотип «тихих и мирных чувашей». Он акцентирует особое внимание на роли чувашского народа в восстаниях XVII и XVIII века, на сопротивлениях чувашей продразверстке, режиму «военного коммунизма», насильственной коллективизации первой трети XX века. В ходе народных восстаний чуваша занимали видное место в повстанческих движениях. Так, Каппелер приводит сведения из доклада полковника Матвея Кравкова, который среди атаманов мятежного движения Степана Разина называет чуваша Пахтемея Ахтубаева, прозванного соратниками «служилым тарханом» [4, с. 68]. В ходе целого ряда народных восстаний основными целями чувашских повстанцев были захват городов, сожжение документации, расправа над представителями царской власти, освобождение узников тюрем и аманатных дворов. В ходе Пугачёвского восстания часть чувашей добровольно присягнула на верность Емельяну Пугачёву, при этом, как подчеркивает Каппелер, основные акты насилия чувашские крестьяне чинили над духовенством: «в официальных донесениях особо подчёркивалось осквернение церковей...расстрел святых образов на иконах» [4, с. 78]. Истории XIX века уделяется меньше внимания, не считая характеристики просветительской деятельности И.Я. Яковлева

По мнению ученого, установление советской власти в годы Гражданской войны с её «продовольственной диктатурой» и «военным коммунизмом» было тягостным испытанием для Чувашии. Сокращение семенного фонда, изъятие на нужды новой власти продуктов и сырья, которое не было нормировано определёнными постановлениями сверху, переполнили чашу терпения чувашского народа, и вызвало антисоветское восстание 1921 года, сопровождавшееся актами насилия над представителями советской власти, погромами контор советских органов власти, сожжением документов. Андреас Каппелер приводит лозунги восставших: «Долой коммунизм!», «Долой коммунистов-учителей!» [4, с. 153]. И хотя восстание было подавлено, но советское руководство признало свои просчёты в вопросе продразвёрстки и в дальнейшем, в определённой степени, смягчило свой нажим.

Каппелер подчеркивает, что политика коллективизации сельского хозяйства, проводимая советским руководством в конце 20-х – начале 30-х годов XX века встретила очередную волну недовольства и возмущений

чувашского народа. Однако на этот раз чувашки почти не действовали радикальными силовыми методами, а, в основном, излагали в анонимных письмах, адресованных советскому руководству, свою позицию по вопросам коллективизации, высказывали свои жалобы и недовольства. Так, в одном анонимном письме, найденном в деревне Янгорчино 31 декабря 1931 года, было написано следующее: «...Колхоз-дело недоброе, потому и гонят народ туда. Народ осажён милицией и злыми учителями, агентами и бесполезными и сердитыми руководителями, которые... стараются загнать нас в колхоз. Народу надо остерегаться обманщиков» [4, с. 181]. Также чувашки, как сообщает Каппелер «забивали свой скот, чтобы не отдавать его в общее стадо, сжигали зерно и дома, продавали или ломали инвентарь...» [4, с. 173]. Учёный указывает на то, что советскому руководству неоднократно приходилось реагировать на эти явления в Среднем Поволжье – одном из важнейших аграрно-сырьевых районов СССР и менять темпы коллективизации. Однако всё же под нажимом репрессии коллективизация в Советской Чувашии состоялась, хотя чувашки и относились к ней, как к «новому крепостничеству». Обращает на себя внимание тот факт, что, в целом, описанные ученым факты и тенденции не были какими-то специфическими только для чувашского народа, а были общими для большей части страны.

Но не только как деструктивная сила показан чувашский народ в исследовании Андреаса Каппелера. Учёный подмечает и положительный вклад, который внесли чувашки в историю нашей страны. Ещё историк В.Д. Дмитриев отстаивал тезис о «добровольном вхождении» чувашки в состав Российского государства при Иване IV Грозном [2, с. 18]. Андреас Каппелер считает, что чувашки проявили собственную инициативу, когда «настоятельно просили молодого царя Ивана IV послать войска против казанского хана» и «заявили о своём желании служить государю и выступать вместе с его воеводами против Казани» [4, с. 44]. В результате миграции чувашки на восток и юго-восток России они содействовали заселению и хозяйственному освоению плодородных пограничных со степью районов, поддержанию отношений с местными этносами, и, как следствие этого, передаче им навыков ведения сельского хозяйства. Каппелер указывает на то, что русское и нерусское население воспринимало чувашки в качестве трудолюбивых и умелых земледельцев.

Вторая часть исследования создана в жанре биографистики. Каппелер характеризует целую плеяду чувашских деятелей, оставивших свой след в российской истории. Знаменитый синолог Иакинф Бичурин (1777–1853) содействовал развитию культурных связей между Россией и Китаем, герой Гражданской войны Василий Чапаев (1887–1919) сражался за молодую Советскую Россию, космонавт Андриян Николаев (1929–2004) стал третьим советским гражданином, побывавшем в космосе, чувашский поэт Геннадий Айги (1934–2006) своими произведениями о народной культуре снискал всемирную известность, Валентина Егорова и Елена Николаева с успехом отстаивали честь страны на Олимпийских играх, чувашская балерина Надежда Павлова представляла русский балет во многих европейских странах, а также в США, Японии и Китае. В годы Великой отечественной войны из 200 000 ушедших из республики на фронт около половины отдало свои жизни за Родину [4, с. 203].

Особо тепло отзываясь Каппелер о людях, с которыми ему удалось не просто познакомиться, но и сотрудничать в процессе исследования чувашского народа. Это, в первую очередь, В.Д. Димитриев. На презентации своей книги, вышедшей на русском языке в Чебоксарах, в октябре 2016 года ученый прямо заявил, что создание этой книги – исполнение обещания, данного им Василию Димитриевичу и дань его памяти.

Тесные научные контакты с чувашскими учеными, несомненно, повлияли на возникновение ощущающейся в книге симпатии к чувашам. Еще в 1996 году Каппелер стал иностранным членом существовавшей тогда Чувашской академии наук, в 2007 году ему было присвоено звание Почетного профессора Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. В 2011 г. он специально приезжал в Чебоксары для обсуждения с местными учеными проекта будущей книги и знакомства с республикой.

Андреас Каппелер считает чувашей самобытным народом России, оставившим свой след в событиях отечественной истории. Во время презентации книги в 2016 году автору был задан вопрос о названии: почему чувашаи «в тени»? По его представлению самобытность чувашского народа часто находилась под угрозой исчезновения. Историк неоднократно говорит о ломке традиционных чувашских ценностей и элементов этнической самоидентификации под нажимом русского народа, вынуждавшим чувашей выходить из тени истории. В своём творчестве он использует термины «метрополия», «внутренняя колония», «подчинённые», оценивая отношения двух народов. Это отсылает нас к трудам ученого о русско-украинских отношениях, где украинцы, по его словам, находятся «в тени русских». Чувашаи, по его мнению, это «маргинализированное меньшинство» на периферии большой России, чей язык и этническая целостность находятся под угрозой. И хотя Каппелер считает, что возможности, которые открылись чувашам в России и Советском Союзе, позволили наиболее предприимчивым из них добиться социального и карьерного роста, это привело к разрыву их связей со своей малой родиной. Каппелер убеждён, что утрата национального самосознания грозит чувашам возвращением во мрак истории, а потому он советует им беречь коллективную память. Таким образом, отдавая дань усилиям, предпринятым А. Каппелером для популяризации и привлечения внимания к истории чувашского народа в зарубежной науке, необходимо помнить о его политической ангажированности и с позиций научной критики оценивать некоторые его выводы.

Список литературы

1. Большакова О.В. Россия как многонациональная империя: итоги и перспективы изучения / О.В. Большакова // Российская история. – 2021. – Вып. 4. – С. 163–177 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russian-history.ru/s086956870016234-8-1> (дата обращения: 14.02.2022).
2. Димитриев В.Д. Чувашаи в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.) / В.Д. Димитриев. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986. – 456 с.
3. Каппелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / А. Каппелер; пер. с нем. С. Червонной. – М.: «Традиция» – «Прогресс-Традиция», 2000. – 344 с.
4. Каппелер А. Чувашаи. Народ в тени истории: монография / А. Каппелер; пер. с нем. Е.В. Толстовой; науч. ред. Л.А. Таймасов. – Чебоксары: ЧКИ РУК, 2019. – 268 с.

5. Каппелер А. Этногенез народов Среднего Поволжья (татар, чуваш, мордвы, мари, удмуртов) в советских исследованиях / А. Каппелер // ПАНОРАМА-ФОРУМ. – 1996. – №4(7) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://userdocs.ru/istoriya/9336/index.html> (дата обращения: 18.02.2022).

6. Kappeler A. The Russian empire: a multiethnic history / Andreas Kappeler; transl. by Alfred Clayton. – Harlow: Longman, 2001. – 455 p.

7. Kappeler Andreas. L'ethnogenese des peuples de la Moyenne-Volga, (tatars, tchouvaches, mordres, maris, oudmourtes) das les recherchs soviety qu // Cahiers du Monde russe et sovietique, XVII (2–3), avr-sept. 1976, pp. 311–334.

8. Семушин Д. Ну что, брат Пушкин?»: статья Путина и «украинистика» фантазера Каппелера / Д. Семушин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imperiyanews.ru/details/765c9b44-c3e8-eb11-8127-020c5d00406e> (дата обращения: 10.01.2022).

9. Ярафова Е.А. Рец. на: Kappeler A. Die Tschuwaschen. Ein Volk im Schatten der Geschichte. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag GmbH & Cie, 2016. 276 S. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ras.jes.su/ethnorev/s086954150000418-9-1> (дата обращения: 7.02.2022).

Кабуркин Александр Александрович
аспирант

Соколова Валентина Ивановна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ДЕЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ СУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА ПРИМЕРЕ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 1930-1950-х гг.

***Аннотация:** в статье отражены сведения об образовании в 1930 г. новой административно-территориальной единицы в советском государстве, а также описаны ее административно-территориальные преобразования в последующие два десятилетия. Указаны роль и влияние данных событий на установление и развитие судебной системы во вновь образованном субъекте политической карты страны. Представлены основные правовые акты, имевшие ключевое значение в вышеуказанных событиях и регламентировавшие описанные явления политической жизни региона. Установлена взаимосвязь происходивших в Ханты-Мансийском округе административно-территориальных преобразований с происходившими в стране реформами. Отмечена важность и актуальность заявленной темы. Приведена историография вопроса.*

***Ключевые слова:** Остяко-Вогульский национальный округ, Ханты-Мансийский округ, районы, административно-территориальное деление, судебные органы, судебная система.*

Судебная власть с той или иной структурой судебных органов присутствует в настоящее время в любом государстве современного мира и

играет немаловажное значение во внутренних, в том числе политических, социально-экономических, процессах. Потому с абсолютной уверенностью можно утверждать, что данный государственный институт играет не последнюю роль в жизни любого общества. Указанное обстоятельство свидетельствует о важности вопроса по изучению судебной системы.

Также абсолютно бесспорно, что любое государство обладает определенной территорией, при этом большая часть государств имеет определенное административно-территориальное деление, состоит из тех или иных субъектов, регионов, имеющих, в свою очередь, собственную территорию, население, администрацию, органы управления, судебную систему и т. д. В связи с этим однозначен вывод о значимости проблемы изучения административно-территориального устройства государства.

Стоит отметить, что зачастую в большинстве современных государств на той или иной территории, в том или ином регионе, субъекте, иной административно-территориальной единице действует своя система управления регионом, свои правоохранительные и иные, в том числе судебные, органы.

Таким образом, однозначно можно говорить, что в большинстве современных обществ судебная система непосредственно взаимосвязана с административно-территориальным устройством и делением страны.

Изучение в настоящее время судебной системы и административно-территориального устройства нашего государства в историческом прошлом имеет весьма важное и актуальное значение, так как позволяет, опираясь на исторический опыт и имевшие место ранее ошибки, проводить реформы, предвидеть их возможные будущие последствия и изменения ситуации, раскрыть общие причинно-следственные связи тех или иных решений.

В проекции на проблематику, поставленную названием настоящей статьи, можно уверенно утверждать, что вопросы административно-территориального устройства Ханты-Мансийского автономного округа, становление и развитие судебной системы в указанном округе, а также взаимосвязь данных политико-правовых элементов созданного в 1930 г. нового административно-территориального образования на карте РСФСР, имеют весьма важное значение. При этом, помимо вышеприведенных доводов в пользу актуальности, важности и значимости поставленных вопросов, в данном случае затрагивается также проблема национального строительства в молодом советском государстве на примере одного из политико-национальных образований.

Принимая во внимание вышеизложенное, учитывая, что судостроительство и судопроизводство в любом государстве имеет важное политико-правовое и общественное значение, можно с уверенностью утверждать, что совершенствование законодательной основы деятельности судебной системы имеет весьма актуальное значение, а историческое наследие позволяет качественно улучшить это совершенствование, в связи с чем исследование с исторической точки зрения судебной системы на примере отдельного региона, являвшейся неотделимым элементом всей советской судебной системы, имеет существенное значение в совершенно разном спектре, в том числе с юридической точки зрения, точки зрения региональной истории, точки зрения национального вопроса и т. д. Не стоит также забывать, что именно судебная система советского периода

развития нашей страны явилась тем фундаментом, на котором образовалась и продолжает свое дальнейшее развитие российская судебная система. Как не раз было отмечено исследователями, начальный этап строительства советского судопроизводства имеет особый интерес [21; 27; 35].

Целью статьи является рассмотрение исторического опыта становления и функционирования судебной системы в Советском государстве на примере развития и деятельности судебной системы Югры в период с начала 1930-х до 1950-х гг. во взаимосвязи с административно-территориальным делением вышеуказанной территории в обозначенный промежуток времени.

Для достижения поставленной цели в ходе написания статьи решались следующие задачи: описание и анализ административно-территориального деления территории Югры как один из исторических факторов и условий формирования советской судебной системы в регионе, влияние этого деления на деятельность органов правосудия, изучение формирования судов и судопроизводства в Ханты-Мансийском автономном округе, включая структуру судебных органов, исследование особенностей функционирования судебной системы на территории округа, подведение итогов прошлого опыта развития судебной системы на примере отдельно взятого региона, установление наличия, как положительных, так и отрицательных моментов в рассматриваемых процессах, а в результате подготовка рекомендаций для применения на практике.

Обращаясь к историографии вопроса изучения проблемы советского судостроительства и судопроизводства, можно выделить два больших этапа в историографическом разрезе: 1 – советский – до конца 1980-х гг.; 2 – постсоветский, российский – с конца 1980-х гг. по текущий момент.

Из работ в советское время необходимо отметить труд М.В. Кожевникова, изданный в 1950-х гг. [23] Изучение советских судебных органов в советский период нашло также отражение в работах И.П. Голякова, Н.И. Журавлева, Н.В. Крыленко и ряда других авторов [7; 17; 25]. Процесс создания, организации, деятельности советских судебных органов и судебной системы в интересующий период 1930–1950-х гг. рассматривался в советский период и в нескольких кандидатских диссертациях, в частности, Ф.Г. Тарасенко, М.Н. Размазде, других [31; 35]. Однако для всех этих работ характерно то, что они охватывали отдельные временные промежутки, не делая общего анализа судебного строительства в период 1930–1950-х гг. Более глубокие и детальные исследования, как в целом советской судебной системы, так и в интересующий временной период осуществлялись уже в постсоветский этап развития российского государства.

Одно из глубоко научных исследований проведено в данном направлении И.Л. Лезовым [27]. Труд этого ученого характерен широким и достаточно полным использованием научной литературы, включая архивные документы, высоким уровнем критичности, обоснованностью выводов, анализом проблем советского суда и его развития в 1917–1940 гг. Широкое освещение вопросов нормативно-правовой основы деятельности советских органов юстиции, в том числе советской судебной системы, хронологических этапов ее формирования и функционирования содержится в труде А.Я. Кодинцева [22]. Освещение судебной системы советского периода в условиях современного российского общества находит отражение в работах следующих авторов: К.А. Алакпарова, В.А. Лазаревой, Е.О. Шкрыль, других [1; 26; 37].

Что касается изучения историографии Остяко-Вогульского национального (Ханты-Мансийского автономного) округа в целом, то здесь можно выделить труды Л.В. Алексеевой, В.А. Зибарева [3; 19]. Примечательно, что Л.В. Алексеева, изучавшая Северо-Западную Сибирь 1917–1941 гг., в своей работе отмечает, что работы В.А. Зибарева стали точкой отсчета нового этапа в изучении северных народов [2, с. 17].

Стоит также отметить труды В.М. Большаковой, которая, исследуя принципы организации советской судебной системы, одним из принципов изучала принцип административно-территориальной организации судебной системы, а также В.К. Сенчагова, который исследовал административно-территориальное устройство России, проблемы, связанные с реформированием существующего деления на субъекты [5; 33].

Обращаясь непосредственно к проблеме, затронутой темой статьи, необходимо отметить, что с начала 1930-х гг. в СССР начался очередной этап административно-территориальных реформ. Отличительной чертой этого этапа являлся курс, направленный на всеобщую и всеохватывающую экономическую и социальную трансформацию и реконструкцию советского общества. Постановлением ЦК ВКП (б) от 15 июля 1930 г. предлагалось упразднить округа, входившие в состав областных и краевых объединений [32, л. 10–11]. Это было вызвано тем, что партийным и государственным руководством страны решено было взять курс по «укреплению управления на районном уровне с одновременным приближением властей к населению». Основным положением, на которое опиралась ликвидация окружного звена управления, послужила провозглашенная И.В. Сталиным на XVI съезде ВКП(б) новая установка на приближение «партийно-советского и хозяйственно-кооперативного аппарата к району...» [20, с. 30]. С ликвидацией округов в период с 1930 г. по 1931 г. некоторые из них сохранились, входя в состав областей и краев. Это касалось национальных округов, а также тех, которые управляли окраинными, удаленными от центра, периферийными районами. В то же время приоритет отдавался национальным округам, что соответствовало и проводило в жизнь политику советского государства в области национального вопроса. В связи с этим можно отметить правильный и оправдавший в последующем себя курс на выделение национальных округов в отдельные административно-территориальные и хозяйственно-экономические единицы. Свидетельством тому является тот факт, что современный уровень социально-экономического развития и экономического потенциала Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов чрезвычайно высоки.

Радикальной и кардинальной мерой по реформированию административно-территориального устройства в рассматриваемый период стало начатое также с 1930 г. разукрупнение областных и краевых объединений, которые были образованы в 1920-х гг. Так, разукрупнению подвергся Сибирский край, который с 1930 г. был разделен на Восточно-Сибирский край и Западно-Сибирский край. Указанные процессы и реформы в сфере административно-территориального страны обусловили необходимость создания нового национального округа – Остяко-Вогульского. Примечателен тот факт, что округ, как административно-территориальная единица в составе РСФСР, был образован незадолго до начала Великой Отечественной войны, а свое название, содержащее указание на населяющие его этносы, получил буквально накануне войны.

10 декабря 1930 г. Постановлением Президиума ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» в составе Уральской области были образованы национальные

административные объединения, в том числе Остяко-Вогульский национальный округ с окружным центром в селе Самарово, куда вошли районы: Березовский (центр – Березово), Кондинский (центр – Нахрачи), Лариакский (центр – Лариак), Самаровский (центр – Самарово), Сургутский (центр – Сургут), Шурышкарский (центр – с. Мужы) [6, с. 24, 34, с. 180, 38, с. 12, 29, 16, д. 106, л. 1–31, 8, д. 3337, л. 16–46]. До этого названные территории входили в Уральскую область и Западно-Сибирский край. Население огромной территории на тот момент составляло 77 000 чел. Основной отраслью хозяйства являлось оленеводство [6, с. 25].

Статья «О пятилетней годовщине Остяко-Вогульского национального округа» переняла название с идентичного по названию постановления Остяко-Вогульского Окружкома ВКП (б) и Остяко-Вогульского Окрисполкома от 2 декабря 1935 г. Постановлением констатирует, что 10 декабря 1930 г. Постановлением ВЦИК образованы ряд национальных районов и округов, в том числе Остяко-Вогульский – на территории расселения национальностей Севера, а 9 июня 1931 г. Остяко-Вогульский национальный округ окончательно оформился как национальное административное объединение [28].

Обращаясь к вопросу создания судов на территории округа, стоит отметить, что постановлением Малого Президиума Уральского Облисполкома №482 от 20 мая 1931 г. «О реорганизации системы управления на Тобольском Севере» принято решение о проведении практической работы по организации туземных округов на Севере, в том числе Остяко-Вогульского, для чего этим же решением создано Организационное бюро (далее также – Оргбюро, Орготдел) во вновь образуемом окружном центре – Самарово. Постановление обязывало Оргбюро приступить к работе не позднее 1 июня 1931 г., а также содержало нормы организационного характера по образованию отделов и Окружного суда [14, л. 41, 9, д. 26, л. 34]. Таким образом, одним из важнейших региональных нормативно-правовых актов суд округа был выделен наряду с основными советскими органами. Изначально, наряду с президиумом, иными отделами, в структуру органов округа входил Окрсуд со штатом в две единицы (председатель Окружного суда и окружной прокурор) [9, д. 28, л. 22, 41, 303]. Непосредственно Оргбюро по созданию национального округа, создано постановлением Уральского Облисполкома №554 от 25 мая 1931 г., его членам предписывалось в течение трех дней выехать на место работ [8, д. 3047, л. 91, 9, д. 26, л. 53, 16, д. 82, л. 1].

Вопреки вышеуказанным правовым актам, в соответствии с которым и создан Окружной суд, некоторые источники указывают, что Суд Остяко-Вогульского округа образован 25 июня 1931 г [6, с. 27]

Фактически важный судебный орган в округе официально был создан лишь спустя полгода с момента образования самого округа, но в подобном формате создавались и иные советские органы в округе. Приказ суда №1 от 2 июля 1931 г. гласил: «Вновь организованный суд Остяко-Вогульского округа считать развернувшим свою деятельность в с. Самарово с 25.06.1931 г. в составе...». В округе изначально образовано 4 районных суда: Самаровский, Сургутский, Березовский, Шурышкарский [6, с. 27]. В течение двух лет (1931–1932 гг.) на территории нынешнего округа продолжалось формирование государственных органов представительной, исполнительной и судебной власти, системы самоуправления [18]. В то же время этот процесс продолжался и последующие несколько лет. Народные

суды формировались в составе трех человек, которыми являлись непосредственно народный судья, секретарь, народный следователь.

Постановлением Малого Президиума Уральского Облсполкома от 23 мая 1931 г. №552 «О границах и составе Ямальского и Остяко-Вогульского национальных округов и их районов», в соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 10 декабря 1930 г., установлены для северных национальных округов их границы [8, д. 3047, л. 102–109, 13, д. 15, л. 1–47, 16, д. 81, л. 1–8]. В Остяко-Вогульский национальный округ, согласно вышеуказанного постановления включены районы: Ларьякский, Сургутский, Самаровский, Кондинский, Березовский, Шурышкарский. Постановлением указаны границы округа и районов с географическим указанием и описанием границ, привязкой к конкретным географическим объектам. Кроме того, в постановлении перечислены сельские советы, вошедшие в тот или иной район.

В ходе очередного заседания Оргбюро по организации Остяко-Вогульского округа (протокол №7 от 5 июля 1931 г.) детально определен состав районов нового округа [15, д. 12].

При этом довольно часто в документах Остяко-Вогульский округ обозначался как Остяско-Вогульский или Самаровский северный округ. В официальных документах, включая уже подписанные постановления и протоколы заседаний советских государственных и партийных органов, имели место зачеркивания и исправления в названии округа, что говорит об определенной неразберихе в организационных вопросах. В отдельных отчетах содержатся и иные некорректные названия округа, например во ВЦИК СССР были отправлены сведения по Остяко-Вагайскому Окрисполкому [11, л. 99]. В составе округа указывалось 6 районов, в которых находилось 54 Совета, в том числе 30 туземных, население данных районов составляло 49 980 человек, включало 9 024 хозяйства, в том числе 8268 оседлых, 585 полуоседлых, 181 кочевых [9, д. 27, л. 5].

Исследователями отмечается, что лишь 7 января 1932 г. Президиум ВЦИК упразднил Тобольский округ и определил территории, границы и административное деление новых округов [6, с. 30; 18, с. 70]. В 1932 г., в период с 25 февраля по 3 марта, в Остяко-Вогульске, в Доме туземца (административный комплекс для проведения общественных мероприятий и гостиница для расселения приезжих) состоялся I Окружной съезд советов, который сформировал Окружной исполнительный комитет. Так завершилась работа по организации национального округа [6, с. 31].

Параллельно с созданием 6 районов в округе формировались и 6 народных судов. Первые официальные и установленные в ходе настоящего исследования сведения о работе Окрусуда содержатся в отчетном докладе Оргбюро о работе Остяко-Вогульского национального Окрисполкома за период с 13 июня 1931 г. по 1 декабря 1932 г. [13, д. 15, л. 1–47]. В докладе указано, что с момента организации округа в нем функционировали один окружной суд и четыре народных суда, на 1 декабря 1932 г. имеется уже шесть укомплектованных народных судов. Такая структура судов сохранилась в течение последующих десятилетий до середины 1950-х гг., с исключением одного суда (Шурышкарского) и образованием другого (Микояновского). Из сохранившихся в архиве Югры документов указанной категории самым ранним является штатное расписание на 1933 г. В нем отражено наличие шести районных судов в округе (согласно

указанным выше районам) [13, д. 80, л. 1]. Образование нарсудов в округе в периодических изданиях за исследуемый период не было отражено, но имеются сведения в печатных СМИ более позднего периода. Так, в газете «Новости Приобья» в 1997 г. сообщалось, что 15 декабря 1932 г. начал свою деятельность Ларьякский народный суд [24].

17 января 1934 г. в связи с разукрупнением Уральской области создана Обско-Иртышская область с центром в г. Тюмени. В соответствии с Постановлением ВЦИК Остяко-Вогульский национальный округ вошел во вновь созданную Обско-Иртышскую область. В окружной газете «Ханты-Манчи шоп, являющейся органом ОК ВКП (б) и Окрисполкома, было размещено указанное постановление Президиума ВЦИК от 17 января 1934 г. «О разделении Уральской области» [29]. Согласно указанному акту доводилось до всеобщего сведения, что Уральская область разделена на три области: Свердловскую, Челябинскую, Обско-Иртышскую. В последнюю включены два национальных округов: Остяко-Вогульский, Ямальский. Однако Обско-Иртышская область просуществовала недолго и в составе нее округ находился до 1 января 1935 г., после чего вошел в состав Омской области [4, с. 34, 20, с. 31]. Постановлением Президиума ВЦИК от 7 декабря 1934 г. «О разукрупнении Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев и образовании новых областей Сибири», учитывая ходатайство советских, хозяйственных и общественных организаций Западно-Сибирского и Восточно-Сибирского краев, Обско-Иртышской и Челябинской областей, образована Омская область с центром в г. Омске в составе всех районов и национальных округов нынешней Обско-Иртышской области и районов Западно-Сибирского края и Челябинской области (перечислены), определены границы образованных регионов [10, л. 27–28]. Протоколом №1 заседания Административной комиссии при Омском Облсполкоме от 11 мая 1935 г. уточнены границы Остяко-Вогульского округа [12, д. 235, л. 254–255].

Можно отметить, что прецедент образования национальных округов получил неоднозначную интерпретацию в научной литературе. По оценке В.А. Зибарева, народы Севера перешли «от самоуправления патриархально-родового общества к социалистической государственности, минуя все промежуточные стадии развития» [18, с. 71].

Тем не менее, осуществленные до начала Великой Отечественной войны реформы административно-территориального устройства Севера, обеспечили его включение в единую централизованную систему советской государственности, стимулировали рост правосознания, политической активности, социального творчества граждан коренных этносов [18, с. 73].

Стоит отметить, что население отдельных северных местностей на территории Остяко-Вогульского национального округа обращалось с вопросом передачи их в Ямальский округ, но получало отказы на подобные ходатайства [8, д. 3317, л. 180, 16, д. 97, л. 10].

В итоге дальнейших преобразований 23 октября 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР Остяко-Вогульский национальный округ и поселок Остяко-Вогульск (который строился изначально недалеко от с. Самарово), соответственно, переименованы в Ханты-Мансийский национальный округ и рабочий поселок Ханты-Мансийск [6, с. 71; 34, с. 306].

В период Великой Отечественной войны в формировании округа произошло очередное изменение. 14 августа 1944 г. образована Тюменская область и Указом Президиума Верховного Совета СССР №118/83 «Об образовании Тюменской области в составе РСФСР» Ханты-Мансийский национальный округ включен в состав Тюменской области, выйдя таким

образом из состава Омской области [30, с. 5, 36, с. 164]. Указанному событию предшествовало принятое на заседании Президиума Верховного Совета РСФСР решение об образовании Тюменской области в составе РСФСР (протокол №16 от 14 августа 1944 г.) [12, д. 212а, л. 2]. Территория области на момент создания составила 1 376,9 тыс. кв. м., включала 2 национальных округа, 3 города областного подчинения, 1 город окружного подчинения, 1 город районного подчинения, 3 поселка, 37 сельских районов, 3 городских района, 615 сельских советов [12, д. 212а, л. 3]. Ханты-Мансийский национальный округ имел территорию 584,8 тыс. кв. м., включал 6 сельских районов, 1 поселок, 52 сельских совета. В приложении к вышеуказанному протоколу №16 приводились сведения о каждом районе [12, д. 212а, л. 3–4].

В послевоенные годы административно-территориальное устройство округа не претерпело существенных изменений. Важным событием в этом направлении явилось то, что его столица Ханты-Мансийск 27 января 1950 года получила статус города, включив в свой состав село Самарово.

Резюмируя вышеизложенное, стоит отметить, что происходившие административно-территориальные преобразования на территории округа непосредственно влияли на создание и изменение структуры судебной системы округа. При этом данное влияние присутствовало в основном на первоначальном этапе становления судебной системы, когда народные суды в округе образовывались для обслуживания того или иного района. С момента создания округа постоянно присутствовал Окружной суд. После 1937 г. структура судебных органов не меняется, а все последующие административно-территориальные изменения в аспекте изменения областного центра на структуру судебной системы влияния уже не оказывали, меняя лишь областную подчиненность округа. Количество народных судов в рассматриваемом периоде фактически не менялось и составляло 6 единиц.

Список литературы

1. Алапбаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917–1936 гг.: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: НИИ ФСИН РФ, 2005. – 215 с.
2. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: национально-государственное строительство и население. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. – 264 с.
3. Алексеева Л.В. Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 гг.: политическая, экономическая и культурная трансформация: дис. ... д-ра ист. наук. – Екатеринбург, 2004. – 427 с.
4. Алексеева Л.В. Ханты-Мансийский автономный округ в первое десятилетие (декабрь 1930 г. – июнь 1941 г.): монография. – Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2008. – 194 с.
5. Большакова В.М. Принципы организации советской судебной системы (по законодательству 1917–1938 годов) // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2020. – №3. – С. 8–20.
6. В прошедших днях такая точность...: Югорские хроники (1096–2000) / сост. Сургутскова Э.П. – Тюмень: Изд-во Ю. Мандрики, 2001. – 472 с.
7. Голяков И. П. Советский суд. К 30-летию правосудия в СССР. – М., 1947. – 64 с.
8. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1.
9. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5.
10. Государственный архив Тюменской области (далее – ГАТО). Ф. Р721. Оп. 1. Д. 16.
11. ГАТО. Ф. Р721. Оп. 2. Д. 5.
12. ГАТО. Ф. Р814. Оп. 1.
13. Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа (далее – ГАХ-МАО). Ф. Р1. Оп. 1.

14. ГАХМАО. Ф. Р19. Оп. 1. Д. 2.
15. ГАХМАО. Ф. Р428. Оп. 1. Д. 1.
16. ГАХМАО. Ф. Э1. Оп. 11.
17. Журавлев Н.И. Советский народный суд – самый демократичный суд в мире. – Кishинев, 1954. – 21 с.
18. Западная Сибирь: история и современность. Краеведческие записки. Выпуск I (ред. кол. Солодкин Я.Г., Титов Ю.В., Смирнов Н.П.). – Нижневартовск: Нижневартовский гос. пед. институт, 1998. – 188 с.
19. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера (1917–1932 гг.). – Томск: Изд-во Томского университета, 1968. – 334 с.
20. Изменения в административно-территориальном делении Свердловской области 1934–1991 // ГАСО. – Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2008. – 320 с.
21. Кабуркин А.А. Красный террор: идеологическое обоснование, историография и особенности проявления в разрезе территории Сибири / А.А. Кабуркин, И.В. Каллин // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: материалы Междунар. науч. конф. (Чебоксары, 23 апр. 2021 г.) / редкол.: О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ИД «Среда», 2021. – С. 46–51.
22. Козинцев А.Я. Государственная политика в системе органов юстиции СССР в 1933–1956 гг. – Екатеринбург: ФГОУ ВПО «Уральская государственная юридическая академия», 2010. – 576 с.
23. Кожевников М.В. История Советского суда. 1917–1956 годы: монография. – М.: Госториздат, 1957. – 384 с.
24. Косарева О. Искусство быть судьей // Новости Приобья. – 1997. – №238 (1088), 13 декабря. – С. 1–2.
25. Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. – М., 1924. – 406 с.
26. Лазарева В.А. Судебная власть и ее развитие в уголовном процессе: дис. ... д-ра юр. наук. – М., 2000. – 528 с.
27. Лезов И.Л. Советский суд в 1917–1940 гг.: дис. ... канд. юр. наук. – М., 1998. – 161 с.
28. О пятилетней годовщине Остяко-Вогульского национального округа // Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). – 1935. – №106 (513), 5 декабря. – С. 2.
29. О разделении Уральской области // Ханты-Манчи Шоп (Остяко-Вогульская правда). – 1934. – №10 (325), 29 января. – С. 4.
30. Очерки истории Тюменской области / отв. ред. В.М. Кружинов. – Тюмень: Тюмень, 1994. – 272 с.
31. Размадзе М.Н. Советское социалистическое правосудие: дис. ... канд. юр. наук. – Тбилиси, 1950. – 200 с.
32. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 789.
33. Сенчагов В.К. Проблемы модернизации государственно-территориального устройства России. Перспективы социально-экономического развития регионов в условиях их интеграции и создания новых субъектов Российской Федерации // Региональная экономика: теория и практика. – 2004. – №7 (10). – С. 25–95.
34. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.): сб. док. / редкол.: Д.И. Копылов [и др.]. – Тюмень: Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, 1994. – 318 с.
35. Тарасенко Ф.Г. Организация и деятельность советских судебных органов: дис. ... канд. юр. наук. – Киев, 1957. – 190 с.
36. Тюменцы – фронту: сборник. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1975. – 200 с.
37. Шкрывль Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917–1940 гг.): историко-правовое исследование.: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2005. – 205 с.
38. Югра: Ханты-Мансийский автономный округ. 75 ступеней вверх (редактор-составитель Дорохов Ю.А.). – Екатеринбург: Пакрус, 2005. – 325 с.

Князева Наталья Викторовна
аспирант

Научный руководитель

Минева Елена Константиновна
д-р ист. наук, профессор

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУЧНЫХ ШКОЛ В ЧУВАШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (НАЧАЛО 2000-х ГОДОВ)

Аннотация: в статье на основе исследовательской литературы раскрывается деятельность исторических научных школ на территории Чувашии в начале 2000-х годов. Основная деятельность исследователей кол-лективов была сосредоточена в высших учебных заведениях республики: Чувашском государственном университете им. И.Н. Ульянова и Чувашском государственном педагогическом университете им. И.Я. Яковлева. В статье рассмотрен круг научных интересов и подготовка кадров высшей квалификации, осуществляемых докторами исторических наук, профессорами В.Д. Дмитриевым, П.В. Денисовым, Ю.П. Смирновым, Т.С. Сергеевым.

Ключевые слова: научные школы, историческая наука, высшее образование, Чувашская Республика.

Формирование и развитие гуманитарных наук в России начала XXI в. сегодня приобретает особую актуальность. Это связано во многом с быстроменяющимися тенденциями развития новых знаний и технических инноваций в общемировом масштабе, активным использованием методов междисциплинарности, переходом на новые стандарты и созданием современного перечня научных специальностей. Все это, безусловно, оказывает влияние на отдельные отрасли знаний. Несмотря на то, что в начале 2000-х гг. государственный курс был взят на масштабное реформирование технических и естественно-научных исследований, гуманитарные направления по-прежнему остаются в числе незаменимых, без которых невозможно строить социально-экономический фундамент страны.

В данной статье мы попытаемся осветить, каким образом происходило формирование и развитие исторических научных школ в высших учебных заведениях Чувашской Республики в начале 2000-х годов. В целом, историческое образование на территории Чувашии начинает складываться еще с 1930 года. В период с 1930 по 1967 г. формирование профессиональных исторических кадров реализовывал Чувашский государственный педагогический институт. «За эти годы в вузе было подготовлено 1634 учителя истории, которые работали во всех образовательных учреждениях Чувашской автономии» [4, с. 75]. В результате этого удалось организовать подготовку учителей истории высшей квалификации непосредственно в самой республике. Однако с 1967 г. начинается новый этап в развитии высшего исторического образования в Чувашской АССР. Знаковым событием стало открытие Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Начиная с 1990-х гг., в обоих ведущих

учебных заведениях функционировали исторические факультеты, профильные кафедры, велась подготовка дипломированных специалистов.

Безусловно, помимо педагогических коллективов в стенах высшей школы республики создавались и исторические научные школы. В 2000 – 2021 гг. талантливых учеников подготовили доктора исторических наук В.Д. Дмитриев, П.В. Денисов, Ю.П. Смирнов, Т.С. Сергеев, И.И. Бойко, В.Р. Степанов, В.С. Григорьев, В.Ф. Романов, Л.Н. Гончаренко, Г.И. Тафаев, Л.А. Ефимов, Е.К. Минеева, В.В. Андреев, Л.А. Таймасов, Т.Н. Иванова, О.Н. Широков и др. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых научных сообществах, созданных видными учеными. Анализируя работу научных коллективов, за основу в качестве критерия мы взяли выдающихся исследователей, под руководством которых защитили диссертации по историческим наукам 5 или более человек, а также посвятивших научной-педагогической работе более 40 лет, за период которой они подготовили тысячи специалистов-историков. Мы считаем данные условия выделения справедливыми, поскольку научная школа – это, в первую очередь, создание плеяды учеников, единомышленников, научного сообщества.

В начале 2000-х гг. продолжили реализовывать свою исследовательскую работу в Чувашском госуниверситете видные историки советского периода Чувашии, такие известные, как доктора исторических наук, профессора В.Д. Дмитриев и П.В. Денисов.

Научная школа В.Д. Дмитриева сосредоточилась над изучением средневековой истории Поволжья, этногенеза чувашского народа, истории Волжской Болгарии, этнокультурных процессов и особенностей традиционной культуры и быта чувашей, развития источниковедения и архивоведения в республике и т. д. «Ученый создал целую плеяду последователей. Своим учителем его считают не только 10 докторов и 40 кандидатов наук, в подготовке которых он участвовал» [10, с. 149–157]. Непосредственно под руководством В.Д. Дмитриева защитили кандидатские диссертации «И.И. Демидова, А.Н. Павлова, С.А. Селиванова, О.Н. Петрова, А.Н. Евдокимова, Н.Б. Андреева, М.А. Судаков» [8, с. 22]. Среди учеников, защитивших диссертационные работы в последние годы жизни ученого, стали А.А. Чибис на тему «Монастыри правобережья Казанской земли во второй половине XVI – первой половине XVIII веков: функционирование, землевладение и хозяйство» (2011 г.) и А.К. Кузнецов на тему «Государственная архивная служба Чувашской Республики: история реорганизации и функционирования в 1991–2004 годах» (2011 г.). Труды В.Д. Дмитриева стали важной научной опорой для ученых соседних регионов Среднего Поволжья. «Он оказал существенную помощь в становлении известных ученых региона, докторов исторических наук Г.Н. Айплатова и А.Г. Иванова (Республика Марий Эл), М.В. Гришкиной (Удмуртия), Н.В. Заварюхина (Мордовия), И.Г. Акманова (Башкирия)» [1, с. 198].

Профессор П.В. Денисов по праву считается одним из известных ученых Чувашии, родоначальником этнографической науки в республике [7, с. 38–43]. Созданная им научная школа посвятила свои труды изучению этногенеза и религиозных верований чувашского народа, жизни и миссионерской деятельности монаха Иакинфа Бичурина, общине и обычному праву чувашского крестьянства [5, с. 155–122] и др. Под руководством ученого защитили диссертации 19 человек, среди которых в начале 2000-х гг. Н.А. Петров, О.В. Егорова, Ю.В. Гусаров, С.Н. Кодыбайкин, П.П. Фокин, И.Г. Комлев [9, с. 36–37]. Среди последних учеников Петра Вла-

димировича следует назвать Д.В. Егорова, подготовившего кандидатскую диссертацию на тему «Деятельность мирского суда чувашского крестьянства во второй половине XIX – начале XX веков» (2010 г.).

Своими масштабами и разнообразием направлений исторической науки отличается научная школа, созданная доктором исторических наук, профессором Ю.П. Смирновым, который с 2002 по 2008 гг. возглавлял исторический факультет Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Основными научными интересами сформированного Юрием Петровичем коллектива стали: индустриализация автономных республик Поволжья, история Великой Отечественной войны, подготовка кадров для промышленных предприятий страны, квантитативная история, жизнь и деятельность выдающихся уроженцев Чувашии [6, с. 8–13] и др. Под его научным руководством защитили кандидатские диссертации по истории более 20 человек. Он один из немногих ученых-историков, сумевших создать плеяду видных исследователей, докторов наук, среди которых необходимо назвать В.Р. Степанова, Е.К. Минееву, О.Н. Широкова, В.В. Андреева, В.В. Орлова, С.Ю. Михайлову, А.А. Данилова.

Среди корифеев исторической науки республики следует выделить также доктора исторических наук, профессора Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева Т.С. Сергеева. Созданная им научная школа посвятила свои исследования проблемам развития культуры советской Чувашии, формирования национальной интеллигенции, педагогического наследия И.Н. Ульянова, деятельности И.Я. Яковлева по просвещению чувашского народа [3, с. 211–215] и др. Тихон Сергеевич стал научным руководителем 9 кандидатов и 1 доктора исторических наук, в начале 2000-х гг. его ученики создали фундаментальные научные работы по вопросам формирования творческой и технической интеллигенции Чувашии: А.Н. Радиченко «Формирование и развитие технической интеллигенции Чувашской АССР в 1920 – 1991 гг.» (2001), Е.В. Агаева «Процесс формирования творческой интеллигенции Чувашии: проблемы и поиски» (2006) [2, с. 235–240].

Подготовленная плеяда профессиональных историков стала основой научно-педагогических коллективов вузов и исследовательских институтов республики. Продолжая традиции своих учителей, исследователи, появившиеся в рамках исторических научных школ, трудятся не только в родном регионе, но и далеко за пределами Чувашии. Смена поколений – важный и неотъемлемый элемент передачи знаний, традиций. Любой научный коллектив – это, в первую очередь, сочетание мудрости аксакалов, работоспособности ведущих специалистов, приобретения новых знаний начинающих исследователей. Преемственность и традиции – важные компоненты исторических научных школ Чувашии.

Список литературы

1. Бойко И.И. Дмитриев Василий Дмитриевич (К 85-летию со дня рождения) / И.И. Бойко, С.М. Каштанов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2009. – №4. – С. 194–201.
2. Григорьев В.С. Сергеев Тихон Сергеевич (к 75-летию со дня рождения) / В.С. Григорьев // Чувашский гуманитарный вестник. – 2013. – №8. – С. 235–240.
3. Дмитриев В.Д. Сергеев Тихон Сергеевич (к 70-летию со дня рождения) / В.Д. Дмитриев, Е.В. Касимов // Чувашский гуманитарный вестник. – 2008. – №3. – С. 211–215.
4. Ефимов Л.А. Становление и развитие высшего исторического образования в Чувашии в 1930–1967 гг. / Л.А. Ефимов // Преподавание истории в школе и вузе: актуальные проблемы методологии и методики: матер. II Всерос. науч.-пр. конф. – Чебоксары: ЧГПУ, 2019. – С. 75–85.

5. Минеева Е.К. Вопросы национально государственного строительства в трудах историков -педагогов Чувашии / Е.К. Минеева // Преподаватель XXI век. – 2008. – №1. – С. 115–122.
6. Отечественная история XX – XXI веков: социальные, экономические и политические аспекты, вопросы теории. Памяти доктора исторических наук, профессора Юрия Петровича Смирнова. – Чебоксары: Перфектум, 2012. – С. 8–13.
7. Сергеев Т.С. Чувашские учёные – доктора наук / Т.С. Сергеев. –Чебоксары, 2002. – С. 38–43.
8. Смирнов Ю.П. В.Д. Дмитриев: жизнь и деятельность / Ю.П. Смирнов // Служение истории: сб. ст. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С. 11–32.
9. Чувашия глазами этнографа: поиски и находки. Статьи, очерки, рецензии. – Чебоксары: Новое время, 2008. – С. 36–37.
10. Широков О.Н. Историко-филологический факультет Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова: первые годы деятельности исторического отделения / О.Н. Широков, М.А. Широкова // Вестник Чувашского университета. – 2016. – №2. – С. 149–157.

Кондратьев Николай Осипович
краевед

г. Шумерля, Чувашская Республика

БОЛЬШЕСУРСКАЯ КОРАБЕЛЬНАЯ РОЩА КУРМЫШСКОГО УЕЗДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

***Аннотация:** статья посвящена Большесурской корабельной роще Курмышского уезда. Рассматриваются основные этапы становления корабельных лесов, этапы вырубок и восстановительных работ, режим функционирования заповедных рощ, современное состояние Присурских дубрав.*

***Ключевые слова:** Чувашская Республика, дубравы, Большесурская корабельная роща, лаиманная повинность, дуб.*

*Большесурская корабельная роща
в Курмышском уезде Симбирской
губернии может служить образцом
дубовых корабельных рощ,
расположенных по рекам Волге,
Каме и их притокам, как по величине
своей, так и по прекрасному состоянию
лесонасаждений и доброкачественности
произрастающего в них леса [22, с. 1].*

Поволжье издавна славилось своими дубовыми лесами. Наиболее ценными и известными из них являются дубравы Среднего Поволжья – Казанские нагорные дубравы. Много столетий назад все правобережье Волги здесь было занято сплошным дубовым массивом. Интенсивными рубками дремучие дубовые леса постепенно были раздроблены на отдельные рощи и дачи. В 1703 г. они были отнесены к разряду корабельных, подлежащих особой охране и порядку использования. С тех пор до 1860 г. в корабельных рощах Казанских нагорных дубрав рубка дубовых деревьев производилась «на присек» и только для нужд кораблестроения [19, с. 151]. Казанскими они назывались не только потому, что согласно губернской реформе Петра I территориально вошли в состав Казанской губернии, но и потому, что с первых лет XVIII в. и до начала XX вв. находились под ведомством сначала казанского

воеводы Н. Кудрявцева, затем возникшего в 1710 г. в Казани портового управления, преобразованного в 1718 г. в лесную контору, а в 1722 г. – в адмиралтейскую контору [6, с. 240]. После упразднения статуса корабельных лесов в 1860-е годы они переданы Управлению государственными имуществами Казанской губернии [11, с. 440].

Заготовка корабельного леса в Чувашии началась в 1701 году. Для этого из уездов Чувашии были взяты сотни рабочих людей на 8 месяцев для заготовки корабельного, леса по Суре, а также Ветлуге и Кокшаге [6, с. 179–180]. В 1702 году, 27 марта, Петр I именным указом повелел «во всех городах и уездах... осмотреть и описать леса». Указом были определены заповедные корабельные породы: дуб и другие твердолиственные породы, лиственница, а также сосна («в отрубе двенадцати вершков и больше») (53 см). Их запрещалось рубить на расстоянии 50 вёрст от больших сплавных рек и на 30 и 20 вёрст – от впадающих в них годных для сплава средних и малых рек [1]. Первый лесной указ общегосударственного значения от 19 ноября 1703 г. почти полностью повторил предыдущий, ввел строгие карательные меры за нарушения в лесах, а также обязал считать заповедными дубовые массивы: Большесурскую рощу и Ильину гору Курмышского уезда Симбирской губернии и Леонтьев байрак Харьковской губернии [18, с. 6]. Таким образом, наши леса с первых лет XVIII века оказались в заповедной зоне.

Этим и последующими указами леса Чувашии вдоль Волги, Суры, Алатыря, Бездны, Большой и Малой Цивилей, Уты, Кубни и др. оказались в заповедной зоне, где рубка леса разрешалась только для нужд кораблестроения. Наказания, штрафные санкции за нарушение были необычайно суровыми. За срубленный дуб или значительную порубку прочих заповедных деревьев виновного ожидала казнь. Неприкосновенность заповедных деревьев распространялась на все дачи без различия – как казенные, так и частные [23, с. 6–7; 8, с. 36; 18, с. 6].

Особое место среди корабельных дубрав занимала Большесурская корабельная роща Курмышского уезда Симбирской губернии. Она была самой крупной в России: «По пространству своему и по значительному запасу дубового леса, годного на кораблестроение, Больше-Сурская роща занимает первое место в числе лиственных корабельных рощ Империи» [11, с. 439]. Заповедной лес, корабельный лес – так называлась Большесурская корабельная роща в разное историческое время. Было у него и другое название – Алгашиная Большесурская роща, наверное, потому, чтобы не спутать с Большесурской корабельной рощей Алатырского уезда. Большесурская роща входила в состав непрерывного кряжа лесов, тянувшихся по Буинскому, Корсунскому, Ардатовскому и Алатырскому уездам Симбирской губернии и Цивильскому и Ядринскому уездам Казанской губернии. Занимала она чувашскую правобережную часть Курмышского уезда, отстоя от реки Суры в расстоянии от 4 до 15 верст (1 верста = 1,0668 км) и прилегал к степным местностям Курмышского, Ядринского уездов [22, с. 1–2]. В настоящее время эта территория Шумерлинского, а небольшая северная ее часть – Краснотайского районов.

Заготовка, вывозка и отправка леса.

Основной работой, проводимой в корабельных рощах, была заготовка корабельных деревьев. Для этого назначались «комиссионеры и при них мастеровые рабочего экипажа». Поиск годных деревьев дуба производил комиссионер с наложением условного клейма с ведением подробной ведомости приисканных деревьев. Пригодность и качество дубового дерева до

валки предугадывались в основном опытом и интуицией «облащика». Он взбирался на дерево с помощью лестниц или иных приспособлений и простукивал его по высоте. Когда удар молота или обуха топора производил звонкий звук, это дерево предназначалось к валке.

Деревья рубились топорами. Если дерево хороших корней не имело, то его рубили на высоте 45–60 см от земли, если же дерево имело хорошие корни, то оно выкапывалось из земли с корнями, оставлялся один самый лучший корень, а остальные обрубались и дерево валилось.

Первоначально заготовки пытались проводить посредством найма вольнонаемных людей. Однако работы по рубке, валке и вывозке деревьев были сопряжены с большими трудностями, это делало работы малопривлекательными, и добровольцев, естественно, было мало. Поэтому с 1718 г. Петр I превратил эти работы в повинность для коренного населения территорий заготовки. Было повелено в Казанской, Симбирской, Вятской и Нижегородской губерниях для работ по валке и вывозке корабельных деревьев использовать некрещенных мордву, татар, чувашей и черемис без всякой платы. Коренное некрещенное население поволжских губерний, приписанное к работам по заготовке и вывозке корабельного леса, стало называться лашманами.

Согласно утвержденному в 1817 г. «Положению о лашманах», последние обязываются заготавливать деревья столько, сколько потребуетсся по нарядам, проводить рубку, отделку и вывозку деревьев из леса к пристаням. Вывозка заготовленных деревьев или кряжей проводилась конными лашманами по специальным сабанным дорогам, прорубленным в лесу по наикратчайшему расстоянию к месту вывозки. Эти дороги назывались также лашманными.

Первоначально дубовые леса в низовых губерниях были в изобилии и корабельные деревья попадались недалеко друг от друга и от сплавных рек. В дальнейшем места рубок постепенно удалялись от рек, расстояния между крупномерными деревьями постепенно увеличивались, а число их постоянно сокращалось. Поэтому за отыскание большемерных деревьев даже была назначена премия.

Отправка леса с пристаней для доставки в адмиралтейства и порты проводилась только весной, после вскрытия рек, с апреля по май, на судах различного рода и конструкций. Для доставки корабельного леса было создано 8 отделений, из которых два находились на территории современной Чувашии. В Нижнесурском отделении заготавливались дубовые деревья прямые и с корнями для Санкт-Петербургского и частично Архангельского портов. Заготовка проводилась в Алатырском, Буинском и Курмышском уездах Симбирской губернии и в Ядринском, Козьмодемьянском и частично в Цивильском уездах Казанской губернии. Для складирования и отгрузки заготовленного леса имелось 8 пристаней: на реке Суре – Явлейская, Майдановская, Языковская, Курмышская, Ивановская, Красноселищенская и Васильурская, на реке Волге – Ильинская пристань. Большесурской роже заготовленные кряжи вывозились на две пристани: на Языковскую и Курмышскую. На лесных пристанях для хранения и сбережения дубовых кряжей были построены склады, «сии дубовые кряжи, хранясь в сараях... будут постепенно высушаться и сделаются прочнее в потреблении» [21, с. 28–30; 11, с. 440].

В 1997 году в Чувашском книжном издательстве увидела свет работа группы авторов в составе Г.И. Редько, И.Я. Яковлева, А.И. Яковлева и П.Т. Тихонова «Корабельные дубравы Чувашии». Авторы, в частности,

приводят данные о количестве заготовленного в разные годы в Больше-сурской роще корабельного дуба. Здесь надо иметь в виду: заготовка велась не сплошными делянками, а «на прииск», то есть отыскивались и вырубались большие по объему и лучшие по качеству деревья.

В Симбирской губернии в 1799–1809 гг. за 10 лет было заготовлено 17627 дубовых кряжей длиной от 1,5 до 29 м и толщиной в комле от 10 до 112 см. Причем в Алатырском уезде за этот же период было заготовлено уезде 4952 шт., Буинском 7408 шт., а в Курмышском уезде из «Большого казенного Сурского леса при селе Алгаши» 4878 дубовых кряжей.

В 1826–1836 гг. в Большесурской же роще было вырублено 5976 дубовых деревьев, причем нередко срубались деревья толщиной до 111 см в комле и длиной до 12,5–17,0 м [21, с. 25, 32].

В Государственном историческом архиве Чувашской Республики хранится «Дело о заготовке и вывозке лесоматериалов из лесных дач Курмышского уезда для кораблестроения». Из документов следует, что за зимний период 1835–1836 годов было заготовлено и вывезено на поляны всего 519 дубовых кряжей, из них отобрано для отправки в Петербург и вывезено к р. Суре на Языковскую пристань 272 кряжа, 33 из них оставлены на полянах для распиловки, и отправки на следующий год, а из оставшихся фаутных (отбракованных) 214 кряжей отобрано дальнейшей сортировкой дополнительно еще 33 кряжа для Казанского арсенала. Из них 160 деревьев были заготовлены в корабельной роще при селе Ходары, 91 дерево – при селе Алгашах и 21 дерево при деревне «Сюмерля». Выборка для флота из заготовленных кряжей составила 52% [4, с. 1–14].

Итак, за период с 1799 по 1809 и с 1826 по 1836 годы в Большесурской роще в среднем за год было заготовлено от 500 до 600 деревьев дуба. Сведениями об отправке корабельных деревьев за XVIII век мы не располагаем. Найти эти данные в архивах Чебоксар, Казани и Ульяновска нам не удалось. Если допустить, что объемы заготовок были такими же, как и в XIX столетии, то получится, что за 160-летний этап корабельных лесов в роще было заготовлено около 75–95 тысяч отборных дубовых деревьев.

Караваны с судами, отправлявшиеся от низовых пристаней, достигали Петербурга большей частью за два судоходства (навигационных периода). Зимовка была в г. Рыбинске. Существовало несколько водных систем, из них для нас представляет интерес Мариинский канал, ибо именно по его водам (реки Волга, Шексна, Ковжа, Вытегра, Свирь, озер Белое, Онежское, Ладожское) доставлялись суда с грузом в Петербург [12].

Таким образом, сегодня мы с уверенностью можем сказать, что в военно-морских победах России в начале XVIII века и до 60-х годов XIX века есть и доля наших Шумерлинских дубрав.

Состояние рощи.

О состоянии рощи в первой половине XIX века можем судить на основании данных работы Комиссии по выделению и освидетельствованию Корабельных рощ и данных по заготовкам корабельного леса. Начальник Комиссии в 1830–1836 гг. генерал-майор Паренсов отмечает, что количество дубовых лесов в Поволжье значительно уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом, о чем свидетельствуют дубовые пни, находящиеся на пашнях в непосредственной близости от лесов. Дубравы сильно заросены валежником и порубочными остатками. Леса сильно изрежены, в оставшихся лесах в основном находятся приспевающие деревья, годные для флота встречаются редко и среди них много фаутных с внутренними и внешними пороками [20, с. 15, 26].

Комиссия в своих журналах подчеркивала, что самый лучший дубовый лес находился в Курмышском уезде, в котором, несмотря на провозившиеся ранее заготовки корабельного леса, встречались до 5–10 крупнейших дубовых деревьев на десятину, которые могли дать кряжи толщиной более 90 см в комле и длиной бессучковой части до 6,5 м превосходного качества. Нередко срубались деревья толщиной до 115 см в комле и длиной до 12,5–17,0 м. Лучший лес произрастал в северной части около деревень Штанаши, Туваны и Выла, и в средней части у деревень Шумерля, Мыслец [21, с. 25].

В рощах находились и вырубались настоящие гиганты. Характерно описание состояния дубовых лесов Директором Департамента корабельных лесов бароном Ф.П. Врангелем (1840-е годы): «Не более 25 лет назад в Сурских лесах срубали деревья дуба здоровой древесины, из которых выходили обделанные кряжи в 900 и даже 1100 пудов (14,4 куб. м. и 17,6 куб. м.), а ныне весьма редко находятся и в 500 пудов (8 куб. м.).

Сам климат в лесах изменился, от густоты леса и под защитой рослых и ветвистых деревьев холод в лес не проникал, и вода в лесу часто не замерзала, тогда как на опушке свирепствовали морозы, следовательно, и древесина растущих дубов не портилась. Ныне в изреженных лесах большая часть дубов имеет или продольные трещины или красные полосы от сильных морозов. Так сама природа наказывает человека за истребление ее даров [20, с. 17–18].

Несмотря на то, что в Большесурской роще «в прежние время производились повсеместно... значительные заготовки корабельного леса», в 70-х гг. позапрошлого века ученые-лесоводы отмечали «превосходное качество тех, хотя довольно редко встречающихся, корабельных деревьев, которые сохранились в целости по настоящее время. В особенности отличается прекрасным качеством дубовый лес в северной части рощи. Преимущественно в этой части были заготовлены корабельные кряжи, назначенные на Московскую политехническую выставку (1872 г. – Н.К.). Всего было срублено 53 дерева, из которых оказалось годных 19 и с фаутами 34. Весьма жаль, что этот лес не попал на выставку! Прекрасные качества его, желтизна и крепость древесины могли бы служить доказательством, что дубовый лес северо-восточной России с успехом может соперничать с дубом не только западной России, но и вообще Европы. Если же кто-нибудь из германских лесничих посетил бы выставку, то, осмотрев дубовые кряжи из Большесурской рощи и из Казанской губернии, он должен был бы сознаться, что изречения Пфейля: «Германия – родина дуба» требует в редакции своей некоторого изменения [22, с. 3–4].

Отметим, однако, что одному из дубов-великанов наших лесов все-таки суждено было побывать на выставке, причем даже не только Российского масштаба, а международного. «Лесной журнал» за 1900 год сообщал, что в том году на всемирной выставке в Париже демонстрировался дубовый кряж из России, выпиленный из 485-летнего дуба высотой 31 м и диаметром 169 см. Этот дуб был срублен в Большесурской лесной даче Курмышского лесничества Симбирской губернии [2, с. 9]. Ныне эта территория Саланчикского участка лесничества КУ «Шумерлинское лесничество».

Лесохозяйственные работы в даче.

Зарождение лесокультурного дела в России, появление первых лесных законов, предпринимающих заниматься искусственным восстановлением и разведением дубовых лесов, связаны с корабельными лесами поволжских губерний. Первый опыт разведения дубовых рощ был сделан в Чувашии.

В 1731 году императрица Анна Иоанновна подписала указ «О сборе денег для содержания Адмиралтейства и флота, размножения дубовых лесов в Казанской губернии и пр.» [17], где предписывалось «для размножения в Казанской губернии дубовых лесов на порожних чувашских и черемисских землях, на которых жиле и пасек не имеется, сеять дубовыми желудями и для осмотра тех мест послать казанскому генерал-губернатору из казенной лесной конторы нарочных, и сколько таких свободных земель найдется, тому учинить описи и послать в Сенат». В этом же году под руководством форстмейстера Ягана Фалентина проведен посев 3 четвертей желудей вблизи новокрещенской чувашской деревни Собачкиной Свияжской провинции Кокшайского уезда (нынешняя территория Мариинско-Посадского района), из которых взойшли 3500 дубков. В последующие годы эта работа также проводилась в небольших объемах. Так, в 1735 году пересадку молодых дубков и посев желудей проводили под руководством М. Зеллера в Чебоксарском и других уездах.

В дальнейшем попытки искусственного разведения дубовых лесов проводились постоянно [6, с. 241; 21, с. 36–37, 23, с. 10–11]. Попытки создания лесных культур в Большесурской роще имеют более чем двухвековую историю. С начала 1800-х годов предпринимались опытные посевы дубовых желудей и семян лиственницы и кедра. В октябре 1803 г. были засеяны желудями две поляны Кшуя и Пидилево, площадью 2,1 и 1,6 га. При обследовании в 1830 г. состояние дубков было найдено очень редким: и такого качества, которое не могло быть благонадежным на будущее кораблестроение. Высота дубков не превышала 2,1 м, стволы были изогнутыми, с наростами и большой сучковатостью [21, с. 39].

В 1830–1833 годах в Курмышском уезде были сделаны первые попытки разведения лиственницы и кедра. Около с. Алгаши были посеяны семена кедра и лиственницы. Из донесения Алатырского отделения от 25 июня 1836 года, направленного Симбирской удельной конторе, видно, что «осмотром места посевов семян кедра и лиственницы обнаружено всего 13 деревьев лиственницы вышиною от земли один вершок, ... на произрастание надежды не имеется, ... содействия всходам никакого не было». Таковы были результаты первых опытов по интродукции лиственницы и кедра [23, с. 11].

Но попытки выращивания древесных пород продолжались. Несмотря на отрицательный результат площадь искусственно созданных до 1836 года дубовых насаждений в Курмышском уезде составил 96,1 га, тогда как в Буинском уезде – 24,0 га, в Алатырском – всего лишь 3,3 га. В Казанской губернии произведено было лесных культур в эти годы на площади 84,0 га., что даже меньше, чем в Курмышском уезде Симбирской губернии [21, с. 41].

Лесной ревизор лесного отделения Управления государственными имуществами Казанской губернии ученый-лесовод Г. Тидеман в 1874 году отмечал, что посеянные в роще желудями в начале XIX столетия культуры имеются на незначительных пространствах. Причем дуб принялся очень хорошо, и эти культурные места представляют почти чистое, сомкнутое дубовое насаждение. Вместе с тем он отмечал, что «естественное облесение лесосек дубом оказывается, однако довольно плохим». Зато весьма успешно идет естественное возобновление вырубленных сплошных лесосек мягкими породами, а также кленом, ильмом, вязом и отчасти ясенем [22, с. 6–7].

Кроме охраны и рубок на прииск лучших деревьев, в корабельных рощах издавна проводили и специальные мероприятия по выращиванию высококачественных стволов дуба – обрезку сучьев и вырубку вrostепенных пород, мешавших его росту. «Подчистки» дубов в Казанских дубравах производились уже с 30-х годов XVIII в. Приглашенные из Германии форстмейстеры с учениками обрубали сучья в самых лучших дикорастущих корабельных рощах. При этом между деревьями дуба полностью ликвидировали кустарник и поросль других древесных пород. В результате деревья дуба остались без защиты от ветров и морозов, получили трещины и вредные наросты, приведшие их в негодность для кораблестроения, а многие вообще погибли. Таким образом были обработаны корабельные леса вдоль Волги между Нижним Новгородом и Казанью на расстоянии 80 км.

К 1829 г. в Поволжье только неподчищенные леса изобиловали годными для кораблестроения деревьями. Меньше повреждались дубы, если при спиливании сучьев раны замазывали специальным варом [19, с. 152].

Первоначальные сведения о роще.

Первоначальная площадь Большесурского леса неизвестна. В то время, впрочем, как и до конца XVIII века, размеры лесов указывались в верстах «вдоль» и «поперек». Кстати, Большесурская роща изображена на первой лесной карте России «Леса в Курмышском, в Ядринском, в Кузьмодемьянском, в Цывильском, в Саранском уездах по реке Суре и по реке Свияге, по обе стороны тех рек и по иным рекам и малым речкам, которые леса досматриваны в прошлом 1700 году». Зеленые значки деревьев на этой карте имеют разный размер, особенно велики они в междуречье Волги и Свияги [10, с. 115–120].

Первые более или менее достоверные сведения о лесах появляются только в материалах Генерального межевания земель. В Симбирской губернии оно было начато в 1797 году, землемерные работы проведены в конце XVIII и в первые годы XIX вв [7, с. 64]. В описаниях находим интересные сведения о лесах, о породах деревьев, высоте и толщине деревьев строевого леса, о пригодности лесов к корабельному строению и поташному делу [7, с. 75].

Интересующая нас лесная дача числится под №62. Называется она «Казенной Большой Сурской черной лес», и здесь мы впервые встречаем площадь этой дачи – 55856 дес. (1 дес. = 1,0925 га), в том числе «лесу строевого и дрovenаго по суходолу, между коим изретка годной к корабельному строению» – 50441,2 дес. Леса дачи охарактеризованы так: «Лес растет строевой: дубовой, сосновой, березовой, асиновой, еловой, липовой и кленовой вышиною от 5 до 10 сажен, во отрубе от 10 до 14 вершков, между которого дубовой, годной к карабельному строению; дровяной: ареховой, ивовой, черемуховой, вязовой, таловой, рябиновой, калиновой, вербовой, асиновой, кленовой, ясеновой и протчих родов мелкой, которой для жжения поташа не способен». В среднем деревья были в высоту от 10 до 20 метров, а их диаметр – от 44 до 62 см [13; 7, с. 75]. Как видно, в то время характеристика лесных угодий была весьма примитивной.

По результатам межевания в 1798 году был составлен геометрический план Казенного Сурского черного въезжего леса Курмышского уезда [3].

Подробная съемка и таксация рощи произведена была в первый раз в 1851 и 1852 годах. Тогда же она была разбита на 4-верстные кварталы. Работы производились по распоряжению Правления Низового Округа. В 1885 году из бывших раньше 159 четырехверстных кварталов было образовано 615 одноверстных [25, с. 136–137].

Лесоустройство рощи.

Первое лесоустройство Большесурской рощи началось в 1858 году, в котором была устроена юго-восточная часть рощи. Вся роща была устроена по инструкции для устройства корабельных рощ в 1861 году. В материалах лесоустройства изложены достоверные и более исчерпывающие данные о роще. Разыскать их в наших архивах не удалось. Обобщенные данные этого лесоустройства изложены в статье ученого-лесовода Г. Тидемана «Большесурская роща, как образец наших дубовых лесов на востоке» в «Лесном журнале» за 1874 год. Впервые в истории лесного хозяйства лесная площадь была определена не только по общей площади, но и «по господствующим породам».

Оказалось, что дубравы в роще занимают 82% территории [22, с. 2, 4–5]. О возрасте дубрав мы знаем из анализа ревизии первого лесоустройства, произведенного в 1885 году, и сравнивая ее с данными первого лесоустройства. Дуб, являясь господствующей породой рощи, занимает вместе со спутниками: липой, кленом, ильмом и вязом, а отчасти ясенем и сопутствующими породами: березой и осиной 46320 дес. или 82% лесной площади. Затем следуют хвойные насаждения, покрывающие около 6330 дес. – 11%, наименьшую площадь имеют лиственные породы – липа, береза, осина (распределенных почти по равной части) – около 3900 дес. или 7% насаждений. Причем последние представляют производные насаждения, которые заменили коренные дубовые насаждения в местах их интенсивных рубок.

Таким образом, до начала эксплуатации рощи в целях кораблестроения в начале XVIII века коренные леса на 89% лесной площади были представлены преимущественно широколиственными дубовыми насаждениями с их спутниками и сопутствующими породами, 11% хвойными с еловыми и сосновыми и насаждениями с небольшой примесью осины и березы, причем среди хвойных явно преобладала ель [25, с. 136–138, 140, 144–145; 22, с. 2, 4–5; 11, с. 439, 441]. В то же время здесь накопилось огромное количество сухостойного дуба – около 160 тыс. шт [25, с. 154], т.е. около одного млн. куб. м.

Насаждения с господством дуба встречаются по всей даче, занимая в основном значительные сплошные площади и только изредка попадаясь небольшими куртинами среди насаждений других пород. Совершенно чистых дубовых насаждений в роще нет, но нет и насаждений, в которые бы он не входил более или менее значительной примесью или не встречался бы единично [25, с. 142].

Надо отметить, что хорошие лесорастительные условия Казанских нагорных дубрав обусловили отличное качество древесины и высокую продуктивность. Дубравы были представлены трехъярусными насаждениями с дубом в первом ярусе, с липой, кленом, ильмом и средневозрастным дубом во втором ярусе, лещиной и другими кустарниками в третьем ярусе [19, с. 151].

Хочется обратить внимание еще на один факт из истории Курмышского уезда. Нужды кораблестроения побудили правительство Петра I построить лесопильные заводы («пильные мельницы», «пиловальные заводы»). В 1698 г. близ Курмыша в селе Можарове на реке Пьяне было начато строительство первой «пильной мельницы», а в 1700 г. – второй. В строительстве заводов участвовали крестьяне Чувашии, выделяя с 5 дворов одного пешего, с 50 дворов – одного конного работника. В 1700 году были привезены из-за границы две пильные снасти и 25 больших пил. В 1701 году вступил в строй первый лесопильный завод, в следующем

году – второй. Заводы изготовляли дубовые доски «к слюзному и шамаковому делу». Лесоматериалы заготавливали в дубравах Чувашии, заводы обслуживали специально переселенные к ним русские ясачные (государственные) крестьяне – приписные к корабельным лесам [6, с. 240]. Так образовалось село Пильна одноименного района Нижегородской области.

Особый статус корабельной рощи, их строгая охрана, запрещение самовольных порубок и сведения лесов под другие пользования позволили сохранить крупный ненарушенный естественный дубовый массив Большесурской рощи до наших дней.

В сентябре 1863 г. Большесурская роща была передана в ведение Казанской Палаты Государственных имуществ, тем самым была приравнена с остальными казенными (государственными) лесами [5, с. 64], а в 1865 году на этой территории было создано одно из первых в Симбирской губернии Сурское лесничество [22, с. 3].

Лесное хозяйство в бывшей Большесурской роще в лесничествах (с начала 1860-х гг. по настоящее время).

За предыдущий период в Большесурской роще велись выборочные «приисковые» рубки, которые ближе к природе дубового леса, напоминающие естественное отмирание деревьев в девственном лесу, поэтому такие рубки, несмотря на ее недостатки, не столь резко влияли на жизнь дубрав, и они не очень сильно страдали от топора человека. В этот период дубравы прекрасно развивались из подроста и самовосстанавливались. Заповедность рощи только увеличила ее сохранность [24, с. 46–53].

С начала 60-х годов XIX столетия начинается принципиально новый период эксплуатации лесов. С 1866 года в роще вводятся, согласно плану хозяйства, сплошнолесосечные рубки [22, с. 5–6]. В дубравах начинается массовая смена коренных лесообразующих пород на производные, менее ценные мелколиственные липовые, березовые и осиновые насаждения. Впоследствии липа сама сменяется на березу и осину.

Интенсивность смены дуба лиственными по отдельным периодам видно по данным лесоустройства последующих лет. В 1885 году была проведена ревизия хозяйства дачи, причем оказалось под дубовыми насаждениями всего лишь 33325 дес. т. е. около 70% к 1861 году. За 20 лет снижение составило 12995 дес. Остальная площадь сменилась лиственными породами [25, с. 1–232]. Не рассматривая лесоустройства лесничеств 1897, 1908 и 1912 гг. остановимся на обследовании лесов 1921–1922 гг. Оказалось, что к моменту образования Чувашской Автономии на территории в современного Шумерлинского района в Шумерлинском, Тархановском, Сурском, Алгашинском и Кумашкинском лесничествах, из лесной площади 73301 дес., дубравы занимали лишь 24328 дес. или 30% (в т.ч. спелые 17602 дес.) [9, с. 46–48]. Таким образом, доля дубрав за 60 лет уменьшилась с 82% до 33%, то есть в 2,5 раза. Отметим, что территории этих лесничеств не совсем совпадали с территорией Большесурской рощи, хотя все они в основном состояли из этой рощи, поэтому выраженная в процентах доля дубрав, если и не совсем точно, то достоверно отражает истинную картину уменьшения дубрав.

Главной причиной смены дубовых насаждений лиственными являлась, преимущественно, сплошная рубка и отсутствие тщательного ухода за молодняками на вырубках [9, с. 35].

Сплошные рубки противоречат природе самого леса, сплошное опустошение лесного пространства в естественных условиях происходит крайне редко, в результате стихийного бедствия: пожара или урагана, что в условиях

дубрав очень сомнительно. Появляющийся после рубки самосев дуба попадает в непривычную для них в обычной жизни условия, для них резко меняется микроклимат, они подвергается стрессу. Приемы лесоводственных уходов за молодняком лесоводам в то время еще были известны мало, и естественно, такие уходы не производились, в следствие чего дубовые всходы заглушались их сверстниками – листовными быстрорастущими породами. Осветления и прочистки начали проводиться лишь в конце XIX – начале XX вв. передовыми лесничими и то в небольших объемах, по собственной инициативе. Планирование лесоводственных уходов за молодняками началось только ревизиями лесоустройств 1912 года [15].

В советский период эксплуатация леса велась более интенсивными темпами, особенно в период индустриализации страны в годы первых пятилеток. По дубовому и хвойному хозяйствам в то время вырубалось ежегодно по несколько расчетных лесосек. Этого требовали спрос на древесину в масштабе страны и удовлетворение потребностей в дубовой древесине первенцев первой пятилетки дубильно-экстрактивного завода «Большевик» (бывший химический завод) и деревообрабатывающего комбината (комбината автофургонов). В последующие годы, хотя переруб и сократился, но продолжился до второй половины 1970-х гг [23, с. 69–70, 94–95, 114]. В результате, к середине 60-х годов прошлого века площади дубрав сократились в несколько раз. Началась деградация дубрав.

По данным последнего лесоустройства Шумерлинского лесхоза 1993–1995 гг. дубравы представлены небольшими участками среди мелколиственных насаждений. Насаждения дуба составляют 14,2 тыс. га. или 23% покрытой лесом площади. Но в большей степени удручает возрастная структура дубрав. Площади молодняков составляют 7,1 тыс. га (50%), средневозрастных – 5,7 тыс. га (40%) приспевающих, спелых и перестойных насаждений – 1,4 тыс. га (10%). С 1881 года доля последних в покрытой лесом площади сократилась в 36 раз. Из общего количества естественные насаждения составляют чуть меньше половины, остальная половина – это искусственные, преимущественно менее устойчивые ко всяким невзгодам одноярусные чистые культуры. Дубравы представлены небольшими, маленькими участками среди листовных насаждений [16].

Специальное обследование, проведенное в 1997 году Брянской лесопатологической партией, выявило, что 70% дубрав, включая молодняки, деградированы. В результате сокращения лесных площадей и дробления некогда сплошного массива дубравы приобрели другое качество, которое выразилось в неспособности противостоять действию неблагоприятных факторов: критические температуры (засухи и морозы минус 40–45 градусов и ниже), листогрызущие и стволовые вредители, грибные болезни и другие факторы. Это стало следствием грубого вмешательства человека в природу [14].

В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Благодаря Указам Петра I леса Шумерлинского района сохранены как природная формация.

2. Сначала XVIII в. Большесурская роща стала объектом лесопоставок. За 160-летний этап корабельных лесов в роще ежегодно заготавливалось 500–600 крупномерных отборных дубовых деревьев, т.е. 75–95 тысяч штук.

3. В роще были сделаны первые попытки ведения лесохозяйственных мероприятий, ухода за насаждениями, восстановления и разведения дубовых лесов.

4. Большесурская роща являлась самой крупной корабельной рощей и служила образцом дубовых корабельных рощ России.

5. Установление особого режима хозяйствования: ведение только приростовых рубок самых лучших и качественных деревьев для нужд флота, запрещение всех других видов пользования, привело к уменьшению доли лучших деревьев в насаждениях. Худшие деревья, наоборот, оставались и активно участвовали в возобновлении и смене поколений. В дубраве происходила интенсивная «негативная селекция».

6. Проводившиеся в течение XVIII века лесохозяйственные работы – «подчистки дубов», привели к ухудшению их качества.

7. С началом сплошнолесосечных рубок, не соответствующих естественной природе леса, в коренных дубравах началась смена пород на производные, менее ценные мелколиственные, что стало новым и главным явлением в жизни дубрав. Следствием этого стало резкое снижение площади дубрав, что привело в конечном итоге к их деградации.

Список литературы

1. 310 лет лесному хозяйству России. URL: <http://museum.forest.ru/310.html>
2. Глебов В.П. Дубравы Чувашии / В.П. Глебов [и др.]. – Чебоксары, 1998. – С. 9.
3. Графические документы... Курмышский уезд // Государственный архив Ульяновской области. Оп. 5. Ф. 928.
4. Дело о заготовке и вывозке лесоматериалов из лесных дач Курмышского уезда для кораблестроения. 1835–1836 // Государственный исторический архив Чувашской Республики (далее ГИА ЧР). Ф. 193. Оп. 3. Д. 4. Л. 1–14.
5. Дело о передаче корабельных рощ Симбирской губернии из ведения удела в ведомство государственных имуществ. 1862–1865 гг. // ГИА ЧР. Ф. 193. Оп. 3. Д. 32. Л. 64.
6. Дмитриев В.Д. История Чувашии XVIII века / В.Д. Дмитриев. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1959. – С. 240.
7. Дмитриев В.Д. Чувашия в конце XVIII – начале XIX веков по материалам генерального межевания / В.Д. Дмитриев // Исторический сборник. Ученые записки. – Вып. 31. – Чебоксары, 1966. – С. 75.
8. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX веков / Э.Г. Истомина // Отечественная история. – 1995. – №4. – С. 36.
9. Кедров Н.И. Очерк лесов Казанского края: [К карте лесов Чувашск. и Марийск. обл. и Тат. республики по обследованию, произведенному XI лесоустроительным окр. в 1921–1922 гг.] / Н.И. Кедров. – Казань: Средне-Волжск. областоп., 1923. – С. 46–48.
10. Кусов В.С. Чертеж досматривания лесов 1700 года / В.С. Кусов // Известия вузов. Геодезия и картография. – 1976. – №1. – С. 115–120.
11. Липинский. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Симбирская губерния. – СПб., 1868. – Часть 1. – С. 439, 441.
12. Мансурова Ю. Направления деятельности Казанского адмиралтейства XVIII – начала XIX века / Ю. Мансурова // Гасырлар авазы – Эхо веков. Научно-документальный журнал. – 2007. – №2.
13. Описание дач генерального межевания. Курмышский уезд. Выявлены В.Д. Дмитриевым // НА ЧГИГН. Отд. II. Ед. хр. 765. Инв. №2392.
14. Отчет по лесопатологическому обследованию части лесов Красночетайского, Маринско-Посадского, Опытного, Шумерлинского, Ядринского и Янтиковского лесхозов Комитета по лесному хозяйству Чувашской Республики. – Брянск, 1997–1998 гг.
15. Отчеты лесоустройств Кумашкинского, Шумерлинского, Тархановского лесничеств // ГИА ЧР. Ф. 206. Оп. 53. Д. 85, 88, 91.
16. Проект организации и развития лесного хозяйства Шумерлинского лесхоза комитета по лесному хозяйству Чувашской республики. Пенза, 1993–1995. Т. I. С. 120–126.
17. ПСЗ. Т. 8. №5831.

18. Редько Г.И. Исторический очерк искусственного лесовозобновления и лесоразведения в СССР / Г.И. Редько, И.В. Трещевский // Рукотворные леса. – М., 1986 г. – С. 6.
19. Редько Г.И. Лесные культуры дуба в Казанских нагорных дубравах / Г.И. Редько, И.В. Трещевский // Рукотворные леса. – М., 1986. – С. 151.
20. Редько Г.И. Корабельные дубравы Среднего Поволжья. Библиотечка работника лесного хозяйства / Г.И. Редько, И.А. Яковлев, А.С. Яковлев. – М., 1996. – Вып. 1. – С. 17–18.
21. Редько Г.И. Корабельные дубравы Чувашии / Г.И. Редько, И.А. Яковлев, А.С. Яковлев, П.Т. Тихонов. – Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1997. – С. 28–30.
22. Тидеман Г. Большесурская роща, как образец наших дубовых лесов на востоке / Г. Тидеман // Лесной журнал. – СПб., 1874. – Вып. 1. – С. 1–2.
23. Тихонов П.Т. Лесное хозяйство Чувашии в XX веке. Исторический опыт и уроки развития / П.Т. Тихонов. – Чебоксары, 2001. – С. 6.
24. Хитрово А.А. К вопросу о судьбе дубрав Средней России / А.А. Хитрово // Лесной журнал. – 1908. – Вып. 1. – С. 46–53.
25. Часть таксационного отчета по ревизии хозяйства Больше-Сурской дачи. 1885 г. // Государственный архив Ульяновской области. Ф. 33. Оп. 2. Д. 1. Л. 1–232.

Мясникова Алла Борисовна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ МИНОРИТАРНЫХ ЯЗЫКОВ И УЧЕБНАЯ МЕТОДИКА «ЯЗЫКОВОЕ ГНЕЗДО» НА ПРИМЕРЕ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ МИРА И РОССИИ

***Аннотация:** языковое разнообразие – это достояние человечества, однако малочисленные языки мира стремительно исчезают. Международные организации, власти на местах и просто активные люди проводят различные мероприятия с целью сохранения и популяризации языков. В статье рассматривается опыт использования учебной методики «языковое гнездо» в финно-угорских странах и регионах России.*

***Ключевые слова:** финно-угорские народы, миноритарные языки, языковое гнездо.*

Язык является средством общения человечества, с его помощью определяется наша идентичность, через него мы транслируем свою историю и культуру, учимся, участвуем во всех аспектах жизни общества. Благодаря языку люди сохраняют свою самобытность, историю, культуру, выражают себя.

В мире насчитывается около 7000 языков, большая часть из них – языки, на которых говорят коренные народы, представляющие большую часть культурного разнообразия мира. К сожалению, многие из этих языков исчезают с угрожающей скоростью, поскольку говорящие на них общины сталкиваются с ассимиляцией, насильственным переселением, отсутствием образования, нищетой, неграмотностью, вынужденной миграцией и другими формами дискриминации и нарушений прав человека. Учитывая уникальность системы знаний и культуры, разработанной и накопленной этими местными языками на протяжении тысячелетий, их

исчезновение было бы равносильно потере своего рода культурного сокровища. Это лишило бы нас того разнообразия, которое они вносят в мир, их вклада в копилку мировой культуры.

По словам Д. Харрисона, автора книги «Когда умирают языки», «скорость вымирания языков в настоящее время беспрецедентна. Языки исчезают быстрее, чем виды животных и растений: под угрозой находится более 40% языков, 8% видов растений и 18% млекопитающих [1].

В соответствии с Декларацией Организации Объединенных Наций о правах коренных народов, Повесткой дня для устойчивого развития на 2030 год и другими международными и национальными законами мировая общественность пытается расширить международное сотрудничество между различными заинтересованными сторонами на основе скоординированных информационно-пропагандистских и информационно-просветительских программ, направленных на защиту и укрепление прав человека носителей языков коренных народов.

Так с целью содействия языковому и культурному разнообразию и многоязычию 21 февраля ежегодно отмечается Международный день родного языка (*International Mother Language Day*), провозглашенный Генеральной конференцией ЮНЕСКО 17 ноября 1999 года. В свою очередь, Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции объявила 2008 год Международным годом языков (*International Year of Languages*), а 2019 год был объявлен ООН Международным годом языков коренных народов (*International Year of Indigenous Languages*), чтобы призвать к срочным действиям по их сохранению, возрождению и популяризации. Основной задачей мероприятий, проводимых в 2019 году, ставилось повышение осведомленности общественности о состоянии автохтонных языков, находящихся под угрозой вымирания во всём мире, а также установление связи между языком, развитием общества, мирным существованием и урегулирование конфликтов. На протяжении всего года было реализовано более 800 инициатив [3].

В декабре 2019 года Генеральная Ассамблея ООН объявила период 2022–2032 Международным десятилетием языков коренных народов и вновь пригласила ЮНЕСКО выполнить роль ведущего учреждения.

Самобытность и жизнеспособность самых малых языков и народов – включая финно-угорские языки и народы – можно укрепить путем активизации общеевропейского сотрудничества [8].

Одной из возможностей ревитализации малых языков является учебная методика «языковое гнездо», предполагающая полное погружение детей в миноритарный язык. Ее разработали в Новой Зеландии для возрождения языка аборигенов-маори. Позже ее применяли и в других регионах мира, в том числе в Финляндии для обучения детей инари и колтта саамскому языкам. В 1997 году, когда почти не осталось носителей наречия Инари моложе 40 лет, было создано «языковое гнездо», благодаря которому инари-саамский язык освоило более 50 детей, а вместе с ними и многие родители. Язык стал шире использоваться в обществе. Начиная с 2000 года, дети, перешедшие из «языкового гнезда» в школу, до шестого класса по большинству предметов обучаются на саамском наречии Инари. В улучшении положения языка этой малочисленной коренной народности «языковое гнездо» сыграло заметную роль [2]. Значимость деятельности данного проекта в муниципалитете Инари была подчеркнута в приветственной речи Президента Финляндии Тарьи Халонен на V Всемирном конгрессе финно-угорских

народов: «Мы прикладываем особые усилия к оживлению инарского варианта саамского языка, который уже находится под угрозой исчезновения. При этом международное сотрудничество служит нам большой поддержкой, ведь метод «языкового гнезда», о котором так много говорится, оказался для нас полезным инструментом [9].

Одно из определений этой методики было сформулировано в 2009 году на семинаре по языковому погружению в Карелии: «языковое гнездо» – это детский сад или группа детского сада, функционирующая на территории бытования языка национального меньшинства, где воспитатели изначально общаются с детьми исключительно только на языке национального меньшинства. Такое «языковое гнездо» предназначено для детей, вне зависимости от их происхождения, культурной или языковой принадлежности, чьи родители желали бы, чтобы их дети овладели языком национального меньшинства. Если не имеется возможности принять в группу детей всех желающих, то приоритет отдается тем семьям, в которых родители или бабушки и дедушки могли бы поддержать процесс освоения и развития у их детей языка национального меньшинства. Целью «языкового гнезда», таким образом, является формирование синхронного билингвизма у детей. В этой связи основной рекомендацией является по возможности максимально раннее включение в процесс освоения языка меньшинства. Задача, стоящая перед обществом, заключается в возрождении языка национального меньшинства в условиях, когда язык уже не передается естественным образом от родителей к детям. Иными словами, в «языковом гнезде» язык национального меньшинства является одновременно и целью, и средством. Первоочередными принципами работы является малая наполняемость групп и то, что воспитатель (воспитатели в разных сменах, персонал) в течение всего дня пребывания ребенка в дошкольном учреждении обращаются к детям только лишь на одном языке. Одновременно должна вестись работа по поддержанию родителей в их желании использовать язык национального меньшинства в домашних условиях. Сообщество должно также стремиться создать для детей языковую атмосферу вне детских дошкольных учреждений» [7].

Единственное в мире карельское языковое гнездо «Нялукат» успешно работает с 2017 года в карельском селе Ведлозеро, где его создали местные активисты на базе Дома карельского языка для передачи родной речи подрастающему поколению [4]. В «языковом гнезде» с детьми говорят только на карельском языке, что помогает детям осваивать карельский язык как родной.

Были и другие попытки внедрения «языковых гнезд» в детские сады в разных финно-угорских регионах России, но не все они смогли реализовать свои первоначальные планы. С 2000 по 2006 год в Карелии в поселке Калевала работали две карелоязычные группы. В 2009 году в Петрозаводске были открыты две группы, приближенные к «языковым гнездам», где общение с детьми велось часть времени на ливвиковском диалекте карельского языка и на финском языке. С начала сентября 2011 года в Сыктывкаре в одном из детских садов группа в составе 20 детей осваивает коми язык по данной методике. В связи с этим в рамках международного финно-угорского проекта «Языковое гнездо» Общество «Финляндия – Россия» провело Межрегиональный информационно-обучающий семинар «Пути реализации учебной методики «языковое гнездо» в Петрозаводске (Карелия, 2010 г.), Йошкар-Оле (Марий-Эл, 2010 г.), Сыктывкаре (Коми, 2011 г.), Ижевске (Удмуртия, 2011 г.). В сентябре 2011 г. на

международном семинаре «Сохранение и развитие языкового разнообразия – необходимое условие процветания культуры Таймырских этносов» поднимался вопрос об использовании «языковых гнезд» в целях сохранения самодийских языков. По мнению А. Пассанен, для успешного сохранения и возрождения языков национальных меньшинств недостаточно применения методики «языкового гнезда» в дошкольных учреждениях – ее следует применять и в школах. Использование этой методики требует наличия квалифицированных педагогов, методистов, учебной литературы, акцента на разговорную направленность обучения языку [6].

В Сыктывкаре 15–17 декабря 2015 года прошёл международный семинар «Финно-угорские языки и культуры в дошкольном образовании». В нем приняли участие региональные координаторы, заведующие, старшие воспитатели и воспитатели детских образовательных учреждений, работающие в языковых группах, методисты управлений образования и Институтов развития образования, преподаватели ВУЗов, общественные деятели из Карелии, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл, Коми, Коми-Пермяцкого и Ханты-Мансийского округов, Москвы и Финляндии. Основными темами обсуждения стали: преемственность в освоении финно-угорских языков и способах передачи языка в детской и молодежной аудитории; деятельность детских садов в работе с семьями по активизации использования национального языка в общении, по повышению престижа родных языков в обществе; обсуждение программ по обучению родным языкам в финно-угорских регионах согласно федеральному государственному образовательному стандарту дошкольного образования и др. [5].

Таким образом, методика «языковых гнезд» – это действенный способ «омоложения» и сохранения малых языков и народов, говорящих на них. Опыт зарубежных стран доказывает необходимость более широкого использования «языковых гнезд» в России. В некоторых случаях данная методика представляется единственной возможностью ревитализации миноритарных языков. К сожалению, данная методика не прижилась в субъектах Российской Федерации. Наиболее удачным является опыт единственного пока карельского языкового гнезда «Няпукат».

Список литературы

1. Вымирающие языки // «The Independent», Великобритания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/236705.html>
2. Еджыдрочева С. Птенцы гнезда языкового... // Финноугория. Этнический комфорт. – 2008. – №3. – С. 7.
3. Краткое описание оценки упор на коренные народы // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000376830_rus
4. Маленькие жители Ведлозера изучают карельский язык в языковом гнезде // ГТРК Карелия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tv-karelia.ru/malenkie-zhitelivvedlozera-izuchayut-karelskiy-yazyik-v-yazyikovom-gnezde/>
5. О международном семинаре «Финно-угорские языки и культуры в дошкольном образовании» // ГОУДПО «Коми республиканский институт развития образования» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kriro.ru/news/detail.php?ELEMENT_ID=1886
6. Самодийские языки Таймыра хотят спасти в «языковом гнезде» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://finugor.ru/en/node/21293>
7. Määritelmä: mikä on kielipesä. Определение: что такое «языковое гнездо» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nuorigakarjala.onego.ru/files/pesa.pdf>
8. IV Всемирный конгресс финно-угорских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fennougria.ee/index.php?id=16822>
9. V Всемирный конгресс финно-угорских народов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.fennougria.ee/index.php?id=14387>

Таймасов Леонид Александрович

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА В СРЕДНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVIII ВЕКЕ

***Аннотация:** в статье на основе анализа государственно-правовых актов и специальной литературы рассмотрены особенности религиозной политики царизма по отношению «казанских иноверцев» в XVIII в. Проблема русско-православной унификации мозаичного в этноконфессиональном плане населения Российской империи являлась приоритетной. Правительства российских монархов применяли различные меры по обращению иноверного населения в православие и утверждению в них русско-православной духовности. Исследование основывается прежде всего на историко-хронологическом, историко-сравнительном методах, а также институциональном подходе. Материал статьи позволит расширить и дополнить историографию истории христианизации народов Среднего Поволжья.*

***Ключевые слова:** государство, церковь, религиозная политика, христианизация, народы Среднего Поволжья.*

Общие вопросы государственной религиозной политики царизма в XVIII в. находили отражение в работах С.Г. Рункевича [12] П.В. Знаменского [3], И.А. Булыгина [1], В.М. Живова [2], А.В. Каргашева [6] и др. Государственные меры обращения народов Среднего Поволжья в православие рассматривались в исследованиях А.Ф. Можаровского [2], Н.В. Никольского [10], П.Н. Луппова [7], Д.М. Макарова [8], Ф.Г. Ислаева [4], Р.Р. Исхакова [5], Л.А. Таймасова [14] и др. В данной статье, опираясь на анализ государственных правовых актов и литературы, отражены особенности религиозной политики царизма в отношении народов Среднего Поволжья в XVIII в.

Русское самодержавие со времени присоединения Среднего Поволжья рассматривало христианизацию «казанских иноверцев» в качестве духовного оружия для установления господства в полиэтническом регионе. Уместно вспомнить слова Иван IV, произнесенные во время его встречи из казанского похода: «Да познают Бога истинного неверные, новые подданные России и вместе с нами да славят Святую Троицу во веки веков» [11, т. 13. с. 223–224]. В них заложена общая государственно-церковная задача христианизации иноверных поданных. Церковь всецело поддерживала эту идею, о чем свидетельствует высказывание митрополита Макария о распространении «света Христова» среди «иноверцев казанских» [11, т. 13. с. 226]. В XVI–XVII вв. религиозная политика царизма ориентировалась на укрепление церковно-монастырской инфраструктуры в регионе [13].

XVIII в. внес существенные коррективы в национальную и религиозную политику царизма в стране и, в частности, регионе Среднего Поволжья. Оформление абсолютизма, превращение России в империю вызвали необходимость новых подходов к ее реализации. Петр I и последующие

монархи задачу этнокультурной унификации многочисленного российского социума решали на основе христианизации «иноверных» подданных. По мнению П.Н. Луппова, в эту эпоху правительство пыталось решить миссионерские задачи внешними средствами через предоставление новокрещеным льгот и стеснение некрещеных [7, с. 98]. Новокрещеным на основе указа от 1 сентября 1720 г. предоставлялась трехлетняя льгота «во всяких государственных сборах и в изделиях... дабы тем придать к восприятию веры Греческого закона лучшую охоту» [11, т. 6, с. 233–234]. Русская православная церковь в 1721 г. была подчинена царской администрации, что отчасти диктовалось необходимостью успешного решения национальных и конфессиональных задач. Примером успешной миссионерской практики в петровскую эпоху может служить крещение 3 683 марийцев усердиями соборного ключаря Феодора и иеромонаха Алексия Раифского [8, с. 140–141]. В отношении противников курса правительства в религиозном вопросе применялись жесткие административно-правовые меры воздействия, о чем свидетельствует Указ от 3 ноября 1713 г [11, т. 5. с. 66].

Политика Петра I в отношении иноверных подданных была продолжена его преемниками. Правительство Анны Иоанновны на основе обобщения миссионерского опыта разработало нормативно-правовую основу массовой христианизации «иноверцев». Особо следует отметить Указ 11 сентября 1740 г., который стал нормативно-правовой основой массового крещения народов Среднего Поволжья [11, т. 11, с. 248–256]. На основе данного закона была создана Новокрещенская контора и осуществлялось массовое крещение «казанских иноверцев». Однако крещение еще более осложнило этноконфессиональную ситуацию, так как миссионеры совершенно не учитывали мнение населения. Как писал М.М. Щербатов: «... духовный российский чин, отступая от правил первенствующая церкви, не брал труда их сперва изучать, ниже знающих их язык к ним проповедников присылать, но токмо так, как в баню, так и их к крещению водили...» [9, с. 109]. Одних прельщали к крещению награды и льготы, других – страх перед властями. При этом на некрещеных возлагали исполненные налогового бремени своих крестившихся сородичей, что вызывало рост протестных настроений.

На религиозную политику Екатерина II в значительной степени воздействовали просветительские идеи Запада. Расширение пределов империи за счет присоединения Причерноморских, Приазовских территорий, Крыма с поликонфессиональным населением и заселение свободных земель колонистами разных исповеданий, а также рост антицерковных выступлений новокрещенных заставляли правительство вносить изменения в национальную и религиозную политику. В первые же годы правления Екатерина II упразднила Новокрещенскую контору [11, т. 16, с. 704–707], завершила секуляризацию церковно-монастырских владений [11, т. 16, с. 549–580].

С требованиями решения религиозных вопросов с учетом интересов конфессиональных групп выступали делегаты Уложенной комиссии от народов Среднего Поволжья. Представители новокрещенных прежде всего добивались обеспечения надежной защиты от обид как со стороны русских, так и некрещеных, в особенности от мусульман, чтобы им было дано право продавать свою продукцию в городах без скупщиков и облегчена была податная повинность. Императрица провозгласила веротерпимость, получившая отражение в «Большом Наказе», в котором утверждалось,

что «гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самая жестоковыйных сердца и отводит их от... упорства, утешая споры их, противные тишине государства и соединению граждан» [11, т. 18, с. 192]. Закон о терпимости всех вероисповеданий запрещал православному духовенству вмешиваться в дела других конфессий. В то же время государство усилило контроль над духовной сферой посредством учреждения особых управленческих структур над «иноверными» конфессиями как Духовное управление мусульман России, Могилёвская римско-католическая консистория и др. Однако российское законодательство не допускало переход православных в иные конфессии [11, т. 9, с. 482]. «Пугачёвщина», обнажившая национальные и религиозные проблемы в Волго-Уральском регионе, показала низкую эффективность миссионерской деятельности, заставила правительство искать способы укрепления православия.

Определённые новшества в религиозную политику были внесены при Павле I. В конце XVIII в. российское общество испытывало воздействие внутренних общественно-политических, социокультурных процессов в стране, обусловленные крепостничеством, пугачёвщиной, секуляризацией, а также веяниями Великой французской революции, разделами Польши, войнами и т. д. Эти обстоятельства диктовали необходимость укрепления союза государства и церкви. Согласно Указу от 5 апреля 1797 г. император объявлялся верховным защитником и хранителем православия, а православная церковь – господствующей и первенствующей [11, т. 24, с. 525–538]. Ряд правовых актов были направлены на повышение авторитета духовенства. Указ 9 декабря 1796 г. освобождал духовный чин от телесных наказаний за уголовные преступления [11, т. 24, с. 225]. Закон от 24 июня 1797 г. предоставлял духовным правлениям решать вопросы о назначении священно и церковнослужителей по характеристике благочинных [11, т. 24, с. 656]. Также уделялось внимание вопросам финансового и материального обеспечения сельских причтов [11, т. 25, с. 237; 11, т. 25, с. 854–856]. Следует заметить и попытки улучшения качества подготовки кадров духовенства. Так, Указом от 18 декабря 1796 г. Казанская духовная семинария была возведена в ранг академии [11, т. 24, с. 821]. Правительство осторожно подходило к осуществлению мер воздействия на новокрещёных, опасаясь новых всплесков протестных настроений. В частности, в 1799 г. на запрос Синода осылке миссионеров в новокрещённые приходы Сенат ответил отказом и, по сути, упразднил этот институт, возложив исполнение миссионерских функций на приходское духовенство [9, с. 105].

Таким образом, религиозная политика в Среднем Поволжье в XVIII в. была направлена на укрепление власти царизма через христианизацию язычников и мусульман. Она реализовывалась, опираясь на правовые нормы, административный ресурс государственных и церковных учреждений. В качестве главной задачи рассматривалось массовое крещение, которая была решена только частично, так как удалось обратить в православие только часть иноверческого населения, в то время как большинство мусульман, а также многие язычники остались верными религии предков. Осуществление христианизации без учета мнения населения привела к ухудшению этноконфессиональной ситуации в регионе и способствовало росту антицерковных и антиправительственных настроений,

которые особенно ярко проявились в ходе народных восстаний. В этих условиях царизм провозгласил веротерпимость и предпринял меры для укрепления церковной организации.

Список литературы

1. Булыгин И.А. Церковная реформа Петра I / И.А. Булыгин // Вопросы истории, 1974. – №5. – С. 79–93.
2. Живов В.М. Из церковной истории времён Петра Великого: Исследования и материалы / В.М. Живов. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 360 с.
3. Знаменский П.В. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра / П.В. Знаменский. – Казань, 1873. – 851 с.
4. Ислаев Ф.Г. Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия: от конфронтации к терпимости / П.В. Знаменский. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2001. – 214 с.
5. Исхаков Р.Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.) / Р.Р. Исхаков. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 222 с.
6. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташев. – М.: Наука, 1991.
7. Луппов П.Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. / П.Н. Луппов. – Вятка, 1901. – 298 с.
8. Макаров Д.М. Самодержавие и христианизация народов Среднего Поволжья (XVI–XVIII вв.) / Д.М. Макаров. – Чебоксары, 2000. – 272 с.
9. Можаровский А.Ф. Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев, с 1552 по 1867 год / А.Ф. Можаровский. – М., 1880. – 262 с.
10. Никольский Н.В. Христианство среди чуваша Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках / Н.В. Никольский. – Казань, 1912. – 416 с.
11. Полное собрание законов Российской империи [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. Т. 5–7; 9; 11; 13; 16; 18; 24–25. СПб., 1830.
12. Рункевич С.Г. История русской церкви под управлением Святейшего Синода. Т. 1. Учреждение и первоначальное устройство святейшего правительственного синода (1721–1725 гг.) / С.Г. Рункевич. – СПб., 1900. – 430 с.
13. Таймасов Л.А. Межконфессиональные отношения на начальном этапе христианизации народов Казанского края (вторая половина XVI–XVII вв.) / Л.А. Таймасов // Die Geschichte Russlands in 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. -Hg. von Andreas Kappeler. – Berlin. 2004. (Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Bd. 63.) – S. 322–341.
14. Таймасов Л.А. Нормативно-правовые акты христианизаторской политики царизма: Указ 11 сентября 1740 года / Л.А. Таймасов // Вестник Российского университета кооперации. – №2 (45) 2021. – С. 158–163.
15. Таймасов Л.А. Правовые аспекты утверждения православия в Среднем Поволжье в первой четверти XVIII в. / Л.А. Таймасов // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. – №2. – 2016. – С. 89–92.
16. Таймасов Л.А. Российское законодательство о крещении «иноверцев» Среднего Поволжья и правовое положение новокрещеных татар в XVIII – первой половине XIX вв. / Л.А. Таймасов // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья в XVI–XIX вв. – Вып. 1. – Казань, 2009. – С. 203–210.

Ткаченко Владимир Глебович

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ЦЕРКОВНЫЕ АРХИВЫ НА ТЕРРИТОРИИ ЧУВАШИИ В XVI–XVII вв.: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОРГАНИЗАЦИИ ХРАНЕНИЯ

***Аннотация:** проблематика статьи относится к категории малоизученной. Исследование истории церковных архивов на территории современной Чувашии, как отдельное направление, в научной литературе не производилось. Предлагаемая статья – первая попытка восполнить этот пробел. Проведенное на основе сохранившихся письменных источников исследование подтверждает наличие и активное использование архивов в административных центрах на территории Чувашии в обозначенный период, в том числе в церковной среде, а также позволяет судить об организации их хранения, составе и содержании.*

***Ключевые слова:** архивная деятельность, архивные документы, архивы церковные, делопроизводство, Алатырский Троицкий мужской монастырь, Чебоксарский Троицкий мужской монастырь, Чебоксарский Введенский собор.*

До недавнего времени вопросы, связанные с архивами Русской православной церкви, оставались «белым пятном» в отечественном архивоведении. Как отмечал Е.В. Старостин, даже такие авторы трудов по русской историографии, как Н.Л. Рубинштейн, В.Е. Иллерицкий, Л.В. Черепнин, А.Н. Сахаров и другие, предпочитали вообще не упоминать о произведениях даже выдающихся представителей историко-церковной науки. Мало что изменилось и в современной российской историографии: нет не только ни одной монографии, ни одного учебного пособия, но даже и обстоятельной статьи, в которых была бы предпринята попытка изложения общей истории развития церковных архивов и вклада историков в ее разработку – указывал автор [12, с. 31–38].

Предлагаемая статья представляет собой первую попытку обратиться к проблемам изучения архивов и архивной деятельности РПЦ на локальном уровне – территории современной Чувашской Республики, которая в середине XVI в. перешла под власть Русского государства.

Вновь вошедшим в состав Московии землям предстояло участвовать в реализации задуманных царем Иоанном Васильевичем и его ближайшими сподвижниками важнейших миссий. *Первая* – военная – была обусловлена необходимостью закрепления здесь власти русского царя и защиты от потенциальных угроз, исходивших от Астраханского и Крымского ханств, Ногайской орды.

Вторая из них была связана с серьезной на тот момент проблемой организации управления краем, отличавшимся своей спецификой.

Третья миссия носила духовно-религиозный характер. Строившимся здесь Чебоксарам, Цивильску, Ядрину в числе других городов края

предстояло также принять участие в духовном присоединении края. Уже на третьем году после покорения Казанского ханства Русская Православная церковь учреждает здесь новую святительскую кафедру. В этой связи необходимо отметить особую роль церкви в системе административного управления. Так, еще А.Д. Градовский указывал на то, что «<...> центры церковного управления имеют <...> такое же, если не большее значение, чем административные центры» [4, с. 373]. Это, в частности, подтверждает наказная память, данная царем Иоанном Васильевичем назначенному на Казанскую кафедру архиепископу Гурию: «А воеводом, и детем боярским, и новокрещеном, и гостем, и торговым людем, жити брежно, и творити по Государеву наказу во всем и воевод слушати; а воеводам их беречи, во всяких делех, безо всякая хитрости. *А Архиепископа всем слушати, и повиновалися б во всем духовном наказани; да воеводы ж с Архиепископом, а Архиепископ с ними о всяких Государьских делех советовали любовно, безо всякия хитрости*» (здесь и далее курсив мой – В.Т.) [1, с. 259].

Казанская и Свияжская епархия в иерархическом отношении сразу же по основании заняла высокое третье место после Московской митрополии и древнейшей Новгородской архиепископской кафедры, отодвинув ранее состоявшиеся восточно-русские епархии. Это наглядно демонстрирует ее особую значимость и возлагавшиеся на нее надежды по христианизации края.

Реализация данной миссии оказала влияние на характер архивных комплексов, сформировавшихся в среде церковных учреждений.

Функционирование всей церковной системы определяется нормами церковного права, первоисточником которого считается Божественная воля Основателя Церкви, а его вторым – материальным – источником выступала сама Церковь и «<...> те правила и нормы, изданные церковной властью, которые не только не противоречат Божественной воле, но и вытекают из нее» [13, с. 26, 28].

Яд его норм был тесно связан с регулированием отношений, непосредственно относящихся к интересующей нас теме делопроизводственной и архивной деятельности. Так, статья 26 Правил IV Вселенского (Халкидонского) Собора (451 г.) предписывала «всякой церкви, имеющей епископа, иметь из собственного клира эконома, который бы распоряжался церковным имуществом, по воле своего епископа: дабы домостроительство церковное не без свидетелей было, дабы от сего не расточалось ея имущество, и дабы не падало нареkania на священство. Если же кто сего не учинит: таковой повинен Божественным правилам» (Четв. 26). В обязанности эконома входило заведывание церковным хозяйством и имуществом, что предполагало ведение и хранение необходимой для этих целей хозяйственно-финансовой документации.

Согласно статье 1 Правил Двукратного (Перво-Второго) поместного собора Константинопольской Церкви (861 г.) «<...> все же к нему (монастырю – В.Т.) принадлежащее, купно с ним самим *да вносится в книгу, которая и да хранится в епископском архиве*» (Двукр. 1).

С точки зрения церковно-государственных отношений представляет интерес статья 38 Правил VI Вселенского Константинопольского Собора (680–681 гг.), установившая: «Отцами нашими положенное сохраняем и мы правило, гласящее тако: аще царскою властью вновь устроен, или

впредь устроен будет град: то *гражданским и земским распределением да следует и распределение церковных дел*» (Шест. 38).

В рассматриваемый период помимо норм церковного права существенное влияние на характер деятельности церковных учреждений и ее документирование оказывало светское законодательство. Прежде всего это Судебник 1550 года и Соборное Уложение 1649 года, регулировавшие в том числе взаимоотношения государства и церкви, а также указные с прочетом, жалованные, правые, послушные грамоты и другие правовые акты, исходившие от верховной власти.

Формирование церковных и монастырских архивов в Чувашском крае происходило в специфических условиях. Освоение территорий покоренного Казанского ханства совпало с попытками царя «ограничить аппетиты монастырских землевладельцев». Как известно, именно в 1550-е годы Иоанн Васильевич проводит судебную, финансовую и военную реформы, суть которых сводилась к укреплению государственной власти в условиях активно проводившейся централизации Русского государства. «Царь хотел получить санкцию церкви на государственные преобразования и в то же время принять меры к подчинению церкви и ограничению ее привилегий и земель, необходимых для обеспечения энергично создававшегося дворянского войска» [10, с. 116]. Вопрос о церковной земельной собственности стал узлом противоречий в самой церкви и вылился в яростные споры между «иосифлянами» (ее сторонниками) и «нестяжателями» (ее противниками).

Настояя на включении в Судебник 1550 года требования «старые тарханские грамоты поимати у всех» и приказав в том же году изъять жалованные грамоты у монастырей, царь Иоанн Васильевич взял «на себя обязанность лично выдавать жалованные грамоты на угодья и имущество, передаваемое в монастырское хозяйство» [11, с. 216, 218]. Первый общий пересмотр жалованных грамот всех монастырей состоялся уже в 1551 году.

Однако на территории бывшего Казанского ханства с приходом русской администрации произошел стремительный рост церковного землевладения, который был обусловлен вполне объективными причинами. Во-первых, с началом колонизации местного края правительство было крайне заинтересовано и всячески способствовало распространению здесь православия. По свидетельству Никоновской летописи епархия охватывала огромную территорию: «[...] город Казань со окрестными улусы, город Свяга з Горною стороною, Василь-город, Вятцкая земля вся» [9, с. 250]. После завоевания Астрахани ей была подчинена и территория Астраханского ханства. Очень скоро – в 1589 г., – новая епархия стала митрополией. Возглавлявшие ее духовные лица всегда играли важную роль в истории России. Впоследствии из нее выделились в качестве самостоятельных новые епархии, в их числе – Симбирская.

В качестве экономической основы для новой епархии «уложил благочестивый царь и великий князь Иван архиепископу и всем церквам обещаное Богу изо всех доходов Казанские земли десятое; а сперва митрополит и все владыки и монастыри пособствуют Казанскому архиепископу денгами и хлебом» [9, с. 250]. Первый архиепископ новой епархии – бывший игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Гурий (в миру – Григорий Руготин), будучи постриженным самого Иосифа

Волоцкого, разделяя взгляды своего духовного наставника, последовательно защищавшего имущественные права церкви.

Таким образом, лавируя между «иосифлянами» и «нестяжателями», царь формально был вынужден отказаться от своих секуляризационных устремлений. Однако, взяв под контроль выдачу пожалований церковным учреждениям, он получил эффективный инструмент укрепления позиций Московского государства на территории только что покоренного Казанского ханства. Сознвая острую необходимость и в заселении новых земель лояльным населением, и в миссионерской деятельности церкви среди местных нерусских народов для достижения своих политических целей, Иоанн Васильевич идет ей на щедрые пожалования в этом пока еще весьма беспокойном крае, тем самым направляя и стимулируя здесь активную церковную экспансию. Результатом стал значительный рост земельных владений монастырей и церквей, готовых защищать свою собственность.

Во-вторых, ведущая роль в продвижении православия в крае принадлежала Троице-Сергиеву монастырю – главному религиозному центру государства. В Казанском, Свияжском, Чебоксарском и Алатырском уездах были образованы его филиалы, пожалованы крупные земельные владения, рыбные ловли по Волге, а также предоставлены большие земельные и таможенные иммунитетные привилегии [5, с. 55].

Исследовавшая архив Троице-Сергиевой Лавры М.С. Черкасова отмечала: «Ведение больших массивов деловой письменности, обладание огромным количеством поземельных прежде всего документов, образцов поставленной организация «архивной службы» – все это являлось, наряду с прочими, важнейшим фактором социально-экономического и политического могущества крупнейшего русского монастыря». Кроме того, указывала исследовательница, в русских общежительных монастырях (особенно крупных) в XVI–XVII вв. формировались «различные подразделения («службы»): крепостная казна, денежная казна, ризная казна, книгохранительная казна, платьная казна, оружная казна и мн. др.» [15].

Существование подобных структур в местных филиалах Троице-Сергиева монастыря маловероятно. Как можно предположить, при значительно меньших объемах хозяйственной деятельности и сравнительно небольшой численности монашествующих, в этом не было нужды. Во всяком случае источники, подтверждающих их наличие, обнаружить не удалось. Однако свойственные им функции должны были реализовываться и на местах. И одна из основных имела непосредственное отношение к сохранению важных для монастыря документов.

Оба фактора нельзя не учитывать при изучении формирования местных церковных архивов. Первый из них влиял на состав документов местных церковных учреждений, нуждавшихся в подтверждении своих имущественных прав и заинтересованных в сохранении соответствующих актов. Второй, с учетом богатого опыта Троице-Сергиева монастыря, – во многом определял характер делопроизводительной и архивной деятельности с точки зрения их организационной составляющей.

Кроме того, И.Л. Маяковский отмечал появление в XVII веке в монастырском архивном деле новшества, «которого еще мы не видели ни в приказных, ни в земских, ни в воеводских архивах, это заведение наряду с давней должностью книгохранителя специальной должности

заведующего собственно архивными документами и выделение последних в особые хранилища» [8, с. 126]. В высоком уровне приемов описания монастырских архивов, а также в назначении над ними особого «хранителя» он справедливо усматривал ярко выраженный «взгляд духовенства на роль своих архивов, как хранилищ, укрепляющих права и привилегии духовенства» [8, с. 127].

Под влиянием перечисленных и иных факторов при церквях и монастырях Чувашского края стали постепенно формироваться определенные архивные комплексы. К сожалению, в настоящее время мы практически не располагаем сведениями о местных церковных архивах в начальный период его церковной колонизации. Самые ранние из дошедших до нас документов относятся к первой половине XVII в., и связаны они с историей Алатырских Троицкого мужского и Киево-Николаевского девичьего монастырей, Введенского собора г. Чебоксары, Чебоксарского Троицкого монастыря, Чебоксарской Спасо-Геронтиевой пустыни и др. Однако цельной картины они не дают. В ряде случаев приходится оперировать лишь косвенными данными, почерпнутыми из различных источников.

Так, по наблюдению С.Б. Веселовского, после 1588 года состав поступавших в Троице-Сергиев монастырь документов изменился, а их количество уменьшилось. В частности, он отмечал снижение поступления новых жалованных грамот и рост указных грамот в сравнении с предшествующим временем, а также поступление небольшого количества частных актов. Эта тенденция сохранялась весь XVII век, а в конце его «поступление актов всех родов почти прекращается вместе с прекращением роста земельных владений монастыря» [3, с. 152].

Аналогичные процессы, очевидно, происходили и в его местных филиалах. Их причина – продолжившееся в XVII веке давление на церковь со стороны царской власти в части ограничения ее прав и земельных владений. Соборное Уложение 1649 г. в этом отношении стало еще одним важным шагом в данном направлении. Сохранив в руках патриарха самостоятельный орган управления – Патриарший двор, на котором судные дела рассматривал и принимал по ним решения глава церкви, оно лишило духовенство и монастыри административных и судебных привилегий. Церковные и монастырские земли, а также гражданские и наименее важные уголовные дела в отношении всех духовных лиц вплоть до митрополитов, их людей и крестьян перешли в ведение Монастырского приказа. Лишь суд по церковным делам был сохранен за церковью.

Все это отражалось на составе документов архивов церквей и монастырей. Но в первую очередь состав архивов был обусловлен особенностями их деятельности в хозяйственно-экономической сфере.

О характере документов, отложившихся в архиве Чебоксарского Троицкого монастыря к началу XVII века, можно судить по отрывочным сведениям и лишь в общих чертах. Так, в указной с прочетом грамоте царей Ивана Алексеевича, Петра Алексеевича чебоксарскому воеводе и стольнику Е.А. Пашкову о разрешении Чебоксарскому Троицкому монастырю владеть вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам от 16 октября 1683 г. перечислены акты, утраченные обитателю «в Смутное время»: «<...> Прежние жалованные грамоты и монастырские крепости всякие, и кабалы, и записи» [7, с. 45].

Наиболее наглядно состав документов местных монастырских архивов прослеживается на примере Алатырского Троицкого мужского монастыря. Первое свидетельство о его архиве относится к 15 марта 1618 года. В отписных книгах строителя Алатырского Троицкого монастыря Иоасафа Пестрикова указывается, что он взял «у казначея у старца Никона книги черные Второва Куроедова да государеву грамоту, что привез Борис Латынин; да две кабалы на мордву, одна в трех пудех меду, а другая в полуторе рублех з гривною; да выпись писца Гавриила Ивановича Бобрищева-Пушкина да дьяка Ивана Шарапова с товарищи; да книги отводные сто два десятого [1611/12] году, что посылал Федор Семенович Пушкин сотника Богдана Мамина; да выписи с книг 88 [1579/80] году писца Григория Онучина, а книги в казне на Алаторе; да список з записи на князя Баиша, а сказали братья, что де запись у племянника у Игумнова у Савы в Орзамасе в Ямской слободе; да с трех грамот государевых списки, а грамоты в казне на Алаторе; да список с выписи воеводы Петра Бутурлина с товарищи на рыбные ловли, а грамоты и книги в казне на Олаторе; да отпись Дея Огаркова ста два десять пятого [1616/17] году; да книги, приход и расход, у казначея старца Никона; да судебных ветх; да старые расходы; да двух вкладчиков; да двух безымянных; да выпись с книг сто два десять третьяго [1614/15] году старосты Второва Куроедова» [2, с. 45].

Судя по приведенному отрывку, очевидно именно монастырский казначей выступал в роли хранителя архива.

Более подробное описание хранения хранившихся в архиве Троице-Алатырского монастыря документов дает опись Троице-Сергиева монастыря и приписных ему обителей 1641 года [2, с. 142–143]. Она позволяет судить о характере документов, в сохранении которых прежде всего был заинтересован монастырь. Как следует из текста документа, основу документального комплекса составляли юридические акты, оформлявшие долговые обязательства. Возможно, в данном случае речь идет лишь о текущем архиве с его вероятной локализацией в казенной келье, в которой велось делопроизводство.

Наиболее репрезентативная картина состава монастырского архива представлена в публикации «Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов», авторы которой выделили три группы делопроизводственной документации:

1) акты, оформлявшие и удостоверявшие права монастыря на различные привилегии или собственность, полученные в результате правительственных пожалований или сделок с частными лицами, в том числе – публично-правовые (указные с прочетом, правые, послушные, жалованные грамоты) и частно-правовые (поступные, мировые, полюбовные, купчие, меновные, порядные, данные, вкладные, закладные, сдаточные, оброчные, поручные записи, духовные и изустные памяти), всего – 76 документов;

2) регистрационные документы, в которых фиксировалась информация о состоянии земельной и прочей собственности монастыря (описные, отказные, межевые, переписные, прочие книги и росписи, составленные как самими монахами, так и представителями приказной администрации) – 37 документов;

3) делопроизводственная переписка, возникавшая в ходе решения приказными властями различных вопросов по вотчине и крестьянам монастыря (указные грамоты центральных приказов, челобитные) – 15 документов [2, с. 8–10].

Всего опубликовано 128 источников, один из которых является делом, состоящим из целого комплекса указных грамот и челобитных. По утверждению авторов, в совокупности представленные в сборнике документы «достаточно полно отражают историю Алатырского Троицкого монастыря, его колонизационно-хозяйственную деятельность» [2, с. 10].

В связи со сказанным особую актуальность приобретает вопрос об организации хранения документов в монастырских архивах края. О специально отведенном для этой цели помещении говорится в указной с прочетом грамоте из Приказа Большого дворца алатырскому воеводе Д.С. Погожему, датируемой июнем 1618 г.: «<...> А велено о всяких наших делех ис Приказу Большого дворца писати в Троецкой монастырь к ним, к архимариту да келарю з братьею. И тое нашу жалованную грамоту велено им держати в монастыре *в троецкой казне* для всяких наших дел. А с нее по городу посылати списки за троецкою печатью <...>» [2, с. 51–52].

Упоминание об архивохранилище-казне в Алатырском Троицком мужском монастыре имеется в описи Троице-Сергиева монастыря и приписных ему обитателей 1641 года [2, с. 142].

В Чебоксарском Троицком монастыре таким специальным помещением для хранения документов являлась «казенная келья», о чем свидетельствует указная с прочетом грамота из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову от 20 апреля 1660 г [7, с. 27]. Однако в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову о разрешении Чебоксарскому Троицкому монастырю владеть их вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам от 16 октября 1683 г. речь идет и о казне: «А подлинная грамота в манастырской казне» [7, с. 45].

В качестве примера хранения документов в здании церкви можно привести выпись из росписи 1645/46 г. на д. Протопопову, данной 10 июля 1660 г. чебоксарским воеводой В.В. Голенищевым и подьячим Б. Протопоповым по челобитью протопопа Чебоксарского Введенского собора Филиппа с братией, в которой, в частности, указывалось: «<...> *А положено было в той соборной церкви записи крестьянские, почему они теми крестьяны владели*» [6, с. 236]. Приходские храмы, не располагавшие в отличие от монастырей различными хозяйственными постройками, вынуждены были хранить важные для них документы непосредственно в самой церкви.

К сожалению, более детальной картины организации хранения источники не дают. Очевидно, она мало чем отличалась от сложившейся практики в светских учреждениях.

Существенное влияние на сохранность церковных архивов оказывали пожары и социальные конфликты. Среди прочих факторов именно они чаще всего упоминаются в источниках, связанных с территорией современной Чувашской Республики.

Главными из них были пожары. «И в прошлом де во 160 [1651/52]-м году, как был в Чебоксарех пожар, – читаем в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову – и в то де пожарное время жалованные подлинные грамоты и всякие вотчинные крепости в Троицком монастыре в казенной келье згорели все без остатку» [7, с. 27]. В пожар 1659 года сгорел и главный

городской храм – Введенский собор, а в нем – хранившиеся там «записи крестьянские» [6, с. 236].

Если стихийные бедствия были «слепым» орудием гибели документов, то в случае с народными выступлениями архивы становились объектом целенаправленного уничтожения местным населением, недовольным политикой центральной власти, действиями местной администрации или церковными учреждениями. Так, в указной грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе М.О. Пушкину от 21 ноября 1620 г. отмечалось: «<...> Троицкого монастыря келарь Исай з братьею сказали, что у них прежних государей жаловальные грамоты в Смутное время, как город взяли, поимали казаки» [7, с. 21].

Картина произошедшего более подробно была изложена в указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову от 16 октября 1683 г. о разрешении властям Троицкого монастыря владеть их вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам: «И те де у них грамоты в Смутное время, как приходили в Чебоксар волские казаки, и они де в те поры город Чебоксар взяли и прежнего де их игумена Галасею з башни скинули, и многих посацких людей в те поры побили, и те де у них прежние жалованные грамоты и монастырские крепости всякие, и кабалы, и записи поимали, и казну розграбили» [7, с. 45].

Данные факторы безусловно играли решающую роль в утрате документальных комплексов церковных учреждений. Вместе с тем, есть основания полагать, что они были отнюдь не единственными. Хотя прямых свидетельств о небрежности хранения документов не имеется, можно предположить, что и они имели место.

Как показывает анализ источников, местные монастыри довольно часто обращались в органы власти за подтверждением своих владельческих прав. Например, на протяжении XVII века Чебоксарский Троицкий монастырь неоднократно посылал на имя верховной власти соответствующие челобитные. Так, в направленной 21 ноября 1620 г. чебоксарскому воеводе М.О. Пушкину указной грамоте из Приказа Казанского дворца о разрешении монахам Троицкого монастыря владеть «по-прежнему» их рыболовными угодьями и о запрещении козьмодемьянским стрельцам претендовать на эти угодья было велено найти в казне в съезжей избе на эти владения «прежних государей грамот: блаженные памяти государя, царя и великого князя Ивана Васильевича, всеа Руси, и царя и великого князя Федора Ивановича, всеа Руси, и царя Бориса» [7, с. 21]. Интересно упоминание в документе о том, что посланцем монастыря старцем Иосифом в подтверждение монастырских прав на угодья дьякам приказа Казанского дворца был представлен список с грамоты царя Бориса Годунова, подлинник которой хранился в казне Чебоксарской приказной избы [7, с. 21].

Через тридцать лет по челобитью игумена Чебоксарского Троицкого монастыря Иосифа с братией 17 августа 1659 г. из Печатного приказа стольнику и воеводе князю И. Засекину и подьячему Б. Протопопову была направлена государева грамота с повелением «в Чебоксарех в съезжей избе з жаловальных грамот и со сводных книг списав, список прислать к Москве» [14, с. 111].

История с подтверждением прав монастыря на рыболовные угодья повторилась в 1660 году. О поручении выслать с этой целью архивные

копии (списки) с различных документов говорится в указанной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца воеводе В.В. Голенищеву и подьячему Б. Протопопову от 20 апреля 1660 г.: «И нам бы, великому государю, пожаловати ево, игумена Иосифа з братьею, велеть ему теми рыбными ловлями владеть, против прежних жалованных грамот и отводных книг, и велети б им, игумену з братиею, с писцовых и с отводных [книг] на те рыбные ловли дать выпись. И послана наша, великаго государя, грамота в Чебоксар к стольнику и воеводе ко князю Ивану Засекин[у] да к тебе, Борису. Велено в Чебоксарех в съезжей избе сыскать с наших, великаго государя, жалованных грамот списки и с отводных книг чебоксаренина сына боярскаго Иева Моисеева 130 [1621/22]-го году. А сыскав те списки, велено из тех списков выписать, да тое выписку прислать к нам, великому государю, к Москве» [7, с. 27].

Как следует из документа, все письменные подтверждения прав монастыря были найдены, а игумену Иосифу с братией было велено владеть рыбными угодьями строго «по прежним жалованным грамотам, каковы даваны прежним Чебоксарского троицкого монастыря игуменом и братье в прошлых в 90[1581/82]-м и во 108[1599/1600]-м и во 129[1620/21]-м годах и по отводным книгам чебоксаренина Иева Моисеева 130[1620/21]-го году» [7, с. 28].

Большая архивно-справочная работа была выполнена по челобитью монастыря в 1683 году. И вновь речь шла о владении вотчиной по прежним жалованным грамотам и отказным книгам. В указной с прочетом грамоте из Приказа Казанского дворца чебоксарскому воеводе Е.А. Пашкову от 16 октября 1683 г. подробно изложены все перипетии, связанные с монастырской собственностью начиная с 1617 года, в том числе упомянуто спорное дело с чебоксарским жильцом А.М. Кудриным 1624/25 года. При этом все запрашиваемые приказом сведения были представлены [7, с. 44–53].

Схожую картину можно наблюдать с Троице-Алатырским монастырем. Так, в феврале 1676 г. при подготовке по указу царя Алексея Михайловича данной выписи из отдаточных книг алатырского воеводы И.Я. Эверлакова службе Троице-Сергиева монастыря В. Яхонину на возвращение беглых крестьян использованы сведения из переписных книг переписи А. Атяева и подьячего К. Немирова 1646 года [2, с. 168].

В марте 1681 г. в данной выписи стольника и воеводы Д.И. Лаговчина архимандриту Троице-Сергиева монастыря Викентию с братией на Кажнееву поляну в Алатырском уезде упомянуты отписные книги губного старосты В. Куроедова 1615 года, отказные книги городского приказчика Д. Теренина 1618 года, а также выпись алатырского воеводы И. Бутурлина с товарищами 1613 года [2, с. 170]. Менее чем через год в споре за указанную поляну были использованы не только перечисленные документы, но и алатырские писцовые книги 1615, 1616, 1624–1626 годов [2, с. 178–188].

В судном деле по тяжбе Троице-Сергиева монастыря с алатырскими посадскими людьми и попом Иваном Тимофеевым на дворовые места в городе Алатырь, длившейся с 1683 по 1700 год, имеются ссылки на описные книги 1614/15 года и писцовые книги 1623–1626 годов [2, с. 295–301].

В приведенных примерах не было бы ничего удивительного, если не учитывать одно важное обстоятельство: и пожары, и народные выступления затрагивали не только сами церковные учреждения, но и непосредственно населенные пункты, где они находились. Тем не менее, как мы

видим, документация местных органов управления не просто сохранилась, но и обеспечивалась определенным порядком ее хранения, что позволяло в большинстве случаев находить необходимую информацию за весьма отдаленный период времени.

Таким образом, имеющиеся письменные источники иллюстрируют наличие и активное использование архивов в административных центрах на территории Чувашии, в том числе церковной среде, а также позволяют судить об организации их хранения, составе и содержании. На основе источников XVII века, относящихся к исследуемой территории, можно судить и об определенных устоявшихся приемах работы с документацией.

Список литературы

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи. Т. I. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836.
2. Алатырский Троицкий мужской монастырь. Документы 1612–1703 годов / сост. В.Д. Кочетков, А.А. Чибис. – Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2015.
3. Веселовский С.Б. Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. – М.: Наука, 1978.
4. Градовский, А. Д. История местного управления в России // Собр. соч. Т. 2. – СПб., 1899.
5. Дмитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986.
6. Документы по истории феодального землевладения и хозяйства в Среднем Поволжье (XVII в. – первая четверть XVIII в.) / сост.: А.А. Чибис (ответственный составитель), Б.М. Пудалов. – Чебоксары: Пегас, 2006.
7. Землевладение и хозяйство Чебоксарского Троицкого монастыря во второй половине XVI–XVII вв.: Исследование и документы. – Чебоксары, 2005.
8. Маяковский И.Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. (Опыт систематического руководства). Часть первая. История архивного дела в СССР до Октябрьской социалистической революции. – М., 1941.
9. ПСРЛ. Т.13. Первая половина. VIII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. – СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904.
10. Русское православие: вехи истории. – М.: Политиздат, 1989.
11. Старостин Е.В. Архивы Русской Православной Церкви в период становления и развития Московского государства (XIV–XVII века) // Вестник РГГУ. – 2008. – №8.
12. Старостин Е. В. Архивное наследие Русской православной церкви: пути изучения и развития // Отечественные архивы. – 2005. – №4.
13. Цыпин В.А. Каноническое право / протоиер. Владислав Цыпин – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2009.
14. Чебоксары во второй половине XVI–XVIII веке: документы и материалы из фондов Российского государственного архива древних актов / сост., авт. предисл., коммент. и примеч. Д.В. Басманцев. – Чебоксары: ГИА ЧР, 2019.
15. Черкасова М.С. Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры) / М-во культуры и массовых коммуникаций Российской Федерации, Федеральное архивное агентство, Российский гос. архив древних актов. – М.: Древлехранилище, 2004 [Электронный ресурс]. –Режим доступа: <https://www.booksite.ru/fulltext/che/rca/so/va/3.htm> (дата обращения: 05.03.2022).

Цыганова Ирина Викторовна

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Омский государственный
педагогический университет»
г. Омск, Омская область

DOI 10.31483/г-101279

РЕАКЦИЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И ЯПОНИИ НА ПОДПИСАНИЕ СОЮЗНОГО ДОГОВОРА 1902 г.

***Аннотация:** автор анализирует реакцию в Великобритании и Японии на подписание союзного соглашения и приходит к выводу, что факт оформления договора нашел широкий и неоднозначный отклик у представителей правящей элиты, лидеров оппозиции, общественности обеих стран. Если в Японии соглашение было встречено с почти единодушным энтузиазмом, в столице и крупных городах прошли торжественные банкеты с участием видных политиков, то в Великобритании, наряду с похвалами в адрес правительства, прозвучали и голоса противников отказа страны от политики «блестящей изоляции». Соглашение вызвало дебаты в Палате общин британского парламента. Либеральная пресса опубликовала ряд материалов с довольно резкими комментариями статей договора. В основном, в английском обществе дискуссия велась по вопросу о том, насколько и чем союз с Японией выгоден Великобритании, и не проиграла ли последняя, решившись на его подписание.*

***Ключевые слова:** англо-японский договор, Великобритания, Дальний Восток, лорд Ленсдаун, политика «блестящей изоляции», Т. Хаяши, Япония.*

Англо-японский союзный договор подписали 30 января 1902 г. в Лондоне с английской стороны – министр иностранных дел Г. Ленсдаун, с японской – посланник Т. Хаяши. Полный текст этого документа официально был объявлен в Великобритании 11 февраля, а на день позже, 12 февраля 1902 г. – в Японии, и сразу же вызвал в обеих странах широкий отклик.

Преодолев немалые трудности, поборов сомнения и открытое неприятие со стороны как британских, так и японских политиков, представителей общественности, державам удалось заключить договор, который, по мнению Д. Монгера, «оказался в высшей степени успешным» [16, р. 62]. Сообщая британскому посланнику в Токио К. Макдональду о подписании соглашения, лорд Ленсдаун указывал, что его можно рассматривать как результат тех событий, которые происходили в течение последних двух лет на Дальнем Востоке и той роли, которую играли в них Англия и Япония» [12, р. 113].

В данной работе на основе материалов из фондов архива внешней политики Российской империи (АВПРИ), официальных публикаций британского парламента, дипломатических документов, материалов английской и русской прессы, работ отечественных и зарубежных исследователей А.Л. Гальперина, Е.Ю. Сергеева, И. Ниша, Дж.Э. Ленсена, Д. Монгера, Т. Ньютона и др. предпринята попытка выявить реакцию представителей английского и японского истеблишмента, общественности и прессы двух государств на факт подписания союзного договора.

В Великобритании такое изменение во внешнеполитическом курсе страны «было почти повсеместно одобрено, хотя, в соответствии с традицией,

соглашение с японцами подверглось осуждению представителями либеральной партии в палатах парламента» [17, р. 227]. «Далеко не все британские политические сферы склонны были видеть в этом договоре выгодную для Англии сделку», – писала «Петербургская газета» о прениях в британском парламенте [4], которые прошли 13 и 14 февраля 1902 г.

В Палате лордов от имени правительства Р. Солсбери выступили министр иностранных дел лорд Г. Ленсдаун, в Палате общин – парламентский помощник министра иностранных дел лорд Крэнборн и министр финансов А. Бальфур. Как отмечает Е.Ю. Сергеев, отстаивая официальную позицию кабинета, «Ленсдаун и Бальфур заявили с парламентской трибуны, что сохранение целостности Китая и поддержание «баланса сил» на Дальнем Востоке уже невозможно без изменения региональной стратегии» [8, с. 175]. Более того, Ленсдаун особо подчеркнул, что, наблюдая за «недавним развитием событий в различных частях мира», отмечая явное «стремление великих держав объединяться в союзы», нельзя не осознать, «что многие из прежних аргументов, которые ранее могли быть приведены в поддержку политики изоляции, сейчас перестали иметь право на такое же рассмотрение» [20, col. 1175–1176; 23]. Лорд Э. Спенсер заявил, что он не против развития самых дружественных отношений с Японией, но считает, что прежде, чем заключать подобные договоры, нужно все очень тщательно взвесить. «Мы не должны вступать в союзы, если для этого нет веских причин», – подчеркнул он в своей речи. Далее лорд высказал сомнения в необходимости союза с Японией и отступлении Англии от ее традиционной политики не заключать союзов, а также, поделился опасениями по поводу возможных неблагоприятных последствий такой политики [20, col. 1172; 23]. В целом же, и лорд Спенсер, и глава либералов лорд А. Розбери согласились поддержать англо-японский союз. Розбери даже выразил надежду, что «договор будет иметь большое значение не только для Дальнего Востока, но и для всей Европы и всего цивилизованного мира» [20, col. 1179; 23] и сожалел, что «взаимопонимание» между союзными державами «не наступило ранее» [17, р. 227].

Более бурное и продолжительное обсуждение прошло в Палате общин британского парламента, где документ подвергся критике со стороны либеральной оппозиции, в частности, представителей ее правого крыла - либералов-империалистов. В отличие от Э. Грея, который однозначно высказал удовлетворение тем, что Япония стала партнером Великобритании [18, р. 224], депутаты-либералы Г. Норман и Дж. Уолтон выразили свое удивление столь необычному союзу, хотя при этом подчеркнули, что они не настроены по отношению к нему враждебно. Более того, Уолтон в своем выступлении заявил, что он не согласен с теми, кто предпочитает, чтобы страна оставалась в положении «блестящей изоляции». Он даже попытался дать разъяснения по поводу такого неожиданного выбора Великобритании себе в союзницы Японии, не поспеившись при этом на похвалы «развивающейся державе Востока». Примечательно, что Уолтон высказал уверенность, в том, что новый договор получит положительную оценку огромного большинства англичан [20, col. 1306–1309; 23]. Г. Норман отметил, что хотя многим в Британии было известно, что отношения с Японией продолжают оставаться хорошими, подписанное соглашение явилось для страны полной неожиданностью. Давая оценку союзу, Норман подчеркнул, что новый договор является не просто «важным поворотом в традиционной политике страны, не просто первым наступательно-

оборонительным союзом, подписанным Великобританией с иностранной державой», а «первым в истории новейшего времени союзом, который европейское государство заключило не с западной державой, а с восточной нацией» [20, col. 1237; 23]. Но, далее, депутат высказал сомнение в необходимости для Великобритании заключать договоры подобного характера. Он подчеркнул также, что «бесполезно отрицать тот факт, что англо-японский союз направлен против России». В заключении Норман заявил, что «у него нет желания ни осуждать договор, ни хвалить его», а что он лишь хотел бы получить ответы на два вопроса: «Умно ли соглашение?» и «Необходимо ли оно?» [20, col. 1278, 1281; 23].

Острее была критика, прозвучавшая в выступлениях депутатов Г. Кемпбелл-Баннермана и У. В. Харкорта, которые осудили заключенный союз, назвав его «ненужным отклонением от существующего курса». «Они открыто высказали свое сожаление о том, что правительство «связало Англии руки» и отступило от традиционной тактики не заключать никаких союзов с другими государствами. И, даже, пошли еще дальше и выразили опасение, как бы со временем Англии не пришлось считаться, на почве заключенного ею договора, со всякими новыми для нее осложнениями, совершенно при том бесполезными с точки зрения действительных жизненных интересов британской нации», – писала о ходе обсуждения «Петербургская газета» [4]. При этом, Кемпбелл-Баннерман, отметив в своей речи «идентичность английских и японских интересов», выразил опасение, что подобное соглашение будет «сковывать британскую свободу действий». Он обратил внимание членов палаты общин и на то обстоятельство, что Япония получала по договору больше гарантий, чем Великобритания, особенно в случае вовлечения последней в войну по инициативе японцев. Кемпбелл-Баннерман подчеркнул, что в такой ситуации тяжесть войны для союзных держав будет неодинаковой, так как «если интересы Японии связаны исключительно с Дальним Востоком, то британские интересы – с обширными владениями во всем мире» [20, col. 1289, 1290–1293; 23]. Харкорт поддержал своего коллегу по партии. «Если вы будете вовлечены в войну с могущественной европейской державой, война не будет ограничена Китаем или Кореей, или китайскими водами... Ее будет вести держава, которая имеет возможность послать неограниченные силы в Персию, Афганистан и к вашим индийским границам... В этом договоре вы поставили на карту мира будущее вашей Индийской империи», – заявил он. Также Харкорт высказал опасение в том, что союз с Японией вызвал для Великобритании большую опасность войны с двумя державами, подчеркнув при этом, что каждый знает какие именно государства имеются в виду – в первом случае, подразумевалась одна Россия, а во втором – Россия в союзе с Францией [20, col. 1300–1301; 23]. Следовательно, тезис об антирусской направленности заключенного альянса не вызывал сомнений у части либеральной оппозиции. Так, Кемпбелл-Баннерман завершил свою речь, обратившись к правительству с требованием: «Мы хотим быть в дружественных отношениях с Россией, в более дружественных отношениях в действительности, чем мы когда-либо до сих пор были. Мы хотим объединиться так прочно, как вы этого хотите с японцами, к которым в нашей стране существует глубокая симпатия. Но мы хотим быть уверенными в том, что для того, чтобы осуществить эти желаемые цели необходимы столь крупные и важные обязательства, как этот договор» [20, col. 1294; 2, с. 128–129]. А.Л. Гальперин указывает также на тот факт,

что депутат от либеральной партии Харкорт оказался единственным из всех выступивших в палате общин, кто среди прочих доводов против союза привел тот, что этот договор затрагивал интересы Китая и поставил вопрос об отношении этой страны к происходящему, заявив, что заключив этот союз с Японией, британское правительство, которое на словах ратует за «независимость и целостность Китая», по сути дела, «отказывает Китаю в том, что по праву ему принадлежит» [2, с. 164].

Прошедшие в британском парламенте дебаты отчетливо показали, что единства по вопросу союза с Японией среди либеральной оппозиции не существовало. Но, в целом, даже правая часть либералов – либералы-империалисты, благосклонно отнеслись к англо-японскому соглашению. На адресованные правящей партии вопросы и замечания лорд Ленсдаун и лорд Крэнборн «дали лишь весьма общие, а порою и довольно смутные и неясные объяснения, не шедшие дальше громких фраз о том, что пора бросить «предрассудки» вроде мнения о пользе для Англии «блестящей изолированности», ... старались намекнуть, ... что обязательства, принятые на себя Англией по отношению к возможному активным совместным действиям с Японией, останутся, в сущности, навсегда только «на бумаге», так как нет ни малейшей, даже самой отдаленной вероятности, что когда-либо наступят те условия, от которых поставлена в зависимость эта совместная активная деятельность обеих союзниц» [4]. Вскоре после того, как англо-японский договор получил одобрение в парламенте, министр колоний Дж. Чемберлен направил лорду Ленсдауну записку с поздравлениями, подчеркнув большую популярность, которую приобрел министр иностранных дел, совершив такой «переворот» во внешнеполитическом курсе страны. Объясняя же те негромкие голоса, которые были поданы против, Чемберлен заметил, что даже «архангел Гавриил не смог бы добиться этого, не потеряв нескольких перьев» [19].

Договор привлек внимание английской прессы. И консервативные, и либеральные газеты «одинаково приветствовали заключение соглашения, как весьма искусный дипломатический шаг маркиза Ленсдауна» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 64. Л. 71]. «The Times» приветствуя на своих страницах это соглашение, отмечала, что «новый трактат твердо провозглашая принципы, которых намерено держаться великобританское правительство, и против которых едва ли какая-либо держава имеет основание протестовать, будет способствовать удовлетворительному соглашению с Россией и поддержанию мира». В то же время, и «The Times» и другие газеты консерваторов высказывали мысль, что «держава, против действий которых соединились Англия и Япония – это Россия» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 64. Л. 71–72].

Наряду со многими похвальными статьями, в прессе появлялись и статьи совершенно иного характера. Многие газеты выражали серьезные опасения, как бы с этим договором лорд Солсбери не принес Англии вред вместо пользы» [6]. В материалах печатных изданий либерального толка, таких как «Daily News», «Westminster Gazette», высказывалось сожаление по поводу того, что правительство связало себя договором, содержалось утверждение, что «этот союз очень выгоден для Японии, но рискован для Англии» [7]. «Мы позволили вовлечь себя в такой союз, все преимуществу от которого, кажется, находятся на одной стороне», – писала «Daily News» [14]. По мнению же «Westminster Gazette», союзный договор производил впечатление «слишком поспешного ответа Англии на враждебность Европы» [9].

Как сообщал представитель русского посольства в Лондоне, «в противоположность отзывам ежедневной печати, в некоторых статьях периодических изданий заметен более трезвый взгляд» на англо-японский союз [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 64. Л. 101]. Но и толстые лондонские журналы, у корреспондентов которых, казалось, было гораздо больше времени, чтобы изучить, осмыслить договор, как указывает английский историк И. Ниш, на удивление нечасто помещали на своих страницах критические материалы о союзе. Только несколько журналов, такие как «Spectator» и «Monthly Review» отозвались о договоре недоброжелательно. «Spectator», продолжительное время выступавший за сближение с Россией, был действительно обеспокоен тем, что более тесные связи с Японией помешают улучшению англо-русских отношений и возложат на Англию дополнительные обязательства» [18, р. 226].

Отрицательную оценку получил договор в статье, которая была опубликована в мартовском номере журнала «The Fortnightly Review». Ее автор называл англо-японское соглашение «несвоевременным, ненужным, неравным и невыгодным» для Великобритании. «Договор, как никакой другой, невыгоден Англии. Все его преимущества – на стороне Японии...», – подчеркивал он [22, р. 373]. Но, примечательно, что негативный отзыв о подписанном соглашении соседствует в данной статье с одновременным признанием и положительных результатов, полученных Великобританией от союза. Так автор отмечает, что договор «предоставил Англии в лице Японии верного и надежного друга, на какое-то время укрепил позиции правительства, повысил престиж Великобритании». Обращает на себя внимание также следующая мысль, высказанная в данной статье: «Нельзя не заметить, что договор лорда Ленсдауна делает более легким достижение основных целей, которые заключаются в лишении России стратегического контроля за Транссибирской линией, в обеспечении в ультимативной форме возвращения Кореи Японии, в сохранении целостности Китая и обеспечения на определенное время мира на Дальнем Востоке» [22, р. 367]. В этом же номере журнала была помещена еще одна статья, автор которой писал: «Поворот в политике правительства, ознаменовавшийся заключением англо-японского союза, является... шагом в верном направлении. Это – смелый, оригинальный вклад в дело восстановления международного статус-кво в соответствии с новыми условиями мировой борьбы» [22, р. 392]. Авторы очерка, размещенного в журнале «The National Review», приветствовали договор и отметили, что подписанное соглашение находится в полном соответствии с «политикой совместного действия с Японией». По их мнению, именно такой курс должен привести к «прямому соглашению с Россией, ... которое может не ограничиться делами Дальнего Востока, а распространиться на Персию и миссию России на Балканском полуострове» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 64. Л. 128].

Явно во враждебном по отношению к России и, наоборот, восторженно хвалебном к Японии духе была выдержана статья Г. Бушби «Соглашение между Великобританией и Японией», размещенная в журнале «The Nineteenth Century And After». Автор опровергал утверждение о том, что соглашение «между островными империями Востока и Запада» было заключено британским правительством в спешке [12, р. 369], подробно излагал шаги, предпринятые политиками обеих стран в процессе подготовки и заключения альянса. Примечателен его вывод о том, что «этот

союз был столь же желанным, сколь и неизбежным» [12, р. 377] для договаривающихся сторон. «В темный час мы можем надеяться, что свет пришел к нам из Страны Восходящего Солнца...», – с пафосом завершал Г. Бушби свою статью [12, р. 382]. Надежду на то, что англо-японский договор окажется полезным в деле поддержания всеобщего мира выразил и корреспондент журнала «The Contemporary Review» А. Стэд [21, р. 445]. Он утверждал, что Япония давно мечтала о подобном договоре и считал, что само соглашение, стало достижимым исключительно потому, что этого желала Япония [21, р. 437]. Также, Стэд подчеркивал, что с точки зрения японцев, «договор, по своему существу, не является антирусским, а исключительно прояпонским» [21, р. 440].

Несмотря на то, что соглашение подверглось критике со стороны либеральной оппозиции в Палате общин британского парламента, в некоторых периодических изданиях, «страна в целом, практически единодушно, хотя и без особых эмоций, приняла это неожиданное для нее соглашение» [22, р. 367]. Как сообщал министру иностранных дел России Ламздорфу представитель русского посольства в Лондоне, «прения по поводу англо-японского соглашения отличались сдержанным и умеренным характером, как и большинство статей ему посвященных...» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 64. Л. 83]. Тревоги лорда Ленсдауна насчет того, как будет воспринят союз общественностью Великобритании и парламентом оказались напрасными, та критика, которой министр так опасался, в полный голос не прозвучала и он откровенно признавался в письме к Дж. Чемберлену, что и «представить себе не мог, что договор будет принят так хорошо» [18, р. 226]. Видимо, и все приветствовавшие, и все критиковавшие договор, осознавали огромную значимость союзнических отношений с Японией в деле продвижения британских интересов и осуществления английской политики на Дальнем Востоке.

В Японии правительственное сообщение о союзе с Великобританией было встречено с огромным ликованием. «Новый договор нашел самый теплый отклик у части японской общественности и особенно в политических и торговых кругах», – сообщал бельгийский посол в Японии Д'Анетан [15, р. 156]. «Этому нечего удивляться. Японцам льстит, главным образом, та мысль, что «настоящая великая держава» заключила с ними союз. Радуются они, конечно, и тому обстоятельству, что их государству, всегда бывшему совершенно изолированным, удалось приобрести себе союзника», – писала тогда газета «Петербургский листок» [6].

В телеграмме, полученной российским министерством иностранных дел 12 февраля 1902 г. из Токио сообщалось, что «японское правительство совершенно неожиданно объявило сегодня обеим палатам...» о подписанном соглашении [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 99. Л. 13.]. В верхней палате по поводу оформления союза с Великобританией выступил премьер-министр страны Т. Кацура. Заседание нижней палаты открылось кратким обращением к депутатам министра иностранных дел Дз. Комура. Представляя соглашение, министры указали, что «предмет настоящего союза имеет исключительно своей целью поддержание мира на Дальнем Востоке и защиту интересов Китая и Кореи» [3, с. 604], а также выразили уверенность, что данное соглашение «не может вызвать никакого возражения со стороны других держав, так как принцип «открытых дверей» и территориальной целостности и независимости Китая и Кореи признается всеми кабинетами» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 99. Л. 18.]. Сообщение

правительства «слушалось с глубоким вниманием» и «ознаменовалось изъяснение великого и всеобщего энтузиазма и удовлетворения, выразившихся в форме восторженных и продолжительных аплодисментов» в обеих палатах японского парламента. Правительственная оппозиция, которая состояла из разрозненных групп, не высказала своего несогласия. Более того, некоторые оппозиционные партии, как например, партия симпото (прогрессивная), провели в последующие дни митинги, где были приняты резолюции в поддержку договора с Великобританией [3, с. 604].

О своем отношении к союзу поспешили заявить многие политические и государственные деятели Японии. Так, договор полностью поддержали, занимавшие в разное время пост министра иностранных дел Като, Аоки, Окума. Первый заявил, что «настоящее соглашение представляет собой оборонительный и наступательный союз, основанный на доброй вере». Като полагал, что этим договором могут быть довольны не только Германия и Франция, но и Россия. Виконт Аоки, «одобряя союз, отметил, что Япония, поздравляя себя с успехом, должна еще больше прежнего стремиться к прогрессу на поприщах политики, торговли, промышленности и военном». И, подобно Като, подчеркнул, что у России «нет повода тревожиться». Граф Окума, глава партии симпото, «смотрел на союз, как на естественное следствие общности интересов и труда обеих держав». «Союз этот обладает громадной силой и будет в состоянии охранять спокойствие не только на Дальнем Востоке, но и во всем мире. Он будет чувствоваться всеми», – говорил Окума. Он также в довольно резкой форме высказался «против мысли, что соглашение обращено против России и Франции», заявив, что «союз преследует чисто мирные цели». Другой лидер партии прогрессистов Оиси, положительно оценивая договор, вместе с тем, отметил, что «заклучение соглашения увеличило трудность задачи Японии на Востоке, так как в случае необходимости воспрепятствовать агрессивному движению России», Япония, согласно условиям союза, «должна быть приготовлена встретить ее одной» [3, с. 641–642].

Несколько отличались от других мнения представителей политической партии сэйюкай («Общество политических друзей»). Так, один из ее лидеров – Одзаки, «уверяя, что он ничего не имеет против союза, подчеркивал, что в решении восточного вопроса не все зависит от Японии и Англии, необходимо, чтобы союз, включением в него России, стал тройственным». «Россия, – утверждал он, – не питает к Японии никаких враждебных чувств. Поэтому, если соглашение специально направлено против России, то на него нельзя смотреть благосклонно, так как оно настроит Россию враждебно против Японии» [3, с. 642]. Основатель партии маркиз Ито, которого в Японии считали наиболее прорусски настроенным, от ответа на вопрос об его отношении к союзу, сначала уклонился [3, с. 666], но позже в одном из интервью газете «Daily Mail», по-прежнему, оставаясь чрезвычайно сдержанным в оценках, «не скрыл своего удовольствия от заключения союза с Англией. И даже заявил при этом, что «считает союз драгоценным залогом мира и полагает, что он даст возможность в течение пяти лет Китаю спокойно совершить внутренние реформы, не боясь иностранного вмешательства» [5].

«Японское правительство обставило опубликование договора большой помпой, организовав шумные празднества, банкеты, иллюминации, уличные демонстрации и т. п.» [2, с. 136]. Так, 4 февраля 1902 г. в Токио состоялся банкет по случаю заключения англо-японского союзного договора. «В

этом торжестве приняли участие все японские министры и многие именитые сановники, а также английский посланник со свитой... Председатель верхней палаты герцог Каноз и посланник Макдональд произнесли торжественные речи. Кроме упомянутого банкета, за последнее время в Японии везде стали устраиваться подобные торжества...», – писала газета «Сибирская жизнь» [11]. Бельгийский посол Д^н Анетан также рассказывал в своих донесениях из Токио, что «политические клубы всех оттенков, торговые палаты и большинство различных ассоциаций выражали свою бурную радость посредством организации демонстраций, банкетов на которых произносились яркие хвалебные речи» [15, р. 156]. Студенты устроили факельное шествие, в котором приняли участие 1500 человек. Распевая специально сочиненную по этому случаю политическую песню, они «направились к британскому посольству, где их приветствовали британские агенты. Манифестации состоялись также у здания министерства иностранных дел» [15, р. 156–157; 10]. По случаю англо-японского договора министр-президент виконт Кацура был возведен в графское достоинство, министр иностранных дел Комура получил титул барона и ленту Восходящего Солнца; японский посланник в Лондоне Хаяши – титул виконта. Предполагалось, что английским министрам также будут пожалованы японские ордена...» [1. Ф. Канцелярия. Оп. 470. Д. 99. Л. 34].

Так же почти единодушно в пользу союза была настроена японская периодическая печать. Газеты и журналы помещали на своих страницах восторженные комментарии. Проправительственная «Джапан Таймс» «посвятила англо-японскому соглашению на другой же день после прочтения его в палатах парламента длинную передовую статью, громкую, звучную, ликующую, торжественную и самоуверенную». В ней отмечалось, что «союз означает новую эпоху, новый исходный пункт в японской национальной политике, которая до сих пор отличалась изолированностью и независимыми действиями». Кроме того, высказывалась мысль, что этот союз «будет служить могущественным фактором в деле направления хода событий на Дальнем Востоке» и поможет обеспечить мир в регионе [3, с. 606–608]. Ведущие японские издания, такие как «Дзидзи Симбун» и «Асахи Симбун» писали, что заключить союз с ведущей морской державой – это большая честь для Японии. «Кокумин Симбун», близкая к правительственным кругам, восхваляла союз, но подчеркивала, что японцам не следует беззаботно «почивать на лаврах», успокаиваться фальшивым ощущением безопасности, они должны продолжать работать над укреплением могущества своей страны. Эти и другие японские газеты считали, что англо-японский договор окажет благоприятное влияние на обстановку на Дальнем Востоке, что с его подписанием заметно увеличились возможности для сохранения мира в Восточной Азии [18, р. 226–227]. А вот орган политической партии сэйюкай газета «Цюо Симбун» высказывалась «по вопросу о соглашении очень холодно и даже доходила до резкого осуждения проявления чрезмерного восторга» [3, с. 613], выражаемого большей частью японцев, и советовала своим соотечественникам «не слишком увлекаться настоящим соглашением, а лучше спокойно пожинать лавры, на которые дает им законное право великий союз» [3, с. 610].

Таким образом, подписанный англо-японский союзный договор вызвал широкий отклик как в Великобритании, так и в Японии. Но, если японцы единодушно восторженно отнеслись к его заключению, и «известие о союзе вызвало волну ликования», то «на берегах Темзы реакция оказалась двойственной». Наряду с поздравлениями в адрес правящего

кабинета, в британском парламенте, в либеральной прессе «раздавались голоса скептиков, посчитавших договор несвоевременным и неоправданным отходом страны от прежней политики полной «свободы рук» в международных делах» [8, с. 174–175]. Критикующие содержание союзного договора обращали внимание также на тот факт, что соглашение носило антирусский характер, хотя его можно было рассматривать и как направленное против Китая и Кореи, а до известной степени, – и против Франции и Германии. Последовавшие за подписанием договора события подтвердили, что союз не только изменил соотношение сил на Дальнем Востоке и оказал влияние на взаимоотношения великих держав в Европе, но и сыграл определенную роль при подготовке Японии к войне с Россией.

Список литературы

1. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ).
2. Гальперин, А. Л. Англо-японский союз. 1902–1921 гг. – М.: Госполитиздат, 1947. – 448 с.
3. Известия Восточного института. – 1902. – Т. 3. Вып. 3.
4. Петербургская газета. – 1902. 4/17 февр.
5. Петербургский листок. – 1902. 5/18 февр.
6. Петербургский листок. – 1902. 6/19 февр.
7. Русские ведомости. – 1902. 4/17 февр.
8. Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 230 с.
9. Сибирская жизнь. – 1902. 14/27 февр.
10. Сибирская жизнь. – 1902. 16 февр./1 марта.
11. Сибирская жизнь. – 1902. 14/27 марта.
12. British Documents on the Origins of the War 1898–1914. ed. by G.P. Gooch and H. Temperly. Vol. 2. – London: His Majesty's Stationery Office, 1927–1929. – 430 p.
13. Bushby G. The Agreement Between Great Britain and Japan // The Nineteenth Century and After. – 1902. – Vol. 51. №31. – P. 369–382.
14. Daily News. – 1902. Febr. 13.
15. Lensen G. A. The D'Anethan Dispatches from Japan. 1894–1910. The Observation of Baron Albert D'Anethan. Tokyo: Tallahassi (Fla): Diplomatic Press, 1967. – 272 p.
16. Monger G. W. The End of Isolation. British Foreign Policy. 1900–1907. – L.: Nelson, 1963. – 343 p.
17. Newton Th. Lord Lansdown. A Biography. – L.: Macmillan and Co., 1929. – 536 p.
18. Nish I. The Anglo-Japanese Alliance. The Diplomacy of Two Island Empires. 1894–1907. – L.: Athlone Press, 1966. – 420 p.
19. Nish I. The First Anglo-Japanese Alliance Treaty // Anglo-Japanese Alliance. Discussion Paper. April 2002 [Electronic resource]. – Access mode: <http://sticerd.lse.ac.uk/dps/is/is432.pdf>
20. Parliamentary Debates (Hansard). – London. 1902. Ser. 4. Vol. 102.
21. Stead, A. The Anglo-Japanese Agreement from the Japanese point of View // The Contemporary Review. – 1902. – №17. – P. 437–445.
22. The Anglo-Japanese Alliance – and After // The Fortnightly Review. – 1902. – Vol. 71. №423. – P. 365–392.
23. The Times. – 1902. Febr. 14.

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Алексеева Наталия Юрьевна
аспирант

Петров Николай Аркадьевич
канд. ист. наук, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ОСВЕЩЕНИЕ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОРДВЫ И ЧУВАШЕЙ В ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: среднее Поволжье, являясь одним из полиэтнических и мультикультурных регионов нашей страны, дает уникальную возможность исследовать процессы формирования и развития межэтнических коммуникаций. Значительный интерес представляют взаимоотношения народов в этноконтактных зонах. В статье приведены результаты этнографических исследований, которые отражают общие и особенные черты в традиционной культуре народов в различных пространственно-временных рамках. Особое внимание уделено мордве, проживающей на территории Чувашии. Исследование позволило выявить и проанализировать элементы ее традиционной культуры, сложившиеся в следствие взаимодействия с чувашским этносом. Статья расширяет и дополняет сведения по этнографии народов в полиэтническом регионе.

Ключевые слова: мордва, чувашии, межкультурные коммуникации, материальная культура, межэтническое взаимодействие.

Актуальность исследования межэтнического взаимодействия обусловлена прежде всего тем, что в современных условиях сфера бытования традиционной обрядности постоянно сужается: многие ее элементы исчезают, появляются новые, сокращается число ее носителей. Глобализационные процессы, унификация культуры народов ставит перед этнографической наукой задачу сохранения этнокультурных традиций для будущих поколений. Также это важно для дальнейшего развития межэтнических коммуникаций. В последнее время возрос интерес к проблеме межэтнических взаимодействий, которая интересна не только с научной, но и практической точки зрения. Появились публикации с анализом чувашско-марийских и чувашско-удмуртских этнокультурных параллелей. Чуваши и мордва, как и другие народы Среднего Поволжья, имеют тесные этнокультурные связи с древнейших времен, о чем свидетельствуют данные археологии и этнографии [5, с. 34]. Надеемся, что данное исследование внесет свою лепту в научную разработку чувашско-мордовских этнокультурных связей и позволит наметить перспективы дальнейших изысканий.

Отдельные вопросы чувашско-мордовских взаимодействий давно привлекали внимание исследователей. Так, еще Б. Мункачи отмечал наличие в мордовском языке значительного числа тюркских заимствований [11]. На параллели в культурах мордвы и чувашей обратил внимание просветитель мордовского народа М.Е. Евсевьев [5, с. 127]. Собранные им документы, фотографии отражают общие черты в их традициях. На сходство женских головных уборов у мордвы и волжских болгар указывали этнографы С.П. Толстов и М.Т. Маркелов, что, по их мнению, проливает свет на взаимодействие финских племен с тюркоязычными соседями, что следует учитывать при рассмотрении вопросов этногенеза мордвы [7; 15].

Глубокий анализ по изучению этнокультурных взаимодействий народов Поволжья представлен в трудах В.Н. Белицер. Она отмечала, что мордва и народы, живущие на территории Среднего Поволжья и Прикамья – русские, татары, башкиры, марийцы и удмурты – имеют много общего в семейном быту, занятиях, материальной и духовной культуре [3, с. 194].

Необходимо признать научную ценность трудов А.Х. Халикова. Он, в частности, писал: «Немалую роль в этнической консолидации финно-угорских народов Волго-Камья, в том числе и мордовского народа, сыграло взаимодействие их предков с тюркоязычными племенами. Весьма плодотворными эти контакты оказались и для тюркоязычных племен, в культуре современных потомков которых – казанских татар и башкир – очень отчетливы финно-угорские элементы, а в культуре чувашей они преобладают» [17, с. 159].

Интересный материал о чувашско-мордовских связях содержится в статье мордовского этнографа Н.Ф. Мокшина «Чувашский и татарский этносы в этнонимии мордвы» [9, с. 91]. Он считает, что в источнике «Слово о погибели Русской земли» чувашаи выступают под именем *веда*. Мордва чувашей до сих пор называет *ветке, ветьке*. Н.Ф. Мокшин считает, что название русскими чувашей *веда* ими взято у мордвы. В свою очередь, соседствовавшие с эрзей чувашаи всю мордву называли *ирсе*. Этнограф отмечает уважительное отношение соседних народов друг к другу.

Одежда – один из устойчивых элементов национальной культуры. В форме, отделке и способах ношения хранятся следы прошлого, отражаются эстетические вкусы народа и указываются культурные и исторические связи между народами [2, с. 138]. Анализ мордовского народного костюма в сопоставлении с одеждой, характерной для других народов Поволжья – марийцев, удмуртов, чувашей и т. п. позволяет отметить наличие значительного количества общих черт. Сходство хозяйственно-географических условий в значительной степени определило у них материал для одежды и способы его обработки. Об этих общих чертах в одежде волжских народов лесной полосы имеются неоднократные упоминания в этнографической литературе у ряда исследователей.

В качестве типичных общих признаков комплекса национальной одежды исследователи в первую очередь указывают на отсутствие в женском костюме верхнего поясного одеяния типа юбки или паневы и на наличие взамен ее холщевой белой рубахи туникообразного покроя. Эта основная часть костюма является обычно богато орнаментированной и

совмещает функцию нательной и верхней одежды, заменяющей платье. Она чаще всего сочетается также с распашной одеждой туникообразного покроя, типа *шушпана*. Плечевая одежда, как правило, стягивается поясом и нередко имеет целый набор поясных украшений (подвесок, кистей, полотенец) [6, с. 39].

Аналогии обобщенного типа, которые неоднократно приводятся в литературе, касаются также головных уборов и обуви, типичных для ряда волжских народов. При всем многообразии головных уборов можно группировать их по типам, на которые и делаются ссылки при сравнении. Женские головные уборы чрезвычайно разнообразны по форме, материалу, способу украшений, принадлежности [1, с. 17]. Значительную группу среди них составляют высокие каркасные головные уборы на твердой основе. Это так называемые *панго*, головные уборы мордвы-эрзя. Среди них имеются и рогообразные, и конусообразные, и цилиндрические, и в форме усеченного конуса и т. п. Головной убор этот дополнялся вышитым платком, который накидывался сверху. Это своеобразное «покрывало» соответствовало головным полотенцам, прикрепленным к мордовскому головному убору. Таким образом, аналогия в смысле формы, материала и составных частей была полная. Типичной и характерной для волжских народов обувью считается лыковая (лапти, ступни), надеваемая с шерстяными или холщевыми онучами [19, с. 476].

Такая суммарная сравнительная характеристика одежды волжских народов может иметь смысл при сопоставлениях в общем плане. Но для того, чтобы определить черты общности между двумя конкретными народами (в данном случае между мордвой и чувашами), необходимо при сравнительном анализе, помимо типологических признаков, рассмотреть соответствующим образом и национальные особенности, локальные отличия в их культуре, обратив внимание и на отдельные детали [10, с. 193]. Локальные отличия зачастую могут служить ключом к решению вопроса о компонентах тех или иных этнических образований. В одежде мордвы эти локальные отличия проступают весьма отчетливо. Особенно это касается субэтносов мордвы – эрзя и мокша, в национальном костюме которых имеются существенные различия, как, впрочем, это наблюдается у этнографических групп чувашей – верховых и низовых. Исследователи обращают внимание на более тесные связи с чувашами мордвы-эрзя, значительная группа которых проживает на территории Чувашской Республики и владеет чувашским языком. Сравнительное изучение культуры и быта мордвы-эрзя и чувашей даст дополнительный материал для углубления изучаемой темы.

Параллели обнаруживаются в украшениях мордвы и чувашей. Прежде всего это касается нагрудных украшений. Большое их количество характерно как для мордовского, так и чувашского костюмов. Для их изготовления использовали самые разнообразные материалы. Чувашки предпочтительно отдавали серебряным монетам, бисеру, раковинам-каури, бляшкам. Мордовские девушки и женщины также для украшений использовали медные пуговицы, стеклярус, носили бусы, медные цепочки, жетоны и даже бубенчики [12, с. 291]. Интересный материал по украшениям дают чувашские

средневековые могильники в Нижнем Присурье. В составе чувашских украшений присутствуют элементы мордовской культуры [16, с. 104–105].

Духовной культуре мордвы и чувашей также свойственна большая общность. Прежде всего она прослеживается в семейных обрядах, особенно в свадебных [18, с. 65]. Идентичны приемы сватовства, определения размеров выкупа – калыма, обряды прощания невесты с девичеством, с родителями и родными, обряды, связанные с проводами невесты, со встречей ее в доме жениха и другие. Особенно привлекают внимание этнографов параллели, имевшие место в обрядах прощания невесты с девичеством, родителями и родными. Параллели в религиозных верованиях мордвы и чувашей рассматривались в работах Н.Ф. Мокшина [8], Е.Н. Мокшиной [10], П.В. Денисова [4], Л.А. Таймасова [13–14].

Таким образом, в этнографической литературе найдено отражение историческая обусловленность этнокультурных взаимодействий чувашей и мордвы. Этнографы отмечали наиболее общие черты в их материальной и духовной культуре. Процесс сближения и обогащения культуры мордовского и чувашского народов, начавшийся с древнейших времен, продолжался и в течение последующего периода истории. Прогрессивные традиции одного из них становились достоянием другого. В настоящее время необходимо продолжить исследование этнокультурных взаимосвязей мордвы и чувашей для сохранения и развития межэтнических коммуникаций.

Список литературы

1. Алексеева Н.Ю. Отражение взаимодействия мордвы и чувашей в этнографической литературе / Н.Ю. Алексеева // Вестник Чувашского университета. – 2021. – №2. – С. 11–21.
2. Алексеева Н.Ю. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) / Н.Ю. Алексеева // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения Петра Владимировича Денисова (Чебоксары, 28–29 сентября 2018 года) / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2018. – С. 136–140.
3. Белицер В.Н. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) / В.Н. Белицер // Краеведение Мордовии: материалы I Морд. краеведческой конф. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1973. – С. 189–197.
4. Денисов П.В. Религиозные верования чуваш (историко-этнографические очерки) / П.В. Денисов. – Чебоксары: Чувашское государственное издательство, 1959. – 408 с.
5. Евсеев М.Е. Мордовская свадьба / М.Е. Евсеев; предисл. В.И. Беззубова. – 2-е изд. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1959. – 271 с.
6. Корнишина Г.А. Обрядовая культура мордвы в отечественной историографии / Г.А. Корнишина // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. – 2014. – №2(26). – С. 32–40.
7. Маркелов М.Т. Саратовская мордва: Этнографические материалы / М.Т. Маркелов // Саратовский этнографический сборник. – Саратов, 1922. – С. 51–238.
8. Мокшин Н.Ф. Религиозные верования мордвы / Н.Ф. Мокшин. – Саранск: Морд. Кн. Изд-во, 1998. – 248 с.
9. Мокшин Н.Ф. Чувашский и татарский этносы в этнонимии мордвы / Н.Ф. Мокшин // Краеведческие записки. – 2013. №20. – С. 90–95.
10. Мокшина Е.Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX – начале XXI века / Е.Н. Мокшина. – Саранск, 2006. – 248 с.
11. Мункачи Б. Вотьянские народные обычаи и поэзия / Б. Мункачи; под редакцией Д.Р. Фукса. – Хельсинки, 1952. – С. 67–75.

12. Поляков О.Е. Мордва и чуваш: взаимоотношения народов – взаимоотношения культур и языков / О.Е. Поляков // Вестник Чувашского университета. – 2017. №2. – С. 289–295.

13. Таймасов Л.А. Опыт христианского просвещения нерусского крестьянства Среднего Поволжья в первой половине XIX в. / Л.А. Таймасов // Проблемы аграрной истории и крестьянства Среднего Поволжья. – Йошкар-Ола, 2002. – С. 127–136.

14. Таймасов Л.А. Православная церковь и христианское просвещение народов Среднего Поволжья во второй половине XIX – начале XX века / Л.А. Таймасов. – Чебоксары: Чуваш кн. изд-во, 2004. – 524 с.

15. Толстов С.П. Основные теоретические проблемы современной советской этнографии / С.П. Толстов // Советская этнография. – 1960. – №6. – С. 128–134.

16. Федулов М.И. Особенности погребального обряда нижнесурских могильников чувашей / М.И. Федулов, В.П. Иванов, П.В. Денисов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары. – 2012. – №2. – С. 103–107.

17. Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии / А.Х. Халиков // Этногенез мордовского народа: материалы науч. сессии. – Саранск: Морд. кн. изд-во, 1965. – С. 152–167.

18. Юстус Т.В. Мордовский культурный центр Чувашской Республики. Сохранение национальной идентичности мордвы, воспитание гражданского патриотизма / Т.В. Юстус // Центр и периферия. – 2019. №3. – С. 63–69.

19. Ягафова Е.А. Мордва в межэтнических взаимодействиях в Самарском Заволжье / Е.А. Ягафова // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. – Ижевск: Изд-во Анны Зелениной, 2019. – С. 473–477.

Горячева Юлия Сергеевна

студентка

ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых»
г. Владимир, Владимирская область

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПРОЕКТИРОВАНИЮ АРХЕОЛОГО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ПАРКОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

***Аннотация:** в статье рассмотрены проблемы сохранения, охраны и популяризации историко-культурного наследия России. В качестве основного способа их решения предложено строительство археолого-этнографических парковых комплексов. Проведено исследование структуры пространства похожих объектов, разработан комплексный подход к проектированию. Определено понятие «Археолого-этнографический парк», предложена классификация организации пространственной планировки парковых комплексов и показатели, по которым они различаются.*

***Ключевые слова:** архитектурно-ландшафтная организация, археолого-этнографический парковый комплекс, археологический парк, историко-культурные ценности, виды музеефикации.*

Актуальной современной проблемой является сохранение историко-культурного наследия и культурного просвещения населения. Н.М. Булатов обозначает, что одним из направлений такой популяризации является формирование общественных пространств, включающих обра-

зовательные функции. Так, проектирование и строительство археолого-этнографических парковых комплексов повышают интерес к археологическим исследованиям [1].

Предметом представленного исследования является архитектурно-ландшафтная организация археолого-этнографических парковых комплексов.

Цель исследования – выявление структуры пространства археолого-этнографических парковых комплексов и определение условий комплексного подхода к их формированию с учетом специфики взаимосвязи с человеком и ландшафтом.

Как отмечает Н.В. Лопатин, в специализированной литературе отсутствует определение археологического парка. На основании анализа и обобщения современного опыта проектирования и строительства археолого-этнографических парковых комплексов в зарубежных странах и России, сформулировано понятие археолого-этнографического парка, соединяющего в себе функции культурного просвещения населения, отдыха на природе, музеефикацию историко-культурных ценностей, а также реконструкцию археологических памятников и их исследование [2].

И.А. Лысенко разделяет археолого-этнографические парки по типам организации и планировки пространства. Выделяет парковые комплексы, где историческая часть сосредоточена внутри одного здания, а территория вокруг является дополнительным фактором. Противоположностью этого типа определяет комплекс под открытым небом с полномасштабной или миниатюрной исторической реконструкцией. Отдаленным типом археолого-этнографического паркового пространства отмечает комплексы, имеющие в основе историческую тематику. Основой данных парковых пространств является наличие исторически значимых объектов археологического и культурного наследия. Показатели, по которым классифицируются данные парки это площадь парка, количество архитектурных объектов, историко-культурный ландшафт и виды музеефикации [4].

При изучении схожих парков были выделены основные условия проектирования (Рис. 1). Это необходимость в развитой инфраструктуре – удобная транспортная сеть, обеспечивающая легкий доступ к объекту. Наличие информационно организационной структуры – лекционные пространства, музейные залы, организация экскурсий. Обеспечение комфортабельного пребывания туристов – жилые комплексы, зоны рекреации, определенные инженерно-технические системы для поддержания сооружений на территории комплекса. Многофункциональная историческая деятельность на территории комплекса – раскопки, экспедиции, музеефикация памятников истории, обслуживание экспозиции. Минимальное вмешательство в пространство исторического ландшафта, сохранение экологического благополучия территории. Создание безопасной среды на территории паркового комплекса с учетом инклюзивной среды для людей с ограниченными возможностями.

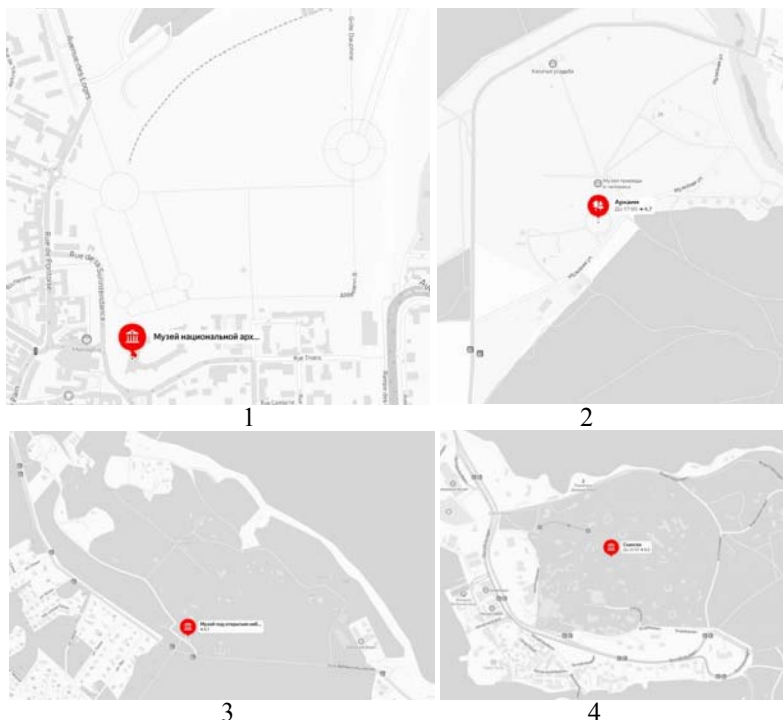

Рис. 1. Анализ территории схожих парковых пространств:
1 – «Алезия» – музейный и археологический парк,
2 – Челябинский государственный историко-культурный заповедник – «Аркаим», 3 – Эстонский музей под открытым небом,
4 – парк «Скансен».

Люди в первую очередь изучают и сравнивают мир визуально, основываясь на объёмно-пространственных формах, взаимодействуя с предметами по разным сценариям, утверждает А.В. Степанов. Для проектирования гармоничного цельного паркового пространства из большого количества искусственных и естественных форм необходимо точно разработать сценарии взаимодействия внешних и внутренних связей. Учитывать зонирование территории, маршруты перемещения к экспонатам, прогулочные зоны и не пренебрегать существующими системами водоемов и озеленения [6].

Из анализа аналогов были выявлены основные функциональные зоны археолого-этнографического парка: входная, экспозиционная, рекреационная и хозяйственная. Входная зона достаточно удалена от основной экспозиции комплекса для ее формирования используются малые архитектурные формы и информационные экспозиции. Так же входная зона включается в себя зоны стоянки для автомобилей. Основной зоной комплекса является экспозиционная зона. Для этой зоны наиболее характерна

планировочная структура с использованием природных ресурсов рельефа с учетом исторических объектов территории. Рекреационная зона предназначена для отдыха после осмотра экспозиции и может совмещаться с входной и экспозиционной зоной в случае ограниченной площади местности или же располагаться отдельно от существующих зон. Хозяйственная зона предназначена для размещения технических помещений и равно удалена от других зон парка. В «Ландшафт и архитектура» Д.О. Саймондса выделяется тенденция отказа от выделения отдельной хозяйственной зоны и расположение инженерных служб на цокольных этажах существующих зданий [5].

В заключении стоит отметить, что в процессе анализа парковых пространств выделены основные условия формирования комплексного подхода проектирования археолого-этнографического парка. Проектирование археолого-этнографического паркового комплекса должно максимально учитывать существующие природные особенности местности, климат, рельеф, растительность и исторические объекты. Необходимо произвести всестороннюю предварительную оценку состояния, а также возможностей изменения местности при проектировании отдельных зон, что в соответствии со СП 475.1325800.2020 «Парки» является обязательным условием для правильной организации паркового проектирования. Архитектурно-этнографический парк является одной из форм сохранения историко-культурного наследия, способствует популяризации достижений науки и формирует интерес и уважение к истории общества.

Список литературы

1. Булатов Н.М. Проблемы музеефикации археологических памятников. Археологический фактор в планировочной организации территории / Н.М. Булатов. – М., 2006. – 220 с.
2. Лопатин Н.В. Археологический парк, как форма сохранения, изучения и популяризации объекта культурного наследия (на примере городища) / Н.В. Лопатин, А.В. Михайлов, Е.А. Яковлева // Вестник Псковского государственного университета. – №2. – 2013. – 312 с.
3. Лысенко И.А. Элементы паркового ландшафта, садово-парковые композиции / И.А. Лысенко [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://landscape.totalarch.com/fundamentals_landscape_composition
4. Митрофанов Э. «Большой юбилей» ЮНЕСКО / Э. Митрофанов // Международная жизнь. – 2011. – №1. – С. 107–124.
5. Саймондс Д.О. Ландшафт и архитектура / Д.О. Саймондс; под науч. ред. Л.С. Залеской, при участии Е.М. Микулиной. – М.: Мосин, 2016. – 193 с.
6. Степанов А.В. Объемно-пространственная композиция в архитектуре / А.В. Степанов. – Архитектура-С, 2012. – 256 с.
7. Электронный фонд правовых нормативно-технических документов. СП 475.1325800.2020 Парки. Правила градостроительного проектирования и благоустройства [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/564612858/titles/KKUKQN>

Дмитриева Инга Валерьевна
старший преподаватель

Петров Николай Аркадьевич
канд. ист. наук, заведующий кафедрой

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ИЗМЕНЕНИЯ ТРАДИЦИОННОЙ ДЕТСКОЙ ОДЕЖДЫ ЧУВАШЕЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВЫХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XXI в.

***Аннотация:** традиционная одежда является важнейшей составляющей жизни человека и общества. В этнографии детства одежда являлась обязательным атрибутом в обрядности. Традиционная детская одежда в настоящее время не используется в повседневной жизни, однако она широко представлена в ряде культурно-массовых мероприятий, проводимых в регионе. В работе предпринята попытка проследить основные изменения в традиционной детской одежде чувашей.*

***Ключевые слова:** этнография детства, обряд, чувашки, традиционная одежда, чувашская вышивка.*

Одежда, как известно, является одним из ярких и устойчивых компонентов материальной культуры этноса. Она создавалась в течение многих веков, в одежде отражены эстетические вкусы, духовные ценности, мировоззрение и миропонимание, которые складывались на разных этапах этнической истории народа. Традиционная одежда является важнейшей составляющей жизни человека и общества.

В работе предпринята попытка проследить основные изменения в традиционной детской одежде чувашей. Необходимо отметить, что данная проблема в чувашской и отечественной этнографии специально не рассматривалась, отдельные вопросы отражены в трудах российских исследователей О.В. Егоровой [3–8], И.Г. Петрова [9], П.П. Фокина [13].

В этнографии детства одежда являлась обязательным атрибутом в обрядности. П.П. Фокин, отмечает, что в ряде обрядов детства у чувашей неизменным атрибутом является одежда (включая белье) или ее отдельные компоненты – отрез домотканого полотна, рубашка, чепчик, пуговицы, раковины каури, нательный крест [13]. Чувашки, как и другие народы Волго-Уралья, не готовили одежду заранее, до рождения ребенка, поскольку считали, что это может привести к его преждевременной смерти. Вплоть до развития профессионального родовспоможения и открытия акушерских пунктов детская смертность, особенно в течение первого года жизни была высокой, поэтому чувашки старались всеми возможными способами сохранить жизнь младенцу, эти мероприятия носили как рациональный, так и иррациональный характер [3].

До настоящего времени сохраняется обычай приобретения одежды только после рождения. Отметим, что благодаря высокому уровню развития медицины, эта традиция носит местечковый характер. В настоящее время будущие родители стараются совместно приобрести одежду на выпуск ребенку [2]. Ушли в прошлое обряды первого пеленания ребенка в отцовскую одежду с целью надления его здоровьем. Изменился состав

тканей для изготовления детской одежды, от льняного холста, домотканого сукна, войлока, кожи перешли к общедоступным фабричным тканям.

Несмотря на изменение состава тканей, сохраняется типология одежды: чепчики, носки, штаны. Однако появились их вариации по длине рукава, наличию застежек, и другим дополнительным элементам: ползунки, боди, слипы, песочники.

В традиционной культуре чувашей в самом юном возрасте, когда малыш вырастал из пеленок, его переодевали в рубашку одинакового покроя для детей обоего пола. Причем в крестьянской семье она шилась на вырост, но так, чтобы ребенок мог в ней свободно ползать, передвигаться, играть. Подобную одежду дети носили примерно с одного года до двух–трех лет. Отметим, что и в четырех–пятилетнем возрасте, одежда мальчиков и девочек была почти одинаковой.

Традиционная детская одежда вышла из употребления в 50-е г. XX века. Известный российский этнограф П.В. Денисов отмечал, что «в середине XX в. характерной особенностью одежды у чувашей является изготовление ее в большинстве случаев из тканей фабричного производства, как хлопчатобумажных, так шерстяных и шелковых, а также широкое распространение готового платья и обуви» [1]. Данное явление учёный объясняет тем, что ткани фабричного изготовления и готовое платье стали теперь доступны рядовому жителю Чувашии. Во второй половине XIX – начале XX вв. чувашаи, испытывая острую нужду в тканях для изготовления одежды, приобретали их в весьма ограниченном количестве, так как мизерный доход крестьянина шёл на оплату налогов, займов, покупку основных орудий производства. Ситуация начинает меняться после революции. С проникновением в обиход фабричных тканей начинают меняться и фасоны самой одежды. Многие сельские жители во второй половине XX века стали переезжать в город. Сельские жители стали больше сталкиваться с городской культурой, что привело к трансформации национальной одежды. Детский традиционный костюм во многом копировал одежду взрослых.

Вместо лаптей дети начинают носить фабричные сандалии, сапоги, ботиночки. В зимнее время популярными были валенки с галошами, которые приобретались как у местных валяльщиков, так и в магазине. Некоторые информаторы отмечали, что валенки требовали тщательного ухода, их часто поела моль [10]. Фабричные валенки, несмотря на жесткость, были удобны для хранения, их обрабатывали специальным составом и на них не оседала моль, но они были жестковаты.

Серьезные изменения во внешнем облике ребенка происходят со второй половины XX века. Постепенно стали создаваться целые индустрии советской детской одежды, занимающиеся от подбора тканей до анализа физиологических особенностей детей. Удобная и красивая детская одежда позволяла также развивать эстетический вкус ребенка с ранних лет жизни. Советские производители старались учитывать множество нюансов – от восприятия цвета ребенком до особенностей возрастной анатомии. Одежда советского ребенка была не столько модной, а сколько комфортной и удобной, соответствовала требованиям эргономики.

Согласно советскому ГОСТу, детская одежда должна была отвечать определенному комплексу требований художественного, утилитарно-практического и гигиенического характера. Утилитарно-практические требования к одежде для детей заключались в том, что она должна была быть удобной и практичной. Экономическая сторона одежды для советских детей была важна в связи с тем, что дети быстро изнашивали одежду и быстро из нее вырастали. Поэтому рекомендовалось использовать

недорогие ткани и отделочные материалы. Придать детской одежде художественную выразительность позволяло ее декоративное оформление, особенностью чувашской одежды была вышивка.

С 70-х годов XX века все большее распространение в Чувашии стала получать машинная вышивка. Большой популярностью пользовались изделия, изготовленные на Альгешевской фабрике «Паха тёрё». Филиалы данного предприятия были открыты во многих районах республики. Чувашская вышивка украшала как взрослую одежду, так и детскую. Детская одежда в 1990-е г. стала более разнообразной. В 1960–1980-х гг. деятельность заслуженной художницы РСФСР Е.И. Ефремовой была направлена на сохранение традиций чувашской вышивки, возрождение её на профессиональной основе, в промысловой фирме.

В настоящее время ООО «Паха тёрё», фирма художественных промыслов активно продолжает сохранять традиции чувашской вышивки. В 2020 г. сотрудники участвовали в акции «Рожденные в вышивке», изготовили «обережные» узоры и орнаменты на распашонках для новорожденных. Данные подарки получили дети, рожденные 26 ноября – в день чувашской вышивки. Главный врач Новочебоксарского медицинского центра подчеркнул, что «первая распашонка с вышивкой останется и будет напоминать ему о родине, о связи с этой землей» [12]. Вручая детям подарки, члены администрации БУ «Президентский перинатальный центр» Минздрава Чувашии пожелали, что «обереги, которые вышиты на распашонках, будут оберегать наших детей с момента рождения в течение всей жизни» [11]. Данное нововведение было инициировано Главой Чувашии Олегом Николаевым и поддержано общественностью.

В традиционной культуре рубашку ребенку надевали через шесть недель или спустя 40 дней после рождения. До этого времени в основном придерживались обычая пеленания ребенка. Одевание сопровождалось словами: «Будь счастлив!». К этому знаменательному дню мать ребенка тщательно готовилась, приглашала родителей своих и супруга [5]. В настоящее время первое одевание происходит во время выписки из роддома. К этому событию часто приглашаются старшие родственники новорожденного, родители получают поздравления.

Повседневная детская одежда утратила национальные этнические элементы. Традиционный стиль, орнамент содержит лишь праздничная одежда и сценический костюм, который представлен на детских утренниках и других праздничных мероприятиях.

Список литературы

1. Денисов П.В. Национальная одежда низовых чуваш южных районов Чувашской АССР // УЗ ЧНИИ. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1955. – Вып. XI. – С. 211.
2. Дмитриева И.В. К вопросу о трансформации института отцовства в современной чувашской семье // Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.: сб. матер. онлайн-конференции, Чебоксары, 14 марта 2017 года / редкол.: О.В. Егорова. – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 48–54.
3. Егорова О.В. Этнография детства чувашей по данным автобиографий / О.В. Егорова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2009. – №93. – С. 21–28.
4. Егорова О.В. Трансформация традиционной детской одежды чувашей // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рождения П.В. Денисова (Чебоксары, 28–29 сентября 2018 года) / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Среда, 2018. – С. 163–167.
5. Егорова О.В. Традиционная детская одежда чувашей // Традиционная культура. – 2012. – №4 (48). – С. 50–55.

6. Егорова, О.В. Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв. (традиционная родильная обрядность и социализация ребенка): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2010. – 538 с.

7. Егорова О.В. Этнография детства чувашского крестьянства 07.00.07 во второй половине XIX – начале XX в. (обычай, обряды, традиции): специальность 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 25 с.

8. Егорова О.В. Музейные коллекции предметов Чувашской детской культуры: анализ и новые подходы в представлении материалов / О.В. Егорова, И.В. Дмитриева // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2020. – Т. 30. №4. – С. 649–654. – DOI 10.35634/2412-9534-2020-30-4-649-654.

9. Петров И.Г. Одежда в семейных обычаях и обрядах чувашей (XIX – начало XX века). – Уфа: Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия», 2018. – 296 с. – ISBN 978-5-88185-431-7.

10. ПМА. 2020. Ядринский р-н, д. Кукушумы, Маркова Н.А. (1951 г.р.)

11. «Рожденные в вышивке»: Новорожденным в Чувашии дарят распашонки с национальными орнаментами [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/262870365>

12. Сергеев А. Рожденные в вышивке [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://medicin.cap.ru/news/2020/11/28/rozhdennie-v-vishivke>

13. Фокин П.П. Рубашка-оберег младенца // Этнология религии чувашей: сб. науч. тр. – Вып. 1. – Чебоксары, 2003. – С. 59–64.

Ласточкин Вячеслав Борисович

канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

ДУХОВНОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЯХ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО И И.Я. ЯКОВЛЕВА (К 200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.И. ИЛЬМИНСКОГО)

***Аннотация:** в статье рассмотрена тема деятельности видного русского ученого-тюрколога, члена-корреспондента Академии наук России Николая Ивановича Ильминского (1822–1891) в области духовного просвещения народов Поволжья и Приуралья и его влияния на формирование мировоззрения, гуманистических педагогических идей и практическую просветительскую деятельность И.Я. Яковлева.*

***Ключевые слова:** Н.Н. Ильминский, И.Я. Яковлев, духовное просвещение, православная этика, миссионерская деятельность, народы Поволжья и Приуралья, Братство святого Гурия.*

Николай Иванович Ильминский, 200-летие со дня рождения которого общественность Чувашии отмечает 5 мая текущего года, внес выдающийся вклад в просвещение народов не только Чувашии, но и всего Поволжья и Приуралья, разработал и успешно внедрил новаторскую систему обучения и воспитания молодежи на родных языках разных народов.

Выпускник Пензенской духовной семинарии и Казанской духовной академии, он много лет работал в тесном контакте с рядом учеников и

сподвижников нашего великого земляка Н.Я. Бичурина в Казанской духовной академии, готовившей кадры миссионеров Русской православной церкви, и в Казанском университете. Член-корреспондент Академии наук, действительный статский советник, профессор Казанского университета Н.И. Ильминский стал инициатором и организатором открытия в Казани учебных заведений нового типа: в 1863 г. – центральной крещено-татарской школы, в 1872 г. – Инородческой учительской семинарии, директором которой был на протяжении многих лет. Опыт работы этих инновационных образовательных учреждений воспринял, осмыслил и творчески развил Иван Яковлевич Яковлев.

Созданная Ильминским система христианского духовного просвещения оказала могучее благородное влияние на развитие школьного дела в юго-восточных губерниях европейской части России, значительную часть населения которых составляли компактно проживавшие там татары, башкиры, чувашаи, удмурты, марийцы, мордва, казахи. Эта система распространяла своё влияние равным образом на этносы с преимущественным исповеданием как христианства, так и ислама. По оценке исследовательницы биографии и педагогической мысли Ильминского А.Н. Павловой, она «представляла собой широкомасштабную судьбоносную реформу, не уступающую по своему историческому значению другим реформам шестидесятих – семидесятих годов XIX века. Осуществление системы Н.И. Ильминского явилось эпохальным событием в истории ряда восточных районов России» [7, с. 18]. Значительное ускорение получил начинавшийся тогда процесс формирования новых национальных отрядов российской интеллигенции.

Возглавляемая Николаем Ивановичем Ильминским Казанская крещено-татарская школа, значительная часть выпускников которой успешно трудилась на педагогическом поприще в национальных школах, с первых же дней своей истории стала носителем и хранительницей своего особого корпоративного духа – прогрессивных традиций: «Здесь совместно обучались дети различных национальностей, поступившие в школу согласно собственному желанию, – русские, татары, удмурты, марийцы и т. д., которые овладевшие татарским и русским языками, что способствовало их общению, а в дальнейшем плодотворной деятельности на профессиональном и общественном поприще. Связь, взаимодействие педагогов школы с ее выпускниками продолжались и после того, как они приступили к началу самостоятельной деятельности» [7, с. 121–122]. В дальнейшем эти же традиции, прежде всего совместное обучение юношей и девушек разных национальностей на русском и родном – чувашском языках были восприняты и продолжены сетью яковлевских школ.

Н.И. Ильминский был также одним из авторитетных руководителей и вдохновителей разносторонней просветительской деятельности казанского Братства святого Гурия, развернутой прежде всего через сеть миссионерских школ. В Чувашии центром такой деятельности стала двухклассная миссионерская чувашская центральная школа Братства святого Гурия в с. Ишаки Козьмодемьянского уезда, выпустившая за восемь лет 154 учителя. К 1900 г. число школ Братства в четырех уездах с компактно живущими чувашским населением достигло 50 [8, с. 84; 88]. Эти школы играли конструктивную роль в просвещении чувашей, в приобщении их к сокровищнице русской культуры и формировании и развитии собственной чувашской демократической этнокультуры. Это способствовало

росту личностного авторитета и самого Ильминского в глазах чувашского народа и особенно зарождавшейся чувашской национальной интеллигенции. Исследовательница данной темы А.Р. Колосова выявила многочисленные конкретные факты, подтверждающие, что чувашская народная интеллигенция, ее демократические круги, чувашский народ в целом отнеслись к Николаю Ивановичу с глубоким уважением и искренней человеческой благодарностью» [3, с. 114].

Такое отношение всецело разделял и ученик Ильминского, верный продолжатель дела его жизни – И.Я. Яковлев, великий просветитель чувашского народа, считавший Ильминского идеалом русского человека, воплотившим все лучшие духовно-нравственные качества русской нации: «Верьте в Россию, любите её, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой, да послужит бессмертное имя моего учителя Николая Ивановича Ильминского, олицетворяющего для меня все величие и красоту русского народного характера» [11, с. 2]. В книге воспоминаний И.Я. Яковлев посвятил ему особую обширную главу «Мой учитель», в которой писал: «У Ильминского, как у всякого человека, были свои недостатки, но все это было ничто в сравнении с его высокими нравственными, духовными, умственными качествами» [19, с. 217]. А.П. Хузангай в посвященном Ильминскому биографическом очерке «Апостол просвещения» приводит такое мнение И.Я. Яковлева о нем: «Этот подвижник, апостол просвещения темных иногородческих масс светом учения Христова, этот патриот, так любивший свою родину, и меня научил следовать своему авторитетному примеру: если я сделал что-либо для родного мне чувашского народа, это лишь потому, что не отрывал себя от чувашского дела» [9, с. 186].

Верность христианскому духовному просвещению, понимание его насущной необходимости, готовность и решимость самоотверженно трудиться ради этого дела – вот что объединяло Н.И. Ильминского и И.Я. Яковлева, познакомившегося с ним в 20-летнем возрасте и женившегося на его приемной дочери Е.А. Бобровиной, которая стала его соратницей, организатором женского образования в чувашском крае.

Огромное влияние Н.И. Ильминского на И.Я. Яковлева единодушно отмечают все биографы «Прометея из чуваш» – Г.Н. Волков [1], Л.П. Кураков [6], Н.Г. Краснов [5], Г.Н. Плечов [8]. Священник А. Колчерин пишет: «Единомышленником и сотрудником Николая Ивановича Ильминского был выдающийся чувашский просветитель Иван Яковлевич Яковлев. Высокого образования и признания со стороны видных деятелей народного просвещения Яковлев добился благодаря собственной трудоспособности и целеустремленности» [4, с. 121]. Конечно, огромную роль тут играл личный пример Н.И. Ильминского. Именно от него И.Я. Яковлев воспринял и под его руководством успешно осуществил идею христианского просвещения нерусских народов на родных языках, что способствовало лучшему восприятию этими народами христианских духовных ценностей, включенных в контекст родной этнокультуры. Сам Иван Яковлевич и его ученики первыми перевели на чувашский язык и сделали доступными для людей, недостаточно владевших русским языком, Евангелие и другие основные христианские духовные книги.

Распространение христианского вероучения в XVI–XIX веках, начиная с эпохи Ивана Грозного, среди нерусских народов сначала Поволжья, а потом Урала и Сибири имело важное политическое значение, так как

способствовало их включению в качестве полноценных участников в единое культурное пространство. Укрепление единого прочного многонационального государства стало реальным историческим фактом. Просвещение, апостолами которого были Н.И. Ильминский, И.Я. Яковлев и их единомышленники, выступило важнейшей могучей движущей силой культурного строительства единой российской державы, сознательного включения всех ее народов и людей в систему гуманистических ценностей, воплощенных в христианском учении. Оно способствовало созданию условий и предпосылок для глубокого взаимного культурного влияния и сотрудничества народов, укреплению их сплоченности перед лицом геополитических вызовов и дружбы.

Решающую роль тут играл собственный пример Ильминского, утверждавшего эти ценности не только печатными трудами, проповедями, но и своим образом жизни. Л.П. Кураков подчеркивал, что он воплощал христианские идеалы бескорыстия, готовности к самоотверженному труду в интересах общества, народа [6, с. 4].

Сегодня мы снова видим и убеждаемся в необходимости возрождения этих духовных, культурных ценностей и идеалов, развивающих личность, обеспечивающих гармонию ее взаимоотношений с окружающими людьми, укрепляющих семью, общество, государство.

Список литературы

1. Волков Г.Н. Жизнь, смерть и бессмертие патриарха. Роман-эссе / Г.Н. Волков – Чебоксары: Институт экономики и менеджмента – филиал СПбГПУ, 2004. – 325 с.
2. Ефимов Л.А. Вклад школ «Братства святого Гурия» в просвещение чувашских детей в последней трети XIX – начале XX века / Л.А. Ефимов // Православие в чувашском крае: к 70-летию Чебоксарско-Чувашской епархии. Мат.-лы науч.-практич. конф. 19–20 мая 2016 г. – Чебоксары: ВФ МАДИ. Свято-Троицкий муж. монастырь, 2016. – С. 79–90.
3. Колосова А.Р. Образ Николая Ивановича Ильминского в представлении чувашского народа в начале XX века / А.Р. Колосова // Православие в чувашском крае: к 70-летию Чебоксарско-Чувашской епархии. Мат.-лы науч.-практич. конф. 19–20 мая 2016 г. – Чебоксары: ВФ МАДИ. Свято-Троицкий муж. монастырь, 2016. – С. 106–115.
4. Колчерин А. Христианизация народов Поволжья. Н.И. Ильминский и православная миссия / А. Колчерин. – М.: Рос. ин-т стратегич. исследований, 2014. – 720 с.
5. Краснов Н.Г. Иван Яковлев и его потомки // Н.Г. Краснов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2007. – 480 с.
6. Кураков Л.П. Прометей из чуваш. Размышления о выполнении Завещания И.Я. Яковлева. Изд. 3-е / Л.П. Кураков. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1999. – 224 с.
7. Павлова А.Н. Система Н.И. Ильминского и ее реализация в школьном образовании нерусских народов Востока России (в последней трети XIX – начале XX века) / А.Н. Павлова. – Чебоксары. 2004. – 204 с.
8. Плечов Г.Н. Основные вехи и социально-просветительское содержание деятельности инспектора чувашских школ И.Я. Яковлева: Хронологически-документальное исследование / Г.Н. Плечов. – Чебоксары, 2016. – 800 с.
9. Хузангай А.П. Апостол просвещения / А.П. Хузангай // Ученые: Сб. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2006. – С. 185–196.
10. Яковлев И.Я. Моя жизнь. Воспоминания / И.Я. Яковлев. – М.: Республика, 1997. – 656 с.
11. Яковлев И.Я. Духовное Завещание чувашскому народу / И.Я. Яковлев // Школа духовности. – 2000. – №1. – С. 2–3.

Семенов Александр Анатольевич

научный сотрудник

БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

О РАБОТЕ СОВМЕСТНОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 2011–2021 гг.

***Аннотация:** в статье описаны основные направления работы совместной археологической экспедиции Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, учебно-научного археолого-этнологического центра Марийского государственного университета и Чувашского национального музея. Описаны итоги исследований памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневекового периода.*

***Ключевые слова:** археологическая экспедиция, городище, могильник, курган, поселение, раскопки.*

В начале 2000-х годов между Чувашским государственным университетом им. И.Н. Ульянова и учебно-научным археолого-этнологическим центром (далее УНАЭЦ) Марийского государственного университета сложилось тесное и плодотворное сотрудничество, проявившееся в проведении совместных археологических раскопок и разведок. Студенты и выпускники историко-географического факультета участвовали в экспедициях, организованных УНАЭЦ в Подмосковье, Ульяновской [4], Саратовской, Нижегородской и Астраханской областях. В годы студенчества нам также довелось работать в составе различных экспедиций, а после окончания университета, получить возможность проведения самостоятельных разведок.

Первым большим проектом стали раскопки уникального могильника у д. Анаткасы Мариинско-Посадского района, давшие материал для изучения древнемарийского погребального обряда [5].

Увеличение объема проводимых историко-культурных экспертиз потребовало объединения усилий по изучению зон строительства новых объектов. Территорию Чувашии затрагивали два грандиозных проекта дорожной индустрии – строительство проект высокоскоростной железной дороги Москва-Казань-Екатеринбург (ВСМ-2) и скоростной автомагистрали М-12. Во время проведения археологических разведок по ВСМ-2 было обнаружено городище и поселение раннего железного века у д. Дёмкино Моргаушского района [7]. Следует отметить, что это одно из девяти новых городищ, выявленных на территории Чувашии: у селений Козловка, Выселок №1, Выселок №2, Вурманкас-Осламасы, Чебаково Ядринского района, Хвадукасы, Пандиково, Дубовка Красночетайского района. Новые данные дополнили картину расположения городищ РЖВ, позволив выделить самостоятельную группу памятников нижнего течения р. Сура [15].

При реализации проекта дороги М-12, в составе Поволжской экспедиции Института археологии РАН, проводились разведки в зоне предполагаемого строительства. Обследованы малоизученные районы республики. Были выявлены два новых поселения раннего железного века в Шумерлинском районе у п. Кабаново, три поселения эпохи бронзы – Вудояльское поселение в Ибресинском районе, Асановское I и II поселения в Комсомольском районе. Вудояльское поселение было раскопано в 2021 г. В результате раскопок был получен керамический материал срубной культуры.

Одним из масштабных направлений деятельности экспедиции являлся мониторинг современного состояния археологических объектов Чувашской Республики. Для большинства из них получены уточняющие данные о месторасположении и сохранности объектов, с поверхности собран подъёмный материал, пополнивший фонды Чувашского национального музея. Работы проводились при сотрудничестве с Чувашским региональным отделением Всероссийского общества памятников истории и культуры (ЧРО ВООПИК). Благодаря охвату большей части районов Чувашии, удалось осмотреть памятники разных исторических эпох и культур (курганы, стоянки, городища, могильники). Получен бесценный опыт полевых методов поиска объектов: сплошная и маршрутная разведка, определение и уточнение границ, составление GPS карт. Некоторые из памятников пришлось искать только по приблизительным координатам, так как последние сведения о них составлялись более 50–70 лет назад.

Во время проведения разведок особое внимание уделялось поиску и изучению поселений периода Золотой Орды [6], а на территории Присурья памятников начального периода освоения русскими Среднего Поволжья [11]. Козловский комплекс памятников, состоящий из городища, селища и могильника, дал материал для изучения сельской округи г. Курмыш в XIV–XV вв. [8; 10]. Изучаемый комплекс и два поселенческих объекта, к изучению которых приступили в 2021 г., позволяют рассматривать территорию Нижнего Присурья как объект активной колонизационной политики нижегородско-суздальских князей [9].

В последние годы усилилась работа по изучению хранящихся в фондах Чувашского национального музея артефактов. Части находок дана новая датировка и культурно-хронологическая интерпретация [3; 13]. Проводится систематизация материалов раскопок средневековых чувашских могильников, определяются этнокультурные составляющие в погребальных комплексах [11; 14], проводятся параллели с финно-угорским населением Среднего Поволжья [1; 2].

При музее создан поисковый отряд, который включился в работу по изучению остатков укреплений Сурского оборонительного рубежа [16]. Основные работы проведены в 2021 г., однако укрепления попутно фиксировались и в предыдущие годы. Были организованы пешие маршруты по береговой линии в Ядринском и Красночетайском районах. Выявлены остатки древо-земляных укреплений, окопы, противотанковые рвы, землянки. Сотрудники музея совместно с поисковым отрядом «Георгиевская лента» (ЧГУ им. И.Н. Ульянова) принимали участие в Вахтах памяти на территории Тверской области и полуострова Крым.

Тесное сотрудничество трех организаций позволило организовать постоянную подготовку студентов-археологов с момента выезда на археологическую полевую практику до трудоустройства в профильные организации. Всегда существовала возможность продолжить обучение в аспирантуре и магистратуре по направлению «археология». Совмещение теоретической подготовки с организацией раскопок и разведок позволило получить опыт в изучении разных археологических объектов.

Список литературы

1. Алексеева Н.Ю. Отражение взаимодействия мордвы и чувашей в этнографической литературе / Н.Ю. Алексеева // Вестник Чувашского университета. – 2021. – №2. – С. 11–21.

2. Алексеева Н.Ю. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) / Н.Ю. Алексеева // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России. Сб. мат. Межд. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. П.В. Денисова. Чебоксары: «Издательский дом «Среда», 2018. – С. 136–140.
3. Волков А.В. Материалы раскопок Средневожской экспедиции 1926–1927 гг. в фондах музея / А.В. Волков // Чувашский Национальный музей: люди, события, факты. – 2014. – №9. – С. 42–44.
4. Воробьева Е.Е. «Большие Ключиши» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги / Е.Е. Воробьева, М.И. Федулов // Поволжская археология. – 2016. – №1(15). – С. 235–248.
5. Никитина Т.Б. Украшения Анаткасинского могильника: к вопросу об этнокультурной принадлежности / Т.Б. Никитина, Е.Е. Воробьева, М.И. Федулов // Поволжская археология. – 2016. – №1(15). – С. 121–142.
6. Семенов А.А., Чувашское Поволжье в эпоху Золотой Орды / А.А. Семенов, М.И. Федулов // Труды III (XIX) Всероссийского археологического съезда. Т.II. СПб-М-Великий Новгород, 2011. – С. 184.
7. Федулов М.И. Археологический комплекс памятников раннего железного века у д. Дёмкино Моргаушского района Чувашской Республики / М.И. Федулов // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 178–184.
8. Федулов М.И. Козловский комплекс памятников: предварительные итоги изучения / М.И. Федулов // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): мат. Всерос. науч. конф. Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 104–113.
9. Федулов М.И. О локализации удела князя Бориса Константиновича в Нижнем Присурье / М.И. Федулов // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сб. мат. Всерос. науч. конф. с межд. участием. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 203–207.
10. Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) / М.И. Федулов // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.). Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2017. – С. 185–187.
11. Федулов М.И. Чувашское Присурье в X-XV веках (к постановке вопроса) / М.И. Федулов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – Чебоксары. – 2006. – №6. – С. 123–130.
12. Федулов М.И. Этнокультурные компоненты в погребальном обряде чувашей / М.И. Федулов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского. – 2012. – №6. – Ч. 3. – С. 53–61.
13. Федулов М.И. Предметная коллекция могильника «Кукушлыды» в фондах Чувашского национального музея (по материалам раскопок П.П. Ефименко 1926 г.) / М.И. Федулов, А.В. Волков // Поволжская археология. – 2013. – №2. – С. 272–278.
14. Федулов М.И. Особенности погребального обряда нижнесурских могильников чувашей / М.И. Федулов, В.П. Иванов, П.В. Денисов // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. Чебоксары. – 2012. – №2. – С. 103–107.
15. Федулов М.И. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья / М.И. Федулов, А.А. Семенов // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149.
16. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья / Мат. межрег. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.

Семенова Татьяна Витальевна

канд. ист. наук, старший научный сотрудник, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ПОЛЕВОЕ МОЛЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ ОБРЯДА УЧУК В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВОЛГО-УРАЛЬЯ

Аннотация: традиционные календарные праздники и обряды – неотъемлемая часть культуры и быта любого этноса, они выполняют ряд важных функций, способствуя его консолидации, формированию и утверждению этнической идентичности членов, регламентации социальных отношений, организации общественной жизни и досуга. В статье предпринята попытка показать трансформацию обряда Учук.

Ключевые слова: праздник, обряд, ритуал.

Дословно значение слова Учук переводится как уй «поле» + чу́к «жертвоприношение, моление». Таким образом Учук – это «полевое жертвоприношение». Согласно источникам, оптимальный срок от обряда до обряда – девять лет. В XIX в. и особенно в начале XX в., данному обряду стали приписывать дополнительный смысл: его устраивали и в связи с неурожаем, и с целью избавления от массовых болезней [4, с. 73].

Цель Учук – благодарение высших сил за выращенный урожай и испрошение милости о будущем урожае, о благополучной зимовке скота и дальнейшем приплоде, пожелание здоровья и достатка всем. Адресатами выступали *Турá* и другие божества, ответственные за хлебные растения [1, с. 295–297].

В источниках XIX в. приводится такое описание Учук. Обряд начинался совещанием стариков, которые уславливались о дне проведения, обсуждали виды и количество жертвенных животных и птиц. Для жертвоприношения годились: мерин, бык, телка, баран, ягненок, гусь, утка. Определив общую сумму, делали раскладку по душам. Накануне Учук старики собирались еще раз, уже для определения старшего и наведения справок о выполнении решения предыдущего собрания [3, с. 78]. В зависимости от сложившейся традиции и материальных возможностей в жертву приносили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, домашнюю птицу. Жертвенное животное должно было быть здоровым и без явных физических дефектов. Белый и красный окрас (цвета неба и солнца) считался наиболее желательным для крупного и мелкого рогатого скота, лошадей. При невозможности найти жертву с таким цветом допускались животные с пегим, бурым и серым окрасом.

Встречающиеся в источниках XIX – начала XX века сведения о проведении Учукá во многом идентичны, так как это моление совершалось по определенным правилам. Моление совершалось или рядом с источником воды у оврага, родника или речки, или в священной роще, но всегда на одном определенном месте, считавшимся сакральным. Основными инициаторами и действующими лицами были старики. Особо выделялся

старейшина, считавшийся главным молельщиком, совершающий акт закаливания жертвенного животного. Служители культа во время обряда были одеты в специальную одежду. Старики совещались о том, какое животное резать в жертву и где купить. Накануне моления все жители деревни мылась в бане, а утром наряжались по-праздничному. Во время *Учука* все огни в деревне гасились, так как считали, что от жары может пострадать растущий хлеб. Наиболее подробное описание обряда *Учук* дано в Симбирских епархиальных ведомостях за 1897 г. №19 в статье священника Иванова «Чувашский праздник «Синзя» и полевое моление о дожде и урожае «Учук».

Принесение жертв сопровождалось словами-просьбами, текстом умиловительного характера. Исследователь Елена Сергеевна Новик считала, что умиловительное не было центральной идеей жертвоприношения. На первом месте в нем стоял коммуникативный аспект экономических обменов, а сам обряд представлял акт обменного дарения [2, с. 136]. Приносящие жертву старались расположить *Туря* к себе путем преподнесения ему «подарка». Примечательно, что в жертву главным образом приносили домашних, т.е. выращенных людьми животных. Как отмечала Е.С. Новик, жертвенное животное при соблюдении всех ритуальных правил трансформировалось в говорящего посредника между людьми и божествами, обеспечивая и вербальную, и вещную коммуникацию. Она выделяет следующую структуру жертвоприношений: 1) изоляция жертвенного животного, т.е. извлечение особи из среды подобных; 2) расчленение его тела в соответствии с ритуальными правилами; 3) трансформация, превращение ценности в объект, пригодный для использования этими партнерами, что ведет к приобретению объектом нового статуса; 4) отправка или передача ценности миру духов [2, с. 140, 163].

Следует отметить, что в настоящее время обряд *Учук* на территории Чувашии не проводится. Во время полевых экспедиций в южные районы Чувашской Республики мы расспрашивали про обряд *Учук*, так в с. Трехизб-Шемураша Шемуршинского района было специальное место *чүк вырăнĕ* около ныне высохшего пруда. Этот участок земли в колхозном поле служил местом непосредственного обрядового жертвоприношения, здесь лежали различные монеты, ложки, вилки, осколки посуды, но никто их не трогал. Селяне не пускали туда скот, а детям запрещалось заходить на эту территорию. Информант А.А. Гладкова рассказала нам, что жертвенный локус *чүк вырăнĕ* не вспахивался, а осмелившихся проехать плугом по этому месту трактористов всегда постигала неудача [5, с. 65].

Крещеные чуваша также участвовали в этих обрядах и жертвоприношениях вместе с некрещеными. В смешанных по национальному составу общинах в молении *Учук* принимали участие наряду с чувашами татары и марийцы, у которых существовали аналогичные обряды и жертвоприношения. *Учук* был наиболее крупным общественным молением чувашей, связанным с целым комплексом различных обрядов, но в XX в. он в исследуемых районах совершался нерегулярно, лишь в случае большой засухи.

Восприятие моления *Учук* как священного действия сохранилось в тех поселениях, где эта обрядовая традиция не прерывалась в советское время и без существенных изменений вошла в XXI век, например в с. Старое Афонькино Шенталинского района Самарской области, в д. Юльтимировка Бакалинского района Башкирии. В обоих случаях *Учук* продолжает оставаться

местным обычаем, актуальным для некрещеных чувашей этих и ближайших селений. Появление редких гостей – православных чувашей или татар при совершении обряда не меняет его привычного порядка проведения. Более того, жители глубоко убеждены в благоприятном воздействии обряда на всех присутствующих, независимо от конфессиональной и этнической принадлежности. Например, татары из с. Ахманово Бакалинского района Республики Башкортостан нередко жертвуют баранов на чувашском юльтимировском молении ради здоровья членов своих семей [6, с. 11].

Самым знаменитым местом проведения обряда *Учж* является село Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан. С 2007 года обряд общесельского моления с жертвоприношением бычка, проводимого раз в два года, превращен в республиканское культурное мероприятие под названием «Открытый фестиваль чувашей Закамья Республики Татарстан – *Учж*» в рамках федерального проекта партии «Единая Россия» «Исторические корни», а его организаторами выступают Альметьевское представительство чувашской национально-культурной автономии в Республике Татарстан.

Учж проводят в начале лета после окончания весеннего сева.

Подготовка начинается с совещания старейших жителей села, которые определяют день проведения. Обсуждается, сколько нужно средств на покупку жертвенного животного (бычка, овец). Каждый двор дает сборщикам столько денег, сколько может. Раньше собирали крупу, масло, муку, яйца – теперь все это покупается на общественные деньги. В назначенный день варится «каша дождя», а после моления о богатом урожае, здоровье скота, благополучии жителей устраивается совместная трапеза. *Учж* здесь проводили и в советское время, правда, тайком. В основном просто молились: старики считали, что если не проводить обряд, то все будет плохо».

Сегодня *Учж* – не просто сельскохозяйственный обряд, а большой праздник с песнями, играми, конкурсами и хороводами. Проходит он каждый год на одном и том же месте, которое когда-то выбрали для моления предки нынешних жителей села. На рассвете с молитвами закалывается бычок, из жертвенного мяса варится бульон, на котором готовят «кашу дождя» из картошки и трех круп – пшеница, гречка, риса. Рецепт ритуального блюда передается из поколения в поколение. Место для жертвоприношений выбрано укромное – тихая лужайка за молодыми деревьями. Кровоизлияние и свеживание животного проводится в узком кругу определенных для этого мужчин. Молодым женщинам и детям видеть процесс заклания животного не полагается. Перед закалыванием быка три женщины-мучавара проводили ритуал мольбы перед животным и богом: погладили быка, полили чистой водой. Бык встрепенулся. Чувашаи считают, что так «Всевышний принял подарок». Варится оно на кострах в огромных котлах.

В обряде «Каша дождя» участвуют только женщины. Одни помешивают кушанье, другие возносят молитвы, при этом одна из них держит в руках мужскую шапку, на плечах у нее мужской пиджак в знак того, что когда-то этот обряд проводили мужчины.

Следует отметить, что в последние годы наметились совершенно иные тенденции в характере проведения обряда *Учж* в с. Старое Суркино Альметьевского района Республики Татарстан. Фестиваль условно можно разделить на две части: первая часть – это сам обряд, состоящий из молитв старейшин и обряда жертвоприношения. После этого начинают варить мясо в

котлах и на этом бульоне готовить кашу для всех присутствующих. Данную ритуальную пищу пробуют все присутствующие и обращаются к *Турă* с просьбой о мире, счастье и благополучии. Вторая часть – светская, на которой с приветственным словом выступают представители региональной власти. Ежегодно старосуркинцы стараются придать празднику новую форму, показать что-то интересное, то, чего не было раньше. К примеру, в один год это был обряд «семейные династии», в другой – «имянаречение», в третий – «чувашская свадьба». Нынче *Учук* продемонстрировал так называемые календарные обряды, которые проводятся с весны до поздней осени, – *калам*, *утă сълни*, *хёр сари*. Но праздник начинается именно с приготовления каши. В этот день старейшими жительницами села недалеко от фестивальной площадки варится каша на родниковой воде, приготовленная из нескольких видов круп и картофеля, сдобренная маслом и молоком. Каша варится на кострах в котлах. Обязательно должно быть нечетное количество котлов. Например, 7, 9, 11 и даже в 13 котлах. Все зависит от количества людей, принимающих участие в празднике. Но при этом каши всегда всем хватает. Пока варится каша, по другую сторону родника начинает свою работу фестиваль. Кстати, и в старину, пока старейшины проводили обряд моления, молодежь туда не подпускали. Ей играть, водить хороводы и петь народные песни (в ожидании каши) можно было чуть в стороне.

26 июня 2021 г. прошел 14-й по счету Открытый фестиваль чувашей Закамья Республики Татарстан «Учук». Если в 2019 году на 13-й по счету Открытый фестиваль в село Старое Суркино Альметьевского района съехались гости из 21 района Татарстана: Альметьевского, Апастовского, Аксубаевского, Алексеевского, Альшеевского, Бавлинского, Буинского, Бугульминского, Верхнеуслонского, Дрожжановского, Заинского, Кайбицкого, Лениногорского, Нижнекамского, Новошешминского, Нурлатского, Спасского, Тукаевского, Тетюшского, Черемшанского, Чистопольского, участвовали представители чувашских национально-культурных объединений из Казани, Москвы, Екатеринбурга, Чебоксар и Парижа, то в 2021 году мероприятие прошло гораздо скромнее в условиях ковидных ограничений.

Традиционные праздники и обряды чувашей в течение XX – первых десятилетий XXI в. подверглись трансформации по содержанию, структуре и формам проведения.

В трансформации современного чувашского обрядового календаря можно видеть структурные преобразования праздничной культуры народа в целом, в котором проявляются события со старыми названиями, но новой смысловой и функциональной нагрузкой, иной степенью актуализации для сообщества и максимальным уровнем интеграции в современное социокультурное пространство [7, с. 163].

Список литературы

1. Научный архив Чувашского государственного института гуманитарных наук (далее – НА ЧГИГН). Отд. I. Ед. хр. 178. Никольский Н.В. История, археология, этнография, фольклор. 1902–1909. – 322 с.
2. Новик Е.С. Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур [Текст]: монография/ Е.С. Новик. – М.: Вост. литература, 2004. – 304 с.
3. Петров Н.А. Роль чувашской общины в формировании правосознания молодежи во второй половине XIX – начале XX вв. / Н.А. Петров // Семья в России. – 2005. – №2. – С. 76–90.
4. Салмин А.К. Система религии чувашей [Текст]: монография/ А.К. Салмин. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с.

5. Семенова Т.В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах [Текст]: монография / Т.В. Семенова. – СПб.: ЛЕМА, 2015. – 145 с.

6. Ягафова, Е.А. Трансформация праздничной культуры чувашей на рубеже XX – XXI веков / Е.А. Ягафова // традиционная культура. – №4. – 2012. – С. 3–14.

7. Ягафова Е.А. Праздники и обряды чувашей XX – XXI на рубеже вв [Текст]: монография / Е.А. Ягафова. – Самара: СГСПУ, 2016. – 179 с.

8. Семенова Т.В. Особенности обрядового календаря чувашей в этноконтактной с татарами зоне: 07.00.07: дис. ... канд. истор. наук. – СПб., 215. URL: https://www.kunstkamera.ru/files/doc/semenova_disser2015.pdf

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Семенов Александр Анатольевич

научный сотрудник
БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Григорьева Наталья Александровна

заведующий сектором
БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Павлова Татьяна Евгеньевна

научный сотрудник
БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Тихонов Эдуард Андреевич

учитель
ГБОУ школа № 683
г. Санкт-Петербург

КЕРАМИКА ВУДОЯЛЬСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ СРУБНОЙ КУЛЬТУРЫ (МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК 2021 ГОДА)

***Аннотация:** в статье представлен анализ керамического материала, полученного в ходе раскопок поселения срубной культуры эпохи бронзы: технико-технологическая характеристика, орнамент, состав примесей.*

***Ключевые слова:** раскопки, поселение, эпоха бронзы, срубная культура, керамика, Ибресинский район.*

Выражаем благодарность Главе Новочурашевского сельского поселения Ибресинского района Федорову Николаю Георгиевичу за помощь в организации полевого лагеря.

На территории Чувашской Республики к эпохе бронзы относятся памятники балановской, абашевской и срубной культур. Срубная культура изучена в основном по курганам, сосредоточенным в юго-восточной части республики. Поселения срубников известны по материалам археологических разведок и не раскапывались большими площадями. В этой

связи, весьма актуальными будут данные по новому поселению, расположенному в Ибресинском районе у д. Вудоялы.

В 2021 г. сотрудниками Волжской экспедиции Отдела сохранения археологического наследия Института археологии РАН были проведены археологические раскопки Вудояльского поселения эпохи бронзы. Поселение расположено в Ибресинском районе, в 1900 м от д. Вудоялы (аз. 242°), на широком поле южнее с. Новое Чурашево.

Поселение было обнаружено в 2020 г. благодаря фрагментам керамики, найденным на распушке. Также к западу от него были найдены Хом-Яндобинское и Асановское 1 и 2 поселения эпохи бронзы.

Поселение полностью распахано, находки фрагментов керамики хаотично разбросаны по всей площади раскопа. Керамика аналогична той, что найдена на поверхности Новочурашевского кургана, расположенного в 600 м к северо-западу (содержит шамот, в том числе крупных фракций).

Керамика, из раскопа 2021 г., представлена стенками сосудов, венчиками и донцами (154 фр.). Она лепная, грубая, с неровной поверхностью. Фрагменты очень маленького размера имеют следы окатанности и борозды от плуга на поверхности. В состав примесей входит шамот (131 фр.), в восьми случаях он был крупных фракций. В двух фрагментах видны следы органики, в одном случае фрагмент ожелезненной глины.

Структура керамики на изломе двух- и трехслойная. Внешняя поверхность сосуда коричневая, реже чёрная, что, вероятно, зависело от степени обжига. На изломе и по внутренней стенке она серого и чёрного цвета. Также найдено два фрагмента шлакированной керамики.

Орнаментальные мотивы.

Орнамент представлен геометрическими линиями из штампованных прямоугольных вдавлений, а также полусферическими вдавлениями по венчику. В большинстве случаев украшалась только верхняя часть сосуда.

1. Овальные, вытянутые (неправильной формы) углубления-вдавливания расположены в линию по слабо профилированному венчику (4 фр.). Рис. 1 №4–6, Рис. 2 №16.

2. Наклонные (косые) линии на внешней (2 фр., Рис. 1 №7) и внутренней поверхности (4 фр., Рис. 1, №8–10) сосудов. Они различаются по ширине и глубине вдавливания. Отмечены отдельные прочерченные линии на внешней поверхности (Рис. 1 №4) и едва заметные следы – параллельные линии (или отпечатки какого-то штампа) на внутренней поверхности сосудов. В одном случае наклонные линии были нанесены на внутреннюю поверхность венчика сосуда, а гребенчатый штамп – на внешнюю сторону (Рис. 1 №1). В литературе нам не удалось найти упоминания о нанесении орнамента на внутреннюю поверхность сосудов.

3. Горизонтальные линии вдоль венчика отмечены на трех фрагментах. Рис. 2 №15, 18–19.

4. Гребенчатый штамп, образующий геометрический орнамент (1 фр.), состоит из двух и трех параллельных линий (2 фр.). Орнамент наносился шагающим штампом, образуя ряды или геометрические фигуры. Рис. 1 №1–3.

Орнаментальное оформление стенок сосудов аналогично керамике срубной культуры. Геометрические линии и фигуры, выполненные гребенчатым штампом, известны по сосудам из Тат-Тимяшского могильника [1]. На одном из сосудов имелись линии, нанесённые твердым предметом, подобные лощению, но они сильнее углублены в поверхность сосуда (Рис. 3). Подобный керамический комплекс XVI–XIII вв. до н.э. изучен в Ульяновской области на поселении «Большие Ключиши 7» [2].

Профилировка венчиков (15 фр.) и доньшка

1. Прямой (10 фр.). Рис. 1 №4–6, 12–16.

2. Венчик слабопрофилированный, слегка отогнут наружу (1 фр.).

Рис. 1 №1.

3. С утолщением края и слабо отогнутым краем (1 фр.). Рис. 2 №18.

4. Венчик с сильно отогнутым краем (1 фр.). Рис. 2 №17.

В раскопе найдено одно доньшко. В профиле он имеет почти прямой угол и по мере продвижения к венчику увеличивается.

Рис. 1. Венчики – 4, 5, 6, доньшко – 11, стенки сосудов – 1–3, 7–10

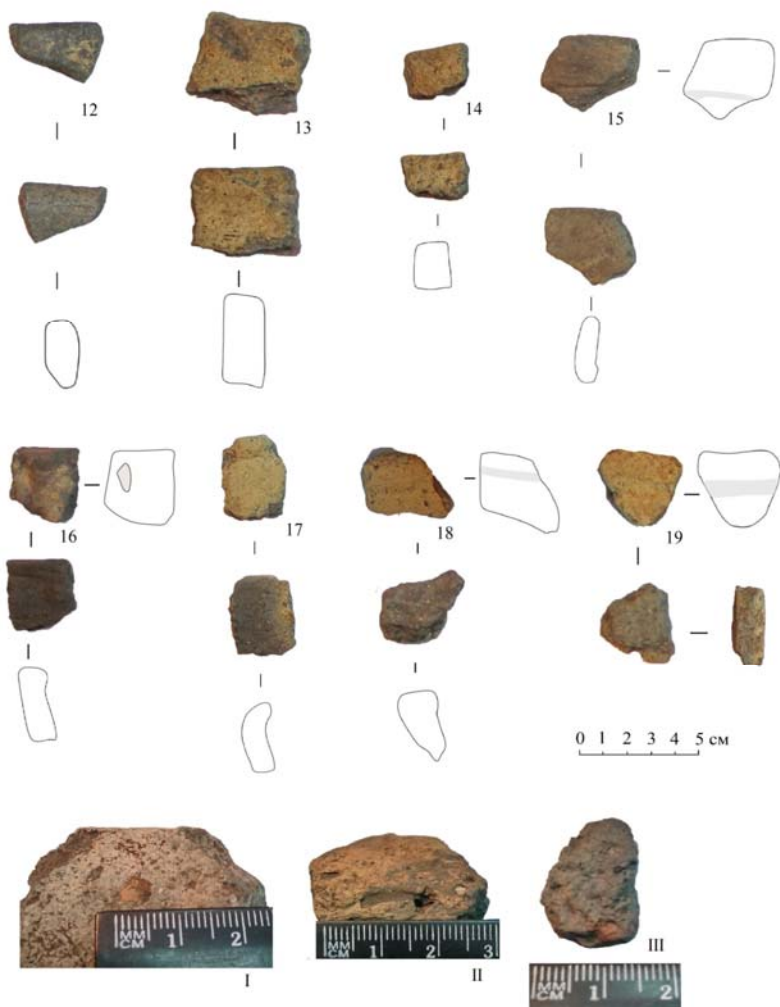

Рис. 2. Венчики – 12–18, стенки сосудов – 19.
 Примеры примесей в составе теста керамики: I – шамот крупных фракций, II – полости от органики, III – фрагменты железистой глиняной фракции

Рис. 3. Сосуды из могильника у д. Татарские Тимяши Батыревского района. Раскопки М.С. Акимовой 1950 г.

Не противоречит нашему предположению о принадлежности керамики к срубной культурно-исторической общности и состав керамических масс. Н.П. Салугина отмечала, что для изготовления керамики срубной культуры гончары отбирали три вида исходного пластичного сырья: илы, илистые и природные глины. Глина выбиралась слабо запесоченная. Среди отощителей глиняной массы преобладал шамот, навоз жвачных животных и выжимка из него, реже – дробленая, специально подготовленная нагретая раковина, кальцинированная кость, отходы металлургического производства (шлаки), органический раствор. Преобладала формула – шамот с навозом жвачных животных (до 70%). Формовочная масса из шамота с органикой являлась устойчивой и традиционной для срубников [5].

В результате проведенных раскопок удалось исследовать распаханное поселение позднего бронзового века. Анализ полученного керамического материала позволяет отнести его к срубной культуре. Культура имеет несколько локальных вариантов и широкий хронологический период существования XVIII–XII вв. до н.э. Для Чувашии характерны памятники завершающего этапа существования культуры.

Достаточно сложно найти параллели керамике в материалах поселений. Поселения срубной культуры в Чувашской Республике целенаправленно раскопками не изучались, но местонахождения керамики и отдельные находки известны по многослойным поселениям (Тигашевское городище). Это обстоятельство вынуждает обратиться к материалам курганов, среди которых есть полностью сохранившиеся сосуды. В 1927 г. было раскопано два из трёх курганов Новобайбатыревской курганной группы в Яльчикском районе (П.П. Ефименко). В 1950 г. М.С. Акимовой изучен грунтовый могильник у д. Татарские Тимяши Батыревского района. В 1959 г. Н.Я. Мерпертом раскопано 3 кургана у д. Уразмаметево (Яльчикский район) [4]. В 1985 г. Б.В. Каховский раскопал третий курган Новобайбатыревской курганной группы, у с. Новые Шимкусы Яльчикского района и д. Тигашево Батыревского района. На всех этих памятниках было вскрыто 109 погребений со 120 погребёнными.

А.В. Лыганов объединил все имеющиеся на 2019 г. сведения о памятниках срубной культуры, выделив группу памятников Предволжья. В неё он включил 26 отдельных местонахождений керамики, 51 поселение, 13 курганов и курганных групп и, предположительно, один грунтовый могильник. Рис. 4.

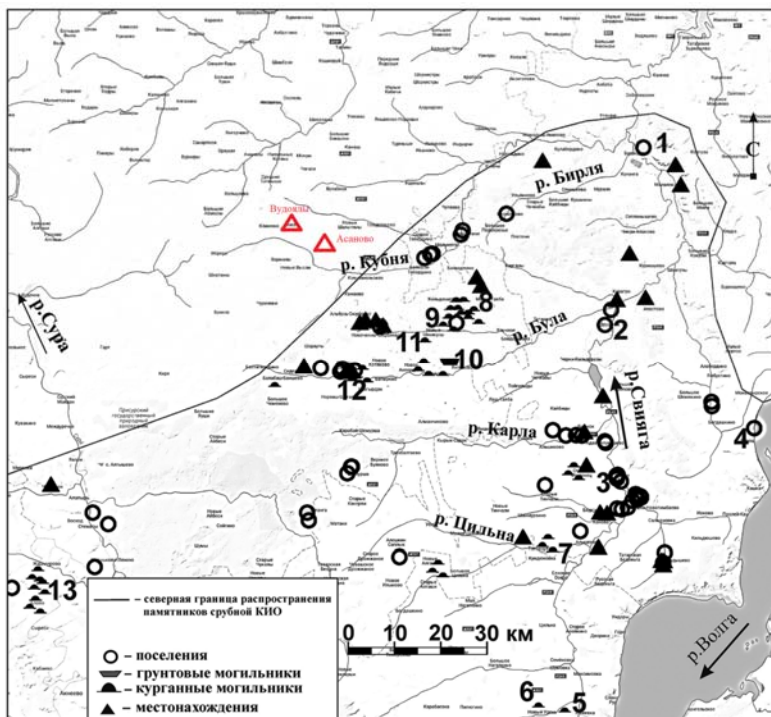

Рис. 4. Карта Предволжской группы памятников северной периферии срубной КЮ по А.В. Лыганову, 2019 (отмечены основные памятники):

- 1 – поселение Бурундуки, 2 – Кулганская II стоянка, 3 – Козловское поселение, 4 – находки на территории Тетюшского могильника, 5 – Ишеевский курган, 6 – Новоуреньский курган, 7 – курганный могильник Новоселки, 8 – Уразмаметьевские курганы, 9 – Новобайбатыревские курганы, 10 – Татарско-Тимяшский грунтовый могильник, 11 – Новошимкусский (Нюргечский) курган I, 12 – Тигашевские курганы, 13 – Аловский I могильник. Памятники «Вудояльское поселение» и «Асановское 1 и 2 поселение» выделены красным цветом

Вудояльское и Асановские 1 и 2 поселения были выявлены в 2020 г. и в обзор не попали. Поселения Предволжья на этой территории изучены слабо. Культурный слой этих поселений содержит как весьма немногочисленную срубную керамику, так и более позднюю. Раскопанное Вудояльское поселение является самым северным из выявленных на территории Чувашской Республики (северная периферия срубной КЮ).

Список литературы

1. Акимова М.С. Отчёт об археологических раскопках в Чувашской АССР в 1950 г. / М.С. Акимова // Архив Института археологии РАН. Ф. 1. Д. 462. 19 л.

2. Воробьева Е.Е. «Большие Ключиши» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги / Е.Е. Воробьева, М.И. Федулов // Поволжская археология. – 2016. – №1 (15). – С. 235–248.

3. Лыганов А.В. Северная периферия срубной культурно-исторической общности (по материалам памятников Татарстана и Чувашии) / А.В. Лыганов // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2019. – Вып.14. – С. 103–123.

4. Мерперт Н.Я. Срубная культура Южной Чувашии / Н.Я. Мерперт // Труды Куйбышевской археологической экспедиции: материалы и исследования по археологии. – М.: АН СССР, 1962. – №111. – Т. 4. – С. 7–21.

5. Салугина Н.П. Гончарство населения срубной культуры Волго-Уралья / Н.П. Салугина // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): мат. межд. конф. (18–22 ноября 2019 г., Санкт-Петербург). Т. II. – СПб.: ИИМК РАН, Невская Типография, 2019. – 260–261 с.

Щанкина Любовь Николаевна

д-р ист. наук, профессор
ФГБОУ ВО «Российский экономический
университет им. Г.В. Плеханова»
г. Москва

ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ЖИЛИЩНЫЙ КОМПЛЕКС РУССКИХ КРАСНОСЛОБОДСКОГО РАЙОНА МОРДОВИИ

***Аннотация:** в фокусе исследования – поселения, жилище и надворные постройки русского населения Краснослободского района Мордовии. Хронологические рамки охватывают вторую половину XIX – начало XXI в. Источниками послужили материалы архива, хранящиеся в Научно-исследовательском институте гуманитарных наук при Правительстве Мордовии, а также полевые материалы, собранные автором в указанном районе в 2005 г.*

***Ключевые слова:** Мордовия, Краснослободский район, русские, поселение, жилище, хозяйственные постройки.*

Основными типами русских поселений на территории Краснослободского уезда были села, деревни и выселки. Так, только в XIX в. 75% всех выселков Пензенской губернии находилось в Краснослободском уезде [4, с. 84]. Большинство русских населенных пунктов района расположено по широкому долинам крупных рек (д. Красная Подгора, Красная Волна, Старое Зубарево – р. Мокша; д. Заречная Лосевка, с. Сивинь, Новая Карьга – р. Сивинь; д. Сняково – р. Ликинье), узким долинам мелких рек (с. Долговерьясы – в долине р. Кивчей, Ефаево – на р. Леплей, Зиновские Выселки и Краснополье – на р. Парма), на ручье (с. Селищи – Парка, д. Среднее Поле – Поле Среднее) и т. д.

Планировка поселений – рядовая. При подобной планировке избы расположены цепочкой в ряд и обращены передними фасадами в одну сторону, чаще на дорогу или на реку (с. Ефаево, Селищи, Русское Маскино и др.).

Выбор места для постройки дома был делом первостепенной важности, чем занимался один из опытных членов семьи. Обычно для жилища выбирали защищенное от ветров, ровное место, около речки или леса. Как правило, постройка нового дома сопровождалась исполнением различных обрядов. К примеру, в с. Селищи после установки первых венцов в центре комнаты ставили березку или рябину [ПМА: Киреева]; в с. Русское Маскино – рябину устанавливали в переднем углу, на стол ставили хлеб, соль и читали молитвы. По мнению жителей, таким образом дом сохранялся надолго. Как и у большинства народов, так и у русского населения района под матицу клали монеты (для достатка) и первой в дом пускали кошку (для долголетия). Охранной семантикой также обладали обереги, которыми служили вещи, взятые на память о доме (икона, ладанка, крестик и др.). Для защиты дома от «нечистых сил» русское население на всех дверях жилых и надворных построек рисовало мелом кресты. При переезде в новый дом звали с собой домового. Так, в с. Селищи в центр комнаты клали мешок и произносили следующие слова: «Домовой, домовой пойдем жить со мной в новый дом» [ПМА: Киреева], а другом русском селе Русское Маскино под шесток печи для него клали корзину или чашу и таким образом «забирали» с собой [ПМА: Бакайкина].

Жилища и связанные с ней постройки в русских поселениях строились как своими руками, так и приглашенными мастерами. В ходе экспедиции зафиксированы фамилии тех плотников, которые занимались данным промыслом. Так, в с. Слободские Дубровки плотницкие работы осуществляли профессионалы В.А. Лазарев, И.Д. Купряшкин и В.П. Золотов, в с. Русское Маскино – И.И. Маркин, А.И. Муриков, П.Д. Ярмин, В.Я. Козин и Д.Д. Ярмин, в с. Новый Усад – И.Т. Саныгин, Н.Е. Никитин, И.А. Кондрашкин, А.Н. Карасев и Ф.А. Кондрашкин. В с. Ефаево для всех жителей села наличники делал П.Е. Борисов. А жители с. Селищи прибегали к услугам мордовских плотников из Теньгушевского и Атюрьевского районов Мордовии.

Конструктивно крестьянский дом представлял собой срубную систему. Основным строительным материалом служило дерево. Неровные стены сруба, как изнутри, так и снаружи обмазывались глиной. Согласно сведениям А.С. Лузгина, «в южной части Краснослободского уезда преобладали саманные и глинобитные дома» [4, с. 89]. Зафиксировано несколько способов рубки сруба: «в угол» (с остатком) и «в лапу» (без остатка). Сруб ставился на деревянный (столбчатый) и кирпичный фундаменты. В зависимости от высоты избы число венцов в срубе колебалось в пределах 12–16, все зависело от диаметра бревен. После того как бревна для сруба, окна и двери были подготовлены, приступали к поднятию сруба.

Во второй половине XIX в. распространенными конструкциями крыш были костровые и самцовые. Со временем последние вытеснились самцово-строительными и стропильными крышами. Для домов русского населения района характерны двускатные, четырехскатные и трехскатные крыши. В с. Слободские Дубровки большинства домов с двускатными крышами и лишь у двух – трехскатные крыши.

В прошлом основным кровельным материалом являлись солома, дрань, тес, щеп. К примеру, во второй половине XIX в. в Краснослободском уезде из 21 931 жилого строения 19 489 (88,6%) были крыты

соломой, 2 468 (11,2%) – деревом и 32 (0,2%) – железом [4, с. 91]. Согласно архивным материалам и полевым сведениям в с. Новый Усад соломённые крыши сохранялись до 1940 г. [3, л. 24–25; ПМА: Арянов]. Сегодня в качестве кровельного материала используют шифер, железо, черепицу.

Большое внимание уделялось внешнему декору жилища, особенно украшению наличников. В с. Ефаево, Новая Авгура, Новый Усад, Русское Маскино, Слободские Дубровки зафиксированы наличники с ажурным и прямоугольным навершием, а в с. Краснополье – ажурным, треугольным и прямоугольным.

Избы русского населения Краснослободского уезда были двухкамерные (изба – сени) и трехкамерные (изба – сени – клеть), но со временем наиболее зажиточная часть крестьян ставила пятистенки. К задней стене дома пристраивались бревенчатые или тесовые сени, которые использовали как дополнительное место для жилья в летний период. Избу и сени в с. Ефаево ставили на вбитые в землю столбы [2, л. 210].

На территории Краснослободского уезда в зависимости от места расположения печи, красного угла, входа в жилище и окон зафиксированы различные типы планировок: среднерусский, южнорусский (западный и восточный подтипы) и западнорусский. На большей части территории района преобладает среднерусская планировка. Печь располагается устьем к передней стене, ставится она как с правой, так и с левой стороны от входа. Как отмечал исследователь быта русских крестьян А.С. Лузгин, «в южной части отмечен западный подтип южнорусской планировки, широко бытовавший в жилищах калужских и брянских крестьян» [4, с. 93]. Дом подобной планировки зафиксирован у жителя с. Ефаева М. К. Жарковой. По словам респондента, дом был построен в 1934 – 1935 гг. и перевезен ее родителями из русского села Шаверки [ПМА: Жаркова].

С печью у русского населения района были связаны некоторые обряды жизненного цикла. В частности, информант с. Сивинь сообщала, что «до сих пор нагарают пяточку и локти младенца угольком, взятым из печи. Это проделывают с той целью, чтобы защитить его от сглаза [ПМА: Пшеничникова]. В этом же населенном пункте пол курятника посыпают золой, т.к. жители полагают, что от этого куры будут лучше нести яйца [ПМА: Лисина].

Одним из важных элементов русской избы были полаты, которые устраивались на уровне человеческого роста над дверью от печки до противоположной стены. Они служили местом для сна (чаще детей) и хранения некоторых вещей или сушки продуктов питания. В ходе экспедиции 2005 г. их зафиксировать не удалось.

Жилые и надворные постройки связаны с различными сторонами жизни человека: занятиями, направлением хозяйства, семейными обычаями и традициями. Все это влияет на тип, размеры, убранство и интерьер дома. Двор, как правило, примыкал непосредственно к дому, имел форму прямоугольника или квадрата. Много места во дворе занимал навес. Ширина двора по фасаду обычно достигала 22 м, длина – 15 м [2, л. 191, 210]. В прошлом свои дома и постройки русские жители со всех сторон обносили плетнем, бревенчатым или саманным забором, а в настоящее время они огорожены палисадниками из штакетника или глухим забором из досок для предохранения от скота и от людских глаз.

Хозяйственные постройки русских условно делятся на две категории: для содержания скота (конюшня, хлев, летние помещения для скота под навесом) и для хранения продуктов и хозяйственного инвентаря (амбары, кладовые, подвалы-выходы, погреба) [4, с. 99]. Например, в с. Ефаево большинство амбаров возводилось из самана и как правило размещались позади дома потому, что если случался пожар, то все самое ценное, а его хранили в амбаре, уцелеет. В с. Новый Усад напротив, амбары располагались в структуре усадьбы «на глазах», так, чтобы дверь амбара можно было видеть из окон или дверей. Кладовые также строили перед домом, чтобы были на виду, т.к. в них также хранились продукты питания и разное имущество. В с. Новая Авгура и Красная Подгора зафиксированы кирпичные кладовые с двускатными железными крышами, которые по мнению жителей были более надежными.

Распространенными постройками были подвалы. Подвал представлял собой полуземлянку, углубленную в землю на 70 см, иногда до одного метра, размером 3 x 4 м. В подвал вели земляные ступени. Дверь, как правило, была двойная: наружная – железная с тяжелым засовом, внутренняя – деревянная в виде решетки. Здесь также хранили в случае пожара кадушки с зерном и с мукой, ценные вещи и постельные принадлежности [1, л. 283; 4, с. 100].

Обязательной принадлежностью усадьбы были погреба. Ранней весной их набивали льдом и снегом, и в летний период здесь хранили различные продукты питания, соленья, молочные и другие продукты.

В глубине усадьбы или на берегу речки располагались бани. Это была самая удаленная от жилья постройка. Они отапливались архаичным способом -по-черному. На сегодняшний день особенно молодые семьи предпочитают бани с отоплением по-белому.

Таким образом, размещение поселений на местности, тип заселения, определяются природными условиями, особенностями хозяйства и историческими традициями, складывавшимися на протяжении столетий. Начиная со второй половины XX в. жилище приобретает новые черты. В частности, улучшается внешний вид жилья, расширяется жилая площадь, сокращается количество печей и происходит их замена на газовое отопление и др. Значительные изменения претерпела меблировка сельского жилища и ныне приближается к обстановке городских квартир.

Список литературы

1. НА НИИГН. И-196. Полевые тетради Б.А. Васильева за 1952 г. Тетрадь №1. – Саранск, 1952. – 324 л.
2. НА НИИГН. И-268. Карточки историко-этнографической экспедиции 1952 г. составленные Б.А. Васильевым. – Саранск, 1952. – 298 л.
3. НА НИИГН. И-1081. Лузгин А.С. Культура и быт русского населения Мордовии (середина XIX – начало XX в.) / Плановые работы сотрудников сектора археологии и этнографии за 1981 г. – Саранск, 1981. – 220 л.
4. Лузгин, А.С. В тесном соседстве: Хозяйство и материальная культура русского населения Мордовии. – Саранск: Мордовское книжное издательство, 1987. – 188 с.
5. ПМА. Арянов Михаил Яковлевич, 1935 г.р., с. Новый Усад.
6. ПМА. Бакайкина Зинаида Ивановна, 1942 г.р., с. Русское Маскино.
7. ПМА. Жаркова Мария Кузьминична, 1940 г.р., с. Ефаево.
8. ПМА. Киреева Анна Семеновна, 1922 г.р., с. Селище.
9. ПМА. Лисина Антонина Николаевна, 1934 г.р., с. Сивинь.
10. ПМА. Пшеничникова Мария Ивановна, 1939 г.р., с. Сивинь.

Ялтаев Дмитрий Анатольевич
канд. ист. наук, доцент, заведующий кафедрой
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

КАФЕДРА АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

***Аннотация:** в статье проанализированы современные тенденции развития кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова. Выделены направления учебной деятельности (обучение студентов и аспирантов), научных исследований, музейной и лабораторной работы, поискового движения. Дана оценка педагогической и исследовательской активности преподавателей и сотрудников кафедры.*

***Ключевые слова:** кафедра археологии, этнографии и региональной истории, АЭиРИ, этнология, исторические исследования, поисковое движение.*

Кафедра археологии, этнографии и региональной истории (далее – АЭиРИ) была образована в марте 1990 г. на базе кафедры истории СССР. Создание кафедры явилось логичным ответом на рост общественного интереса к проблемам этнокультурного развития региона, на необходимость сохранения объектов археологического и историко-культурного наследия региона, уникальной самобытной культуры населения края. К этому моменту уже был накоплен богатый исследовательский опыт: функционировали археологический музей, археологическая лаборатория.

Первым заведующим кафедрой АЭиРИ был доктор исторических наук, профессор Петр Владимирович Денисов (1928–2014). С 2002 г. кафедру возглавляет кандидат исторических наук, доцент Николай Аркадьевич Петров. Кафедра укомплектована квалифицированным профессорско-преподавательским составом, имеющим опыт реализации научных и научно-практических проектов. В настоящее время здесь работают девять преподавателей, большинство из которых являются выпускниками кафедры.

Основной целью развития кафедры АЭиРИ на современном этапе является системное совершенствование образовательного и научно-исследовательского потенциала, повышение качества профессорско-преподавательского состава, укрепление творческой социально-ориентированной педагогической среды. На базе кафедры функционирует аспирантура и докторантура по специальностям 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология и 07.00.02 – Отечественная история. В настоящее время в аспирантуре обучаются Наталия Юрьевна Алексеева (специальность – Этнография, этнология и антропология), Евгений Валерьевич Семенов (специальность – Отечественная история), Наталия Ивановна Захарова (специальность – Этнография, этнология и антропология). Научным руководителем указанных аспирантов является доктор исторических наук, профессор Таймасов Леонид Александрович.

Перспектива успешного развития кафедры АЭиРИ определяется научным и педагогическим потенциалом ее кадров. Неслучайно одним из важных направлений деятельности кафедры АЭиРИ является совершенствование образовательного, методического и научно-исследовательского потенциала сотрудников, повышение качественного уровня научно-педагогических работников. Преподаватели проходят курсы повышения квалификации, пишут диссертации, ведут научно-исследовательские проекты по поддержанным грантам, разрабатывают учебно-методические комплексы по дисциплинам, публикуют научные работы, принимают участие в научно-практических конференциях межрегионального, всероссийского и международного уровней.

Кафедра идет в ногу со временем, ориентируется на передовые образовательные технологии. Сотрудники кафедры ведут систематическую разработку и актуализацию учебно-методического обеспечения дисциплин. Преподаватели кафедры разрабатывают и внедряют новые технологии в учебный процесс, ориентированные на использование интерактивных методов обучения. М.И. Федуловым, И.В. Дмитриевой, О.Г. Вязовой разработаны и активно используются в учебном процессе moodle курсы по дисциплинам «История и культура Чувашии», «История исторической науки», «Музееведение» и «Археология».

«История и культура Чувашии» как комплексная научная дисциплина является ведущим направлением в деятельности кафедры археологии, этнографии и региональной истории. Отрадно отметить, что в настоящее время учебный курс «История и культура Чувашии» включен в учебную программу всех факультетов Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова.

В число дисциплин, читаемых для студентов-историков, входят: история (история России, всеобщая история), основы этнологии, археология, история исторической науки, история Чувашии, музееведение. Названные предметы призваны сформировать у студентов глубокие знания в области истории России и региональной истории, археологии, этнографии народов России, необходимые в профессиональной деятельности.

В ходе преподавания дисциплин, читаемых на кафедре, широко используются экспозиции археолого-этнографического музея имени Петра Владимировича Денисова. Фонды музея являются «особым» ресурсом, служат ценным источником для визуализации курсов, для написания научных работ. Студенты имеют возможность пользоваться архивом, библиотекой и учебными коллекциями музея.

В настоящее время на кафедре АЭиРИ значительное внимание уделяется совершенствованию учебно-лабораторной базы образовательного процесса. В 2020 г. завершилась реконструкция археолого-этнографического музея имени Петра Владимировича Денисова. Сотрудники кафедры ведут работу по разработке этнографического контента межфакультетского этнокультурного центра.

С целью закрепления методологии исторических исследований, практического освоения студентами теоретических знаний по истории Чувашии, археологии и этнографии кафедрой ежегодно организуются летние учебные и производственные практики. Так, во время полевой этнографической практики студенты собирают материал по этнографии народов Чувашии, пополняют фонды археолого-этнографического музея имени

Петра Владимировича Денисова. В рамках полевой археологической практики проводятся раскопки памятников Чувашского края, в ходе которых выявляются уникальные предметы материальной культуры, делаются открытия, уточняются сведения по этногенезу и этнической истории народов региона. Во время музейной практики студенты посещают музеи Чувашии, знакомятся с их коллекциями и фондами, принципами организации и деятельности, работают над систематизацией и научным описанием экспонатов археолого-этнографического музея. Безусловно, сочетание теоретических учебных, а также практических изыскательских работ обеспечивает эффективную организацию студенческих практик и последующих лекционных и семинарских занятий по дисциплинам, содействует самостоятельной научно-исследовательской деятельности учащихся, повышает уровень знаний и подготовки, способствует их профессиональному росту и развитию.

Сотрудники кафедры принимают участие в качестве экспертов в реализации общественно значимых программ, связанных с вопросами этнокультурного взаимодействия. Они являются кураторами площадки и осуществляют экспертное сопровождение ежегодной международной акции «Большой этнографический диктант».

Кафедра АЭиРИ активно развивает научные связи, как с российскими историками и этнографами, так и с зарубежными, участвует в международных проектах и конференциях. Преподаватели и сотрудники кафедры осуществляют совместные научные исследования с преподавателями университетов США (Сетон Холл), Японии (Хокайдо), Казахстана (Аль-Фараби).

На кафедре сложился богатый опыт исследовательской работы по разным аспектам истории и культуры региона. Ведутся научные изыскания в области этнографии народов России и Среднего Поволжья, региональной истории и патриотического воспитания, а также археологии края.

Этнографическое направление исследований кафедры представлено научными работами Н.А. Петрова, О.В. Егоровой, Т.В. Семеновой, А.Б. Мясниковой, И.В. Дмитриевой, Н.Ю. Алексеевой.

Н.А. Петров в течение многих лет изучает поселенную организацию чувашской крестьянской общины после реформы 1861 г., типы и виды общинных организаций, их характерные черты и признаки, этнический состав и характер взаимоотношений в этнически неоднородных общинах, характер и направление эволюции семейно-родственной структуры чувашского крестьянства в новых пореформенных условиях, механизм регулирования внутриабщинных отношений и взаимоотношений общины с государственными структурами, основные элементы общинного управления, роль и значение крестьянских сходов, их изменение на протяжении существования мира, этнические особенности созыва сельского схода в простых и сложных общинах, и категории и компетенция должностных лиц в структуре общины. Анализирует земельные правоотношения в крестьянской общине, при этом уделено особое внимание выяснению роли земельного права как одного из главнейших юридических аспектов деятельности крестьянской общины, наиболее заметные перемены, происходившие в чувашских общинах в условиях распространения товарно-денежных отношений и постепенного приспособления крестьянских хозяйств к новым явлениям в социально-экономической жизни, место

общины и обычного права в системе социальных норм чувашского общества в условиях доминирования правовых регуляторов государства, развитие обычного права в процессе его взаимодействия с развитой системой государственного права, основанной на законе.

Особое внимание Н.А. Петровым уделяется вопросам организации досуга молодежи с соблюдением устоявшихся традиционных норм и правил, которые в обязательном порядке охватывали всех парней и девушек общины (посиделки, хороводы, традиционные праздники). Во время этих праздников происходила аттестация молодежи, выработка устойчивых норм поведения [24; 25; 26]. Автор также в своих работах изучает вопросы современной чувашской этнографии [28] и творчество профессора Петра Владимировича Денисова, своего научного наставника [27].

Основная часть работ профессора Л.А. Таймасова посвящена вопросам истории православной церкви и христианизации народов Среднего Поволжья [37; 36]. Им опубликовано 5 монографий, 12 учебных пособий, 160 научных статей. Значительное внимание Леонид Александрович уделяет этнической истории чувашского народа [34]. Он активно сотрудничает с зарубежными научными центрами, о чем свидетельствуют его публикации в рецензируемых журналах и научных сборниках [35]. Особый научный интерес представляют работы Л.А. Таймасова, посвященные правовым аспектам этноконфессиональных процессов [33], отдельным вопросам истории и этнографии [36].

Профессор О.В. Егорова продолжает исследовать этнографию детства чувашей. Она в течение многих лет проводила полевые исследования по изучению данной проблемы. Итоги исследований отражены в ряде статей, которые были использованы для сравнительно-сопоставительного анализа общинных и семейных традиций и обрядов при написании докторской диссертации. В последние годы О.В. Егорова уделяет внимание изучению гендерных аспектов этнографии города [15], народов Закавказья, Средней Азии и Казахстана. Продолжает проводить исследование с учеными из Казахского национального университета им. Аль-Фараби. 31 января 2017 г. была проведена онлайн-конференция с участием чувашских и казахских ученых. Кафедра в течение многих лет проводит совместные исследования с японскими коллегами, которые неоднократно приезжали на стажировку в университет. Зарубежные коллеги с большим интересом изучали сельский быт чувашей. Итогом данной работы стали совместные статьи о сакральных местах, эволюции пастушества чувашей.

Молодых этнографов кафедры больше привлекают проблемы современности. Основным направлением исследований И.В. Дмитриевой является этнография современной чувашской семьи [14; 28] и чувашского народа [13; 18]. Она продолжает изучение творческого наследия выдающегося этнографа народов Волго-Уралья Василия Константиновича Магницкого.

Областью научных интересов Т.В. Семеновой является празднично-обрядовая культура чувашей во взаимодействии с соседними народами и трансформационные процессы в современной празднично-обрядовой культуре [29–32]. Она является автором 30 публикаций и одной монографии. По итогам 2017 года Т.В. Семенова признана «Лучшим молодым ученым Чувашской Республики» в номинации «За вклад в сохранение культурного наследия Чувашской Республики».

А.Б. Мясникова продолжает исследование вопросов, связанных с национальными движениями финно-угорских народов, а также изучает их этнокультурные особенности. Развивая данное направление, автор в своих статьях рассматривает проблемы демографии [21], языка [20], культуры указанных народов, исследует деятельность финно-угорских общественных, научных и учебных организаций. Так на примере проекта «Культурная столица финно-угорского мира», А.Б. Мясникова освещает вопрос этнокультурного взаимодействия финно-угорских народов России и Запада с 2013 г. В другой работе отмечен опыт ведения работы отечественных финно-угорских организаций в условиях пандемии. Еще одним направлением научных исследований автора является изучение археологических памятников Среднего и Нижнего Посурья, которое разрабатывает целая группа ученых из разных регионов России [22; 23].

Основным направлением исследований Н.Ю. Алексеевой является изучение динамики численности, расселения мордвы Чувашской Республики [1], а также мордовская топонимия. В работах уделяется особое внимание изучению этнокультурных связей мордвы с соседними народами [2–4].

Изучением региональной истории занимаются: С.Н. Кодыбайкин, О.Г. Вязова, А.В. Григорьев. Основным направлением научных изысканий доцента С.Н. Кодыбайкина является аграрная история; конкретнее – развитие крестьянских промыслов сельского населения Чувашии XIX – XX вв [19]. По теме диссертации на соискание степени кандидата исторических наук («Крестьянская промышленность на территории Чувашии во второй половине XIX – начале XX вв.») (2002) изданы ряд научных статей. Хронологические рамки выбранного направления исследования в последующем расширились в сторону советского периода развития Чувашии. В Чувашской энциклопедии С.Н. Кодыбайкиным опубликовано 47 статей (15 из них в соавторстве), в основном по вопросам социального и экономического развития региона.

В 2013 г. в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова был создан поисковый клуб «Георгиевская лента» и Музей Великой Отечественной войны. С самого начала их руководителем является С.Н. Кодыбайкин. В связи с этим, другим направлением его исследований становится проблематика гражданско-патриотического воспитания молодежи и поискового движения [16] и другие вопросы военной истории [17]. С.Н. Кодыбайкин принимает участие в создании коллективных монографий по различным проблемам истории развития Чувашии и чувашского народа [18].

О.Г. Вязова специализируется на изучении истории кооперации в Чувашии и в России. В ее работах рассмотрено функционирование разных видов кооперативных объединений (потребительских, сельскохозяйственных, кустарно-промысловых, жилищно-строительных, жилищно-арендных, а также кооперативов инвалидов) [5; 6; 8], определен вклад кооператоров в решение социально-экономических и культурных вопросов, представлена система кооперативного образования республики [7], изучена деятельность кооператоров в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Одной из первых она обратилась к изучению системы кооперативного социального страхования в СССР и в Чувашской Республике. В последние годы в круг интересов исследователя вошли вопросы, связанные с изучением современной повседневности городских и сельских жителей республики, с рассмотрением детской игры – как части

повседневности, а также истории Чувашского государственного университета и историографические сюжеты – исследование научной деятельности д.и.н., профессора П.В. Денисова [27].

А.Д. Григорьев в своих исследованиях анализирует деятельность органов власти в Чувашской АССР в период Великой Отечественной войны, при этом он уделяет значительное внимание уровню жизни и быта, как трудоспособного населения, так и иждивенцев – родных и близких защитников Отечества. В своих работах он неоднократно подвергал анализу социальную политику советского государства, отмечал высокий дух патриотизма советских людей, их энтузиазм в деле помощи фронту, выражавшихся в различных инициативах в материально-финансовой сфере. Он обращается к теме всенародной помощи населения фронту как по гендерному признаку [9], так и как проявления гражданственности всего населения Чувашии [10]. В последнее время А.Д. Григорьев уделит значительное внимание организации деятельности Отделов рабочего снабжения на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны, их деятельности направленной как на помощь населению республики, а также и её социально незащищённым слоям [11]. Значительное место в его исследованиях занимает эвакуация и размещение населения в годы Великой Отечественной войны на территории Чувашии, так он является автором коллективной монографии о жителях блокадного Ленинграда размещённых в Чувашской АССР. Не упускает он и из внимания отношение подрастающего поколения к патриотизму, гражданственности, знанию истории своего государства, и как следствие истории Великой Отечественной войны [12].

Археологическое направление кафедральных исследований реализуется усилиями М.И. Федулова. Михаилом Игоревичем проведены исследования средневековых памятников Присурья. Уточнены сведения по поселениям [40, с. 203–207] и городищам [41, с. 185–187] эпохи русской колонизации нижнего течения р. Сура и окрестностей г. Курмыш. Он ведет активную работу по исследованию Сурского оборонительного рубежа. Совместно с поисковым отрядом МБОУ «Гимназия №1» г. Чебоксары и БУ «Чувашский национальный музей» проведено историко-археологическое обследование территории Ядринского и Красночетайского районов. Собраны воспоминания участников строительства, проведен опрос местного населения, выявлены и описаны остатки укреплений [38, с. 319–326]. Во время экспедиции уточнены сведения по памятникам раннего железного века, которые пополнились данными по двум новым городищам и двум поселениям [39, с. 137–149].

Таким образом, кафедра археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета на современном этапе – это сложившийся квалифицированный преподавательский коллектив, сохраняющий преемственность лучших кафедральных традиций и одновременно ищущий новые пути исследования и прочтения динамичных этнокультурных и социальных процессов нашего региона. Результаты научных изысканий находят отражение в публикациях монографий и статей, а также в докладах на российских и международных конференциях. Кафедра осуществляет международное научное сотрудничество и планирует расширять деятельность в этом направлении. Сотрудники кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского

государственного университета имени И.Н. Ульянова полны идей, замыслов и творческих сил. Они ставят новые задачи по динамичному развитию кафедры и успешно их реализуют.

Список литературы

1. Алексеева Н.Ю. Динамика численности и расселения мордвы Чувашской Республики // Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.: сб. матер. онлайн-конференции, Чебоксары, 14 марта 2017 года / редкол.: О.В. Егорова. – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 9–15.
2. Алексеева Н.Ю. Этнокультурные связи мордвы с соседними народами (по материалам одежды) // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. матер. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. П.В. Денисова, Чебоксары, 28–29 сентября 2018 года / Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова. – Чебоксары: Среда, 2018. – С. 136–140.
3. Алексеева Н.Ю. Свадебная обрядность мордвы чувашского края как фактор сохранения этнической идентичности // XIV Конгрессе антропологов и этнологов России: сб. мат. (Томск, 6–9 июля 2021 года). – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. – С. 236.
4. Алексеева Н.Ю. Отражение взаимодействия мордвы и чувашей в этнографической литературе // Вестник Чувашского университета. – 2021. – №2. – С. 11–21. – DOI 10.47026/1810-1909-2021-2-11-21
5. Вязова О.Г. Кооперирование кустарных промыслов Чувашии в годы новой экономической политики // Вестник Чувашского университета. – 2006. – №6. – С. 27–34.
6. Вязова О.Г. Организация охраны труда и техника безопасности в системе кустарно-промышленной кооперации в 30-х гг. XX в. // Материальная и духовная культура народов Урала и Поволжья: история и современность. Мат. Между. науч.-практ. конф., посв. 450-летию вхождения удмуртского народа в состав Российского государства. ГОУ ВПО «Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко». – Глазов, 2007. – С. 15–18.
7. Вязова О.Г. Вклад промысловой и инвалидной кооперации Чувашии в производство товаров народного потребления в 30-х гг. XX века // Вестник Чувашского университета. – 2009. – №3. – С. 20–24.
8. Вязова О.Г. Местная власть и кооперация Чувашии в годы нэпа // Новый исторический вестник. – 2009. – №1 (19). – С. 54–60.
9. Григорьев А.Д. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) / А.Д. Григорьев, С.Б. Харитонова // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 40–48.
10. Григорьев А.Д. Фонд обороны и фонд Красной Армии как проявление патриотизма и гражданственности населения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны / А.Д. Григорьев, С.Б. Харитонова // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №2. – С. 59–64.
11. Григорьев А.Д. Организация работы Отделов рабочего снабжения по оказанию помощи социально незащищенному населению на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны / А.Д. Григорьев, С.Б. Харитонова // Развитие чувашской государственности в условиях российского федерализма: прошлое, настоящее, будущее: сб. ст. Междунар. науч. конф. – Чебоксары: Изд-во Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова, 2020. – С. 179–184.
12. Григорьев А.Д. Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии / А.Д. Григорьев, А.В. Карпов, М.Ю. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2020. – №4. – С. 28–35.
13. Дмитриева И.В. Роль и место женщины в досуговой культуре чувашского народа / И.В. Дмитриева, Н.А. Петров // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И.Я. Яковлева): сб. тр. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 262–264.

14. Дмитриева И.В. К вопросу о трансформации института отцовства в современной чувашской семье // Трансформация этнокультурных традиций в условиях глобализации и развития информационных технологий во второй половине XX – начале XXI вв.: сб. матер. онлайн-конференции, Чебоксары, 14 марта 2017 года / редкол.: О.В. Егорова. – Чебоксары: Среда, 2017. – С. 48–54.
15. Егорова О.В. Чувашская женщина в современном городе: этнокультурный аспект / О.В. Егорова, Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Вестник Чувашского университета. – 2017. – №4. – С. 93–103.
16. Кодыбайкин С.Н. Гражданско-патриотическое воспитание в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова через развитие поискового движения // Парадигмы университетской истории и перспективы университетологии (к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова): сб. ст. в 2-х т. / редкол.: О.Н. Широков, Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева, М.Н. Краснова. – Чебоксары: Среда, 2017. Т. 2. – С. 34–38.
17. Кодыбайкин С.Н. Основные направления деятельности Народного комиссариата финансов Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории). Сб. мат. Всерос. науч. конф. – Чебоксары: ЧГУ им И.Н. Ульянова, 2019. – С. 145–154.
18. Кодыбайкин С.Н. Чуваши: история восхождения от племени к народу / О.Н. Широков, М.И. Федулов, И.В. Дмитриева [и др.]. – Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2019. – 264 с.
19. Кодыбайкин С.Н. Крестьянская промышленность на территории Чувашии во второй половине XIX – XX начале вв.: дис... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2002. – 279 с.
20. Мясникова А.Б. Языки малочисленных финно-угорских народов России как предмет внимания международного финно-угорского движения // Ежегодник финно-угорских исследований. – 2011. – №4. – С. 147–157.
21. Мясникова А.Б. Демографические потери финно-угорского мира в конце XX – начале XXI веков // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №2. С. 96–101.
22. Мясникова А.Б. Исследования археологических памятников Среднего Посурья эпохи римских влияний и Великого переселения народов (работы 2018 года) / Л.А. Вязов, Н.С. Мясников, Д.А. Петрова [и др.] // Вестник Чувашского университета. – 2018. – №4. – С. 46–55.
23. Мясникова А.Б. Исследования памятников Среднего и Нижнего Посурья в рамках работы международной археологической экспедиции в 2015–2019 гг. / Л.А. Вязов, Е.П. Михайлов, Е.М. Макарова [и др.] // Археология Евразийских степей. – 2020. – №3. – С. 354–372.
24. Петров Н.А. Регулирование семейно-брачных отношений у чувашей по нормам обычного права во второй половине XIX – начале XX в. // Семья в России. – 2001. – №1. – С. 60–72.
25. Петров Н.А. Отражение семейного и наследственного права чувашей в пословицах и поговорках // Общество, государство, религия. Материалы научно-теоретической конференции, посвященной 2000-летию христианства. 16 марта 2000 г. – Чебоксары: ЧГИГН, 2002. – С. 65–71.
26. Петров Н.А. Роль чувашской общины в формировании правосознания молодежи во второй половине XIX – начале XX вв. // Семья в России. – 2005. – №2. – С. 76–90.
27. Петров Н.А. Пётр Владимирович Денисов (85-лет со дня рождения) / О.Г. Вязова, Н.А. Петров // Чуваши: этнические связи и этнокультурные параллели: сб. матер. Межрегион. науч.-практ. конф., посв. 85-летию со дня рожд. П.В. Денисова (Чебоксары, 12 сентября 2013 г.). – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2014. – С. 36–42.
28. Петров Н.А. Продуцирующие обычаи и ритуалы в семейной обрядности чувашей / Н.А. Петров, И.В. Дмитриева // Народы Волго-Уралья в истории и культуре России: сб. мат. Междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. П.В. Денисова. – Чебоксары: ИД «Среда», 2018. – С. 208–214.

29. Семенова Т.В. Масленичный обрядовый комплекс чувашей Волго-Уральского региона // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – Вып. 50. История. – С. 160–164.
30. Семенова Т.В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах: монография. – СПб.: ЛЕМА, 2015. – 145 с.
31. Семенова Т.В. Особенности интервьюирования чувашских женщин в сельской местности в современных условиях // Женская и гендерная история Отечества: новые проблемы и перспективы: мат. Междунар. науч.-практ. конф. – М.: ИЭА РАН, 2009. – С. 79–81.
32. Семенова Т.В. Семицко-троицкий обрядовый комплекс чувашей на современном этапе (по материалам полевых экспедиций) // Праздники и обряды в Урало-Поволжье: традиции и новации в современной культуре: сб. мат. Междунар. науч. конф., посв. 30-летию кафедры философии, истории и теории мировой культуры СГСПУ и 15-летию ГУСО «Дом дружбы народов». – Самара: СГСПУ, 2016. – С. 45–48.
33. Таймасов Л.А. Государственно-церковные меры утверждения православия в Среднем Поволжье (вторая половина XVI–XVII вв.) // Вестник Российского университета кооперации. – 2015. – №4 (22). – С. 133–137.
34. Таймасов Л.А. К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II – VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Чувашский государственный институт гуманитарных наук. – Чебоксары, 2001. – С. 7–33.
35. Таймасов Л.А. Межконфессиональные отношения на начальном этапе христианизации народов Казанского края (вторая половина XVI–XVII вв.) // Die Geschichte Russlands im 16. und 17. Jahrhundert aus der Perspektive seiner Regionen. Ser. «Forschungen zur osteuropäischen Geschichte» 2004. – С. 322–341.
36. Таймасов Л.А. Церковноприходские школы в системе народного образования дореволюционной Чувашии // Вопросы истории народов Поволжья и Приуралья. – Чебоксары, 1997. – С. 182–189.
37. Таймасов Л.А. Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона. Сборник статей. – Саппоро, 2003. – С. 106–136.
38. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Сост. и отв. редакторы И.И. Бойко, В.Г. Харитоновна. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.
39. Федулов М.И. Пространственный анализ расположения и топография городищ раннего железного века Чувашского Присурья / М.И. Федулов, А.А. Семенов // Поволжская археология. – 2018. – №1 (23). – С. 137–149.
40. Федулов М.И. О локализации удела князя Бориса Константиновича в Нижнем Присурье // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). Сб. мат. Всерос. науч. конф. с межд. участием. – Чебоксары: Среда, 2020. – С. 203–207.
41. Федулов М.И. Средневековое городище у д. Козловка Ядринского района (к вопросу о русско-ордынском пограничье в Нижнем Присурье) // Актуальные вопросы археологии, этнографии, истории (к 100-летию со дня рождения В.Ф. Каховского и 60-летию Чувашской археологической экспедиции): статьи Всерос. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 дек. 2016 г.). – Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. – С. 185–187.

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

Ван Хааске Лейонис Аанрис

преподаватель

АНО ВО «Московский международный университет»

г. Москва

DOI 10.31483/r-101292

ОБРАЗ ЛЕШЕГО В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОСПРИЯТИЕ И СТРАТЕГИИ ОПИСАНИЯ (ПО ДАННЫМ ИНТЕРНЕТ-ОПРОСА)

***Аннотация:** в статье анализируется выборка сообщений о проявлениях образа лешего, полученных в результате проведенного автором интернет-опроса. Автор приходит к выводу о сохранности образа лешего в городской традиции, выявляет сюжетные параллели приведенных респондентами описаний с традиционными фольклорными сюжетами, показывает нетипичные для фольклорной традиции элементы современных рассказов о проявлениях образа лешего. Результаты исследования могут иметь важное значение для рассмотрения современной динамики фольклорных сюжетов в городской среде.*

***Ключевые слова:** интернет-фольклористика, леший, постфольклор, типологизация фольклора, трансформация фольклорных сюжетов.*

Подробно описанный еще С.В. Максимовым [8, с. 69–77] в начале XX века, лешего можно считать одним из самых ярких и распространенных персонажей в русском фольклоре. Мы можем встретиться с быличками, основным сюжетом которых является взаимодействие с лешим, в практически каждом регионе, включенным в русское мифологическое пространство. И нельзя отрицать тот факт, что леший – это образ исключительно локусный, неотъемлемо связанный с пространством леса [10, с. 101]. В связи с распространенностью рассказов о лешем в условиях, когда человек находится в тесном контакте с пространством леса (то есть, в сельской местности, или шире – в условиях традиционного образа жизни) кажется абсолютно естественной. Однако, нельзя не признать, что с усилением урбанизации и своеобразным «смещением» мифологического пространства в сторону города, распространенность образа лешего может в некоторой степени снижаться. Мы не располагаем статистическими сведениями об этом (и предполагаем сомнительной возможность подведения подобной статистики), но можем признать: в фольклоре жителей города леший оказывается персонажем в некотором роде «выпадающим» в связи с низкой контактностью человека с лесной средой. В отмеченных в исследованиях трансформациях мифологической среды от фольклорной к постфольклорной [9, с. 66–68] мы можем обнаружить определенные трансформации образов «домашних духов» (например, от образа домового к образу полтергейста [6]), – но вряд ли можем говорить о распространенности легенд о лешем в городской фольклорной культуре.

Означает ли это, что образ лешего постепенно исчезает из фольклора? Этому вопросу посвящено данное исследование, и, забегая вперед, ответ на него: нет.

Основой для этого исследования стали материалы, полученные в результате проведения интернет-опроса «Сверхъестественное и паранормальное в современной городской легенде». Опрос проводился в июне-августе 2021 года с использованием сервиса Google Формы (опрос доступен для пользователей по ссылке: <https://forms.gle/cAMePcuсTaLm28jbA>), и был направлен на выявление распространенных сюжетов и их рефлексию респондентами. Перед респондентами было поставлено семь вопросов, предлагающих в свободной форме рассказать о своем личном опыте взаимодействия с подобными феноменами или известных им легендах о подобных явлениях. Опрос проводился анонимно, данные включались в архив под порядковым номером. Сведения об этническом происхождении респондентов не входили в число пунктов опроса. Среди девятости полученных нами сообщений респондентов восемь были отождествлены респондентами или с собственноручно лешим, или с явлениями, которые нередко приписываются ему как персонажу фольклора. Основными линиями анализа полученных сообщений стал ведущий образ сюжета и трактовка события самим респондентом. Все данные, полученные в ходе опроса, хранятся в архиве Антропологического общества имени Г.Ф. Лавкрафта.

Перейдем к анализу полученных нами данных.

В вопросе о преобладающем образе нами было выделено две основных категории. Первая – это случаи, непосредственно отождествляемые респондентами с действиями лешего. Вторая – случаи, связанные с действиями, традиционно приписываемые лешему (в первую очередь – дезориентация в лесной местности [10, с. 101]), но не соотносимые с образом лешего самим респондентом.

Рассмотрим сообщения из каждой категории более подробно.

Сообщения, в которых события прямо соотносятся респондентом с действиями лешего, обладают достаточно различающейся внутренней сюжетной структурой, однако во всех трех случаях есть одна важная общая деталь: все респонденты являются городскими жителями, оказавшимися в лесу по какой-либо внутренней причине, более того – этот лес не был незнакомым для них. Так, в одном из них семейная пара отправляется на прогулку с собакой в лес, находящийся на окраине города [43/621] (здесь и далее в квадратных скобках указан номер сообщения в архиве Антропологического общества имени Г.Ф. Лавкрафта. В связи с принципом анонимности, заявленным при проведении опроса, приведение подробных данных о респонденте не представляется возможным. Полный список сообщений-источников приведен в отдельном разделе), в другом мать и дочь отправляются в ближайшую к городу лесопосадку для сбора земляники [62–721], в третьем респондент не указывает причину посещения леса, однако по контексту сообщения становится понятно, что посещения леса для него являются нередкой практикой [78/721]. (Респондент указывает в качестве локации Великий Новгород, лес Новой Мельницы.) Эти сообщения ценны не только самим сообщением о взаимодействии с лешим: они содержат в себе еще целый ряд крайне любопытных с точки

зрения исследования фольклора деталей. Мы приведем эти сообщения с некоторыми купюрами, обусловленными объемом публикации.

«Мы шли обычным маршрутом и вдруг увидели ели проглядывающую пропитку (*видимо, опечатка – по контексту становится понятно, что речь идет о тропинке – ЛвХ*). Решили прогуляться по ней. Идём, дерево старое на нем иконка висит, под ней полочка маленькая. Видно, что давно никто не приходил, но очень странно зачем на дерево иконку повесили, прошли немного дальше поляна и грибы стали попадаться да так много мы никогда не видели. <...> По полянке походили просто полюбовались. Решили обратно идти, а тропинки как и не было. Выходим с поляны вроде прямо идём, но через какое-то время опять на поляну возвращаемся» [43/621] (здесь и далее цитаты сообщений приведены с полным сохранением орфографии и пунктуации респондентов), сообщает респондент в числе деталей сообщения о столкновении с лешим в ходе прогулки с собакой. В этом случае можно видеть сразу несколько дополнительных мотивов. Так, бросается в глаза классический мотив «блудного места» как одного из типичных проявлений действия лешего (согласно классификации В.П. Зиновьева – сюжет А1 5 [7]). Одновременно с этим, интерес представляет ситуация с иконой, в которой можно видеть определенные отсылки к каким-либо специфическим практикам народной религиозности, возможно, распространенным в данной местности – однако, для более детального рассмотрения этой идеи в сообщении респондента недостаточно данных. «Сели на поляне отдыхать да думать что нам делать. Сотовый не ловит, тоже очень странно было. Вспомнила я, как мне бабушка рассказывала, что в таких случаях нужно помощи у хозяина леса просить. Вот я и запричитала, заговаривала его помочь нам выйти с этой поляны. Муж смотрит на меня с подозрением не тронулась ли я умом, но не мешает. Устали мы уж очень и собака уже устала. Попросила, попросила я, ну что делать опять пошли. И о чудо, услышали лай собак да и голоса стали слышны» [43/621]. В данном случае исключительно ярким моментом является обращение за помощью к хозяину леса – и добавляет яркости в этом случае отсылка к рассказам бабушки. Благополучное разрешение проблемы в этом случае связывается респондентом с последствием обращения к хозяину леса, что вполне совпадает с типичными фольклорными мотивами (согласно указателю сюжетов-мотивов быличек В.П. Зиновьева – сюжет А1 8а). В целом, мы можем видеть в этой истории более чем классическое описание столкновения с действиями лешего – единственным элементом современности здесь может быть разве что отсылка к работающему сотовому телефону.

Выраженную сюжетную близость можем обнаружить в другом сообщении: «я заблудилась в маленьком лесу, я его называю «ручной лес», километр на три километра. И я в нём заблудилась. Долго блуждала, пока реально не накричала на лешего. При чем не просила отпустить, а разозлилась и прям наорала. Тут же тропинку нашла, вышла на объездную трассу и на остановку, по сути, я блуждала в квадратном километре» [78/721]. Здесь мы можем видеть достаточно прямолинейное повторение сюжета «леший водит», однако механизм решения проблемы становится несколько иным – вместо просьбы, респондент «накричала

на лешего» [78/721]. Можем отметить, что подобная стратегия поведения также описана в работах фольклористов как сложившаяся практика (подобный мотив можно обнаружить в указателе сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах С. Айвазян-О. Якимовой под номером I 24a [1]).

Особый интерес представляют два комментария, приведенные респондентом в числе ответов на дополнительные вопросы: [Слышали ли вы об этом из других источников? (вопрос номер шесть в предложенном респондентам опроснике)] – «Да, с лешим часто взаимодействуют мои знакомые» [78/721]; [Как вы считаете, что является реальной причиной тех событий или явлений, которые вы описали?] – «Лешему было скучно, видимо, хотя подношения я оставила» [78/721]. Здесь мы можем видеть, что для респондента взаимодействия с лешим в принципе не являются исключительным явлением: респондент говорит о них как о сложившейся практике и сообщает о неких подношениях, оставленных им. Эти два элемента определенно представляют интерес, однако отсутствие дополнительной информации можно считать следствием специфики опроса.

Другой случай связан с прямым столкновением в лесу со специфическим существом, отождествляемым респондентом с лешим: «И вот в этом луче лежит какой то леший или ещё кто-то. Человекоподобный зверь, весь покрытый черной шерстью, морда как собачья, только нос, как пятак у свиньи, уши острые, хвост с кистью. Это практически копия черта из фильма «Вечера на хуторе близ Диканьки». Его поза – лежит на правом боку, рукой подпирает голову, одна нога вытянута, другая согнута в колене, машет валяжно хвостом. Тут моему товарищу не приходит ничего лучше в голову как закричать: бей его, и с криком налетает на него. Я с непонятки рванул за ним, в это время это что-то, ооочень медленно встаёт и потягивается. Причем потягивается, выгнувшись и сложив руки в замок, подняв их над головой. После чего, спокойно развернувшись, он прыгнул на четвереньки и стал собакой, самой обычной рыжей собакой, выбежал из леса и скрылся за высокой травой. Мы высочили буквально через 3 секунды, но на дороге, ни в траве, ни где-либо ещё уже не было ни собаки, ни чудовищ, ни людей, никого» [62/721]. Это сообщение примечательно весьма подробным и экспрессивным описанием встреченного в лесу существа – как мы можем видеть, в данном случае трактовка этого существа, как лешего предложена самим автором, и эта трактовка отчасти совпадает с описанной в работах фольклористов (аналогию можем увидеть в сюжетах AI Ie в указателе В.П. Зиновьева [7] и I Ie в указателе С. Айвазян-О. Якимовой [1]).

Важно отметить, что в этой работе приведено сразу несколько описаний подобных столкновений и взаимодействий, однако они не отождествляются с образом лешего респондентом (например: «...тело – голова собачье, только руки как у человека. Одним словом, настоящий ликан. Этот оборотень смотрит на них, они на него» [62/721]). Примененное для описания существа респондентом слово «ликан» – очевидно, сокращенно-жаргонизированное «ликантроп», оборотень), что заставляет нас вынести эти описания за рамки данного исследования.

Группа сообщений, в которых действия, связываемые традиционно с проявлениями лешего, не отождествляются с ним респондентами,

сформирована в основном из сообщений, в которых ключевым компонентом становится идея «блудного места». Примером может быть следующее: «Долина (автор приводит следующую локализацию сообщения: «В Крыму (Керченский полуостров), Долина Любви (географическое название Широкая Балка)» [14/621]) «не пускала», пространство искривлялось, тропинки уводили в сторону. В общем, Долина капризничала, с ней надо было предварительно «договариваться», обращаться с просьбой пустить. И если я забывала это делать или сама была не в том настроении, то эти несколько километров можно было идти весь день (или всю ночь). Потом, наигравшись и изрядно помучив, Долина всё-таки пускала.» [14/621] Мы можем видеть в данном случае весьма типичную картину – подобное поведение дорог и тропинок в контексте образа лешего мы уже описывали выше. Однако, это сообщение предлагает крайне своеобразную трактовку: «Возмущение пространственно-временного континуума в виду индивидуального воздействия на инфо-сферу (взаимодействие с Пранамайя коша и Маномайя коша – в соответствии с ведантой)» [14/621]. Здесь мы можем видеть обращение не к традиционному русскому фольклору, как в случаях выше, а к восточной эзотерической традиции – это могло бы быть удивительным, однако подобное можно посчитать следствием смешения контекстов и идей, которое в целом свойственно современной постмодернистской культурной парадигме, которая, как мы можем видеть, не обошла вниманием и фольклорные идеи. Интересной деталью для этого сообщения является также отсылка к местным жителям в контексте этого сообщения: [Слышали ли вы об этом из других источников?] – «Да. Местные так и говорят: Долина не пускает или Долина не пустила (некоторые товарищи не попадали вовсе куда шли, но достоверных сведений о степени их трезвости – нет)» [14/621]. Обращает на себя внимание мотив общезвестности специфичных событий, происходящих в конкретной локализации. Однако, мы можем поставить под сомнение то, что предложенная автором трактовка подобных событий является для данной местности общераспространенной.

Еще один случай «блудного места» приводится респондентом как семейная легенда: «Бабушка рассказывала, что ее дед заблудился на прямой дороге, проложенной в глухом лесу между двумя соседними деревнями. Выйти помогло только сочетание грубого мата и молитв (выше мы указывали параллели с аналогичными действиями, описанными в указателях В.П. Зиновьева и С. Айвазян, О. Якимовой, но в описанных прежде случаях ругательства и молитвы не сочетались в рамках одного эпизода). Время, проведенное в лесу, не совпадало с временем, прошедшим в деревне» [32/621]. Здесь мы можем обнаружить в целом повторение отмеченных выше идей и сюжетов. В качестве хронологической рамки для событий респондент приводит 1920 год, в качестве места происшествия – «окрестности КВЖД несколько восточнее Байкала». Пожалуй, этот случай можно считать наиболее близким к традиционным фольклорным рассказам о лешем по модели своего представления и бытования.

Приведенные нами случаи не исчерпывают объем полученных сообщений, связанных с пространством леса или близкими по возможному восприятию лиминальными пространствами. Например, определенный

интерес может представлять достаточно подробное сообщение о «гиблых» участках в лесу [20/621] – однако, мы предпочли не включать его в данную выборку, так как в нем отсутствует стремление к персонализации происходящего. Одновременно с этим, краткое сообщение «черти забирали людей на болоте, которое в последующем стало местным кладбищем» может быть в определенном роде близко феномену «блудных мест», но связывается респондентом с совершенно иными силами, лежащими в рамках околорелигиозной парадигмы («черти»).

Несмотря на всю немногочисленность рассмотренных нами сообщений, мы можем признать, что даже столь скромная выборка дает возможность сделать ряд выводов. Первое, и самое главное, что мы можем отметить – это достаточно выраженную сохранность образа лешего в сознании респондентов, причем сохранность в основном в той форме, в которой этот образ известен в фольклорной традиции, с повторением известных в исследованиях фольклора сюжетов и мотивов. Это, безусловно, может свидетельствовать в пользу живости идеи лешего в современном мире, даже среди людей, проживающих в городе и в меньшей степени связанных с пространством леса. Более того, мы можем заметить не только сохранность образа, но и присутствие моделей взаимодействия с ним – причем моделей также не претерпевших существенных изменений по отношению к традиционным.

Одновременно с этим, мы рассмотрели единичный случай крайне экстравагантной трактовки событий, которые могли бы быть приписаны лешему. Безусловно, трактовку феномена блудного места с позиций веданты, можно признать исключительно чуждой русскому культурному пространству, однако она может быть объяснена с позиций общих механизмов развития культуры в современном мире.

В целом, анализ рассмотренных нами кейсов приводит к двум выводам.

Первое, что можно отметить – это пребывание части кейсов в области традиционных фольклорных представлений о лешем, с оговоркой на присутствие в некоторой степени более современных тенденций. В этом мы можем видеть как своеобразное развитие фольклорной проблематики в современной культуре, так и элементы заимствованных или компилированных представлений. Это не является исключительным.

Более интересным является наблюдение, связанное с самой специфической представлений. Мы можем видеть, что леший становится объяснением для целого ряда представлений – здесь присутствует и феномен «блудного места», причем трактуемый крайне специфично, и какие-то сущностные проявления. Таким образом, можно в принципе отметить примерно следующую модель:

1. Человек сталкивается с событием или явлением, которое выходит за рамки сложившихся представлений о реальности.

2. Человек находит объяснение этому событию или явлению в мифологическом дискурсе, который представляется ему наиболее актуальным для сложившейся ситуации.

Подобная модель не является новой, и уже отмечалась нами при анализе мифологизированного восприятия астрономических явлений в русских летописях [5, с. 109]. Таким образом, мы можем в большей степени

говорить не о мифологической традиции и ее проявлениях, а о своего рода психологическом феномене, который является в определенной степени индуцированным – то есть, находящемся в зависимости от представлений, воспринятых из культуры или информационного пространства. Этим может быть объяснена крайне экстравагантная трактовка феномена «блудного места» с позиции веданты, приведенная нами выше.

Развитие представлений о паранормальном и сверхъестественном как своеобразных индуцированных феноменов уже отмечалось исследователями. Так, например, существенную взаимосвязь между индуцированными психическими состояниями и представлениями о сверхъестественном отмечал еще В.М. Бехтерев [2], и это было продемонстрировано позднее на более специфичных кейсах [3, 4].

Вместе с этим необходимо отметить, что, несмотря на высокий потенциал исследования представлений о сверхъестественном и паранормальном с точки зрения психологии [11, с. 23], исследования в этой области сосредоточены в основном на разного рода религиозных моделях, и практически не затрагивают представления о сверхъестественных существах, паранормальных явлениях и бытовом мистицизме (к которым относятся в том числе и материалы данного исследования), что создает определенный «пробел» в научном подходе к подобным феноменам [11, с. 23].

Список литературы

1. Айвазян С. Указатель сюжетов русских быличек и бывальщин о мифологических персонажах / С. Айвазян, О. Якимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/ayvazan1.htm> (дата обращения 21.08.2021).
2. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. – СПб: Издание К.Л. Рикера, 1908
3. Ван Хааске Л.А. Образ ведьмы в документах судебного процесса в Салеме // Этническая культура. – 2021. – Т. 3. №1. – С. 30–36. DOI 10.31483/r-97978
4. Ван Хааске Л.А. Образы страха перед сверхъестественным в мифологической традиции Европы эпохи высокого средневековья // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2014. – №3. – С. 54–62.
5. Ван Хааске Л.А. «Подтверждаемые Знамения»: к проблеме мифологизации астрономических явлений // *Filo Ariadne*. – 2021. – №2(22). – С. 102–111.
6. Власова М. Н. Поверья и сюжеты о «городских» домовых и полтергейстах в русской фольклорной традиции последней четверти XX в. // Антонов Д.И., Христофорова О.Б. (отв. ред. и сост.) *In Umbra: Демонология как семиотическая система*. Вып. 1. – М.: Индрик, 2012.
7. Зиновьев В.П. Указатель сюжетов-мотивов быличек и бывальщин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruthenia.ru/folklore/zinoviev2.htm> (дата обращения 21.08.2021).
8. Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб: Товарищество Р. Голик и А. Вильборг, 1903.
9. Неклюдов С.Ю. Несколько слов о постфольклоре // *Язык фольклора: учебно-методическое пособие*. – Томск, 2005. – С. 66–68.
10. Толстой Н.И. (общ. ред.) *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Рос. акад. наук. Ин-т славяноведения и балканистики*. – М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепелка).
11. Irwin H. J. *The psychology of paranormal belief: A researcher's handbook*. Univ. of Hertfordshire Press, 2009.
12. Архив Антропологического общества им. Г.Ф. Лавкрафта, сообщение 14, 20, 32, 43/621.
13. Архив Антропологического общества им. Г.Ф. Лавкрафта, сообщение 62, 78/721.

Вязова Ольга Георгиевна

канд. ист. наук, доцент

Василенко Оксана Витальевна

канд. филос. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКИХ ИГР КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО СОЦИУМА (НА ПРИМЕРЕ ЧУВАШИИ НАЧАЛА XXI в.)

***Аннотация:** в статье на основе опубликованной литературы и полевых материалов рассмотрены изменения, произошедшие в детских играх сельских жителей Чувашии в начале XXI в. Отмечены серьезные изменения в языке общения и фольклорном творчестве детей, в разнообразии ролевых игр, появление новых видов подвижных игр, влияние улучшения инфраструктуры сельских населенных пунктов, повышения уровня жизни селян, а также распространения компьютерных игр, телевидения, интернета на игровую культуру детей. Показаны примеры трансформации детских игр как показатели трансформации сельского общества.*

***Ключевые слова:** детские игры, ролевые и подвижные, зимние и летние игры, сельский социум, трансформация, язык общения, детский фольклор, сельскохозяйственный труд, компьютерные игры.*

Глобальные изменения, происходящие в современном мире: расширение использования различных средств коммуникации и связи, проникновение компьютерных технологий не только в жизнь горожан, но и селян, оказывает воздействие на функционирование всего сельского социума и его отдельных частей в том числе. В статье предполагается рассмотреть изменения, происходящие в играх сельских детей Чувашии в начале XXI века на основе материалов, собранных автором 2019, 2020, 2021 гг. путем интервьюирования студентов очной формы обучения Чувашского государственного университета чувашской национальности, приехавших из разных районов Чувашии.

Для проведения интервью были выбраны студенты очной формы обучения первых – третьих курсов, так как они в большинстве своем являются 1997–2003 годов рождения, следовательно их детские годы пришлись на период начала XXI века. Интервьюирование проводилось на основе разработанного автором вопросника. Он состоял из нескольких блоков: первый блок – персональные данные (имя, фамилия, отчество, число, месяц, год рождения, в каком населенном пункте провели детство, краткие сведения о родителях, национальность), второй блок посвящен непосредственно игровой культуре, он включал в себя следующие разделы: наличие игровых площадок, их характеристика, язык общения между детьми, менялся ли он, если менялся то, когда и в связи с чем, описание зимних и летних, осенних и весенних игр, игр, в которые играли дети

дома, игры мальчиков, игры девочек, как разрешались конфликты, возникающие между детьми, ставились ли театральные постановки, если да, то какие; третий блок был посвящен игрушкам, четвертый блок – компьютерным играм, пятый блок – частушкам, стишкам, считалочкам, шестой блок – книгам и журналам, которыми увлекались дети, в эту же часть вошли и вопросы, связанные с коллекционированием. Всего было проведено 25 интервью. В исследовании приняли участие уроженцы разных районов Чувашии (Аликовского, Батыревского, Вурнарского, Красноармейского, Козловского, Моргаушского, Ибресинского, Шемуршинского, Шумерлинского, Янтиковского, Комсомольского, Чебоксарского), проживающие в деревнях, селах и поселках городского типа (далее ПГТ).

Следует отметить, что к рассмотрению детских игр очень часто обращались чувашские ученые, занимавшиеся изучением этнопедагогики и этнографии детства. Так, О.В. Егорова в докторской диссертации показывает этапы формирования игр, детского права в коллективе, дает описание традиционных чувашских игр, затрагивает и некоторые вопросы, связанные с игровой культурой детей. Все эти вопросы рассматриваются на протяжении второй половины XIX – первой трети XX вв. [2]. З.И. Сокольниковка большое внимание уделяет психолого-педагогическим аспектам детских игр [22]. Детская игра, как часть детского фольклора, привлекает внимание и чувашских филологов. Огромный набор детских чувашских игр представлен в работе Г.И. Воронцова [1]. При подготовке своего издания Геннадий Иванович использовал материалы, полученные от студентов Чувашского государственного университета, учащихся Чебоксарской школы-интерната, а также присылаемые юными жителями Чувашии в редакцию детского журнала «Силсунат», выходящего на чувашском языке. Свой вклад в сохранение традиционных чувашских игр вносят специалисты, занимающиеся вопросами дошкольного образования и воспитания. В учебно-методическом пособии, подготовленном Л.Г. Ягдовой и И.В. Махаловой для воспитателей дошкольных учебных заведений [23] на русском и чувашском языках приводятся примеры различных детских игр. Использование в книге двух языков делает информацию о чувашских традиционных играх более доступной.

Материалы, собранные и проанализированные отмеченными выше исследователями, позволяют увидеть те изменения, которые произошли в детских играх чувашского населения республики к первым десятилетиям XXI в.

Проведенное автором анкетирование и интервьюирование молодых людей позволяет констатировать сужение использования родного языка детьми в процессе своих игр. Из 25 опрошенных только двое указали, что один из родителей был русской национальности, все остальные дети выросли в семьях, где оба родителя были чувашской национальности. При этом 12 человек сообщили, что при общении со сверстниками ими использовался русский язык. Данный факт никак не комментировался [4] или объяснялось это тем, что дома родители разговаривали на русском языке [10], многие дети не понимали чувашского языка, особенно летом, когда к бабушкам и дедушкам приезжали внуки из разных городов [18]. Два респондента указали, что в основном общались на русском языке и только иногда переходили на чувашский язык, к примеру, «когда собирались домой, прощались на родном языке» [7; 19], один – подчеркнул, что «разговаривали и на русском,

и на чувашском языке» [11]. Два человека сообщили, что язык общения с друзьями и подругами претерпел изменения, если «до 5–6 классов в основном говорили на родном языке, то потом, когда в школе стало больше предметов изучаться на русском языке чаще в общении стал использоваться именно этот язык» [9]. И восемь респондентов подчеркнули, что они общались исключительно на родном чувашском языке. Ребята, проживавшие в поселках городского типа и районных центрах, чаще указывали на русский язык, как средство общения между детьми.

Любая игра начиналась с выбора ведущего или водящего, что делалось с помощью считалок. В книге Г.И. Воронцова их можно найти большое количество, отражавших даже события современности. К таким можно отнести считалку:

Эп – Гагарин, эс – Титов, въл – Валерий Соколов.

Андриян пекех маттур. Кам пуласшӑн?

Петӑр, тух!

Я – Гагарин, ты – Титов, он – Валерий Соколов.

Андриян такой же молодец. Кем будешь ты?

Петр, выходи! (перевод автора) [1, с. 117].

Приведенный Г.И. Воронцовым материал также демонстрирует активное проникновение русского языка в творчество сельских детей. Это видно на примере считалок, состоящих из русских и чувашских слов.

В начале XXI в. дети чаще всего использовали считалки на русском языке, даже те, кто указывал родной язык, как язык общения в детской среде, почему-то сразу же вспоминали считалки на русском языке. Только двое опрошенных, Елизавета Семенова и Екатерина Иванова, привели примеры считалок на чувашском языке [6, 15]. Екатерина Иванова перечислила 12 считалок, многие из которых можно найти в сборнике Г.И. Воронцова. Причем, о них она узнала от бабушки, мамы, которая работает воспитателем в детском саду, а также «о них упоминали в школе, когда девочка училась в первом классе» [6]. Следовательно, проведенное автором исследование показывает, фактически прекращение творчества детей в области придумывания новых считалок на чувашском языке.

Продолжающаяся асфальтизация сельских населенных пунктов вносит свои коррективы и в детские подвижные игры. Ребята стали указывать в качестве одного из вида времяпровождения – катание на роликовых коньках, почти все вспоминали езду на велосипедах, появилась игра «в классики» (для которой нужен был асфальт, чтобы расчертить прямоугольные классы).

Доступность телевидения с его многочисленными программами, в том числе и детскими, рост благосостояния сельских жителей вносят изменения в массу детских игрушек. Уходит в прошлое традиция изготовления игрушек силами детей или взрослых. Только некоторые девочки указывали на игру с куклами, которые вырезались из бумаги [10; 9; 19; 20], что шили или вязали сами одежду для кукол [5; 11; 13; 21]. Большинство мальчиков и девочек пользовалось только покупными игрушками и мечтали о тех, которые показывались в рекламных роликах на детских каналах: беби борн, барби, лего, кукольном доме, детской игровой кухне [3; 5; 10; 14; 21].

В начале XXI в. на село активнее проникают интернет и компьютеры. Интернет-игры и игры-приставки становятся знакомы и сельским детям, правда пока далеко не у всех была эта техника и стабильно работал

интернет. Тем не менее, многие респонденты указывали, что компьютерные игры их сильно увлекали, что даже доходило до конфликтов с родителями, и родители ограничивали пользование компьютером или даже «забирали блок питания» [3; 7; 10; 12; 14; 20; 21].

Изменяются ролевые игры сельских детей. Только двое респондентов рассказали об играх, связанных с сельскохозяйственной деятельностью. К примеру, Люба Юманова описала игру «ферма», когда они с младшим братом с помощью игрушечных животных обыгрывали процесс разведения домашней скотины: они на условных лугах дома пасти скот, загоняли стадо домой, доили и кормили коров и другую скотину [21]. В то время, как отмечала О.В. Егорова «в летних играх трех-четырёхлетних детей преобладала трудовая тематика» [2, с. 337]. Много примеров игр, связанных с сельскохозяйственным трудом, приводит в своей книге и Г.И. Воронцов. Учítывая, что на игровую деятельность детей огромное влияние оказывает окружающая их действительность, собранный автором материал позволяет сделать вывод, что сельскохозяйственный труд уже не является определяющим и значимым в жизни сельских ребят. Активно в игровую деятельность стали проникать игры совершенное не связанные с сельскохозяйственным производством, такие как «магазин», «кафе», «школа», «больница», «показ мод», «салон красоты», «офис», «войнушки – борьба с террористами и бандитами» [3; 10; 15; 18; 19; 20; 15; 22]. Некоторые респонденты сообщали об устраиваемых для своих родителей, бабушек и дедушек концертах, на которых дети копировали выступления представителей чувашской эстрады, театрализованных, кукольных представлений [9; 20]. При этом продолжают существовать такие традиционные игры, как «дочки-матери», «гости» [9; 15].

Дети, как и раньше, продолжают придумывать новые варианты игр. Их появление теперь становится следствием просмотра мультфильмов, художественных фильмов или знакомство с компьютерными играми. К примеру, в основу игры «злой сосед» легла одноименная компьютерная игра. В этой игре злой сосед «строил свой дом», у него был ключ – палочка, которую нужно было забрать, «когда он спал», злой сосед догонял тех, кто забирал у него ключ-палочку [6], еще один вариант новой игры в догонялки – «зомбики» [7]. После просмотра сериала «Могучие рейнджеры» появилась одноименная игра – аналог игры «в войнушку», часть ребят представляла себя героями, другая часть – злодеями, которые пытаются уничтожить мир [15].

Таким образом, нами были выявлены следующие изменения в детских играх сельских детей: во-первых, изменяется язык общения ребят, на первое место выходит не родной чувашский язык, а русский. Во-вторых, прекращается фольклорное (игровое) творчество детей на чувашском языке. В-третьих, существенные трансформации претерпели ролевые игры, среди которых почти исчезли игры, связанные с сельскохозяйственным трудом. В-четвертых, различные новые средства связи и коммуникации активно в начале XXI в. проникают и на село, о чем говорит увлечение ребят компьютерными играми. В-пятых, улучшение инфраструктуры сельских населенных пунктов и повышение уровня жизни селян приводит к распространению таких новых видов занятий, как катание на велосипедах, роликовых коньках, игра в бадминтон. В-шестых, продолжает развиваться игровое творчество детей: появляются новые игры. Их появление, как правило, становится результатом просмотра художественных

фильмов или знакомством с компьютерными играми. Выделенные процессы позволяют в какой-то мере судить и об изменениях, происходящих в сельском социуме Чувашии: одно из них – уменьшение использования чувашского языка в быту сельских жителей.

Список литературы

1. Воронцов Г.И. Чувашские детские игры: [Для сред. шк. возраста]. Часть первая. На чувашском языке / Г.И. Воронцов. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1992. – 126 с.
2. Егорова О.В. Этнография детства чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX – первой трети XX вв.: традиционная родильная обрядность и социализация ребенка: дис. ... д-ра ист. наук. – Чебоксары, 2010. – 537 с.
3. ПМА. Интервью с Васильевой А.А. (2002 г.р.). Чувашская Республика (далее – ЧР). Ибресинский р-н. ПГТ Ибреси. 07.05.2021.
4. ПМА. Интервью с Гавриково Е.С. (2002 г.р.). ЧР. Аликовский р-н. с. Аликово. 07.05.2021.
5. ПМА. Интервью с Ефремовой М.А. (2003 г.р.). ЧР. Янтиковский р-н. д. Уразкасы. 05.05.2021.
6. ПМА. Интервью с Ивановой Е.С. (2002 г.р.). ЧР. Вурнарский р-н. д. Санарпоси. 22.05.2021.
7. ПМА. Интервью с Ивановым В.А. (1997 г.р.). ЧР. Аликовский р-н. с. Аликово. 07.10.2020.
8. ПМА. Интервью с Ивановой Л. Р. (2002 г.р.). ЧР. Чебоксарский р-н. ПГТ Кугеси. 04.05.2021.
9. ПМА. Интервью с Калашниковой А. А. (2002 г.р.). ЧР. Комсомольский р-н. д. Старый Сундырь. 05.05.2021.
10. ПМА. Интервью с Кузьминой К.В. (2000 г.р.). ЧР. Шумерлинский р-н. с. Туваны. 07.05.2021.
11. ПМА. Интервью с Ложкиной М. Г. (2002 г.р.). ЧР. Канашский р-н. д. Юманзары. 07.05.2001.
12. ПМА. Интервью с Никитиным Д. А. (1999 г.р.). ЧР. Красноармейский р-н. д. Анаткасы. 07.05.2021.
13. ПМА. Интервью с Петровой Д. В. (2002 г.р.). ЧР. Красноармейский р-н. с. Красноармейское. 29.10.2021.
14. ПМА. Интервью с Романовой А.В. (1999 г.р.). ЧР. Моргаушский р-н. с. Юнга. 18.10.2020.
15. ПМА. Интервью с Семеновой Е.В. (2002 г.р.). ЧР. Вурнарский р-н. д. Ершипоси. 20.04.2021.
16. ПМА. Интервью с Скворцовой Л. Г. (2002 г.р.). ЧР. Яльчикский р-н. с. Яльчики. 20.04.2021.
17. ПМА. Интервью с Скворцовой А. Ф. (2002 г.р.). ЧР. Чебоксарский р-н. д. Вурманкасы. 21.04.2021.
18. ПМА. Интервью с Терентьевой А.О. (2002 г.р.). ЧР. Ибресинский р-н. ПГТ Ибреси. 06.05. 2021.
19. ПМА. Интервью с Трофимовой А.Р. (2002 г.р.). ЧР. Чебоксарский р-н. ПГТ Новое Аглашево. 07.05.2021.
20. ПМА. Интервью с Удиной О. А. (2002 г.р.). ЧР. Шемуршинский р-н. с. Шемурша. 07.05.2021.
21. ПМА. Интервью с Юмановой Л.А. (2002 г.р.). ЧР. Комсомольский р-н. д. Малые Кошелеи. 25.04.2021.
22. Сокольников Э.И. Этнопедагогика чувашской семьи: история, теория, практика (XIX-XX вв.): дис. ... д-ра пед. наук. – М., 1998. – 358 с.
23. Ягодова Л.Г. Чувашские детские игры / Л.Г. Ягодова, И.В. Махалова. – 2-е изд., доп. – Чебоксары: Новое время, 2005. – 135 с.

Павлушков Александр Рудольфович

канд. ист. наук, доцент

ФКОУ ВО «Вологодский институт права и экономики ФСИН»

г. Вологда, Вологодская область

DOI 10.31483/г-101386

КРЕСТЬЯНСКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЦЕРКОВНЫХ ПРАВИЛ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В XVIII–XIX ВВ.

Аннотация: в статье рассматривается деятельность выборных должностных лиц, осуществлявших контроль за соблюдением церковных правил крестьянами в повседневном быту и непосредственно в храме. Раскрывается статус и функции церковного старосты, сотского, старосты мирян; а также – градация и особенности соблюдения правил церковной жизни крестьянами.

Ключевые слова: крестьянское самоуправление, общественная деятельность, церковный староста, староста, сотский, христианские правила.

При всем многообразии значения понятия «повседневность», оно чаще понимается в двух смыслах: в широком – как отражение социокультурного мира, и в более узком – как проявление обыденной жизни людей [1]. Единой универсальной категории повседневности не существует. Общим является признание в качестве объекта познания реальности, опыта и жизни человека.

Повседневная жизнь крестьян была неразрывно связана с выполнением церковных правил. Длительный период совместного существования церкви и крестьянского общества привел к тому, что церковные правила прочно усваивались в общественном сознании в форме табуированных традиций. Даже правонарушения священнослужителей и конфликты мирян с духовенством не меняли отношения крестьян к церкви. Церковные правила воспринимались как священные установки, благодаря которым сохранялось единство и целостность крестьянского мира. Подчеркнем, что весь крестьянский уклад был «завязан» на выполнение церковных правил. Они условно делились на несколько категорий:

– правила участия в религиозных церемониях, уклонение от которых приравнивалось к преступлению (посещение службы, ежегодная исповедь, участие в церковных праздниках и т. д.);

– правила повседневного быта (соблюдение церковных постов, христианских заповедей, знание церковного календаря и следование ему);

– правила формирования христианского мирознания (молитвы, чтение-слушание христианской литературы, осуждение противников церкви и т. д.).

Первые два комплекса – это правила, регулирующие поведение человека в соответствии с канонами христианской церкви, последнее – это правила формирования христианского сознания, то есть способность мыслить и рассуждать сообразно учению Русской православной церкви.

Контроль за выполнением требований христианских правил обеспечивали различные инстанции: государственные (полиция, чиновники), церковные и общественные (выборные должностные лица, наделенные соответствующими полномочиями). Значение последних исторической наукой явно недооценено.

В московский период выборные земские учреждения выполняли заметную роль в осуществлении делегированных государственных

полномочий по решению местных вопросов. Их статус и полномочия регламентировались земскими уставными грамотами [2]. Выборные институты постепенно включались в запутанную структуру управления и находились в тесном взаимодействии с приказными учреждениями, органами центральной власти [3]. Не менее сложным был и процесс встраивания обществственных институтов крестьян в систему церковных учреждений.

С появлением в начале XVIII века регулярного государства роль общественных институтов заметно возросла. На них были возложены государственные функции по надзору за сбором податей. Организация работы общественных учреждений стала иметь более последовательный характер.

Рассмотрим на примере отдельных выборных должностей процесс общественного контроля за соблюдением церковных правил крестьянами.

Прежде всего необходимо выделить должность церковного старосты. Его статус регламентировался указами императора Петра I. Приходская церковь могла обустраиваться при дворах поселян, которые одновременно избирали церковного старосту [4, с. 545]. Функции старосты первоначально сводилась к контролю за расходованием денежных средств на покупку помещений для нужд церкви [5, с. 548]. В дальнейшем полномочия церковных старост были расширены. К их введению относились: кружечные сборы, продажа свечей, хранение собранных средств и отчет за их расходованием [6]. В 1808 г. Синодом была разработана инструкция, которая более детально регламентировала организацию деятельности церковных старост [7, с. 185]. Они выбирались на три года из числа «благонадежных и заслуживших доверие» лиц. На собрании присутствовал благочинный. Законом исключались ограничения по имущественному принципу, но на практике в должности церковных старост чаще избирали представителей купечества или зажиточного крестьянства, доходы которых позволяли оказывать попечительскую деятельность.

Кандидатура церковного старосты согласовывалась с епархиальными властями. Тем не менее на практике встречались факты уклонения избранными лицами от возложенных на них обязанностей [7, с. 186]. Церковные старосты получали знаки отличия, освобождались от нарядов, имели ряд льгот. Инструкция расширяла экономические и надзорные функции церковных старост. С этого момента они не только «хранили и употребляли церковные деньги», но и «сохраняли всякое церковное имущество» [7, с. 188], а также могли принимать вклады в пользу местной церкви. К числу административных функций значились: «контроль за чистотой в церкви», выявление незаконной продажи свечей, «присмотр за домами, находящимися на иждивении церкви» (приюты, богадельни). Обо всех происшествиях церковный староста сообщал благочинному или епархиальному архиерею.

Церковные старосты обязаны были побуждать прихожан к сбору средств в пользу церкви, что считалось богоугодным делом. Оказание материальной помощи рассматривалось как христианский долг, поскольку собранные средства шли на благотворительные цели. О крупных вкладах в пользу церкви сообщалось в церквях, на собраниях прихожан, в местных печатных изданиях.

В более поздний период были приняты документы, требовавшие от церковных старост также «наблюдать за благочинием лиц, присутствовавших в церкви во время богослужения», следить «за исправностью нижних чинов, состоящих при церкви» (обслуга, охрана и т. д.) [8, с. 331].

Внецерковная жизнь мирян контролировалась другими выборными должностями. Они помогали разрешать споры между духовенством и

гражданским населением, следили за соблюдением мирянами правил христианской жизни, оказывали содействие церковным и светским властям в выявлении нарушителей [9]. Кандидатуры на выборные должности отбирались мирскими сходами – «наиболее авторитетными и распространенными органами местного самоуправления», которые имели иное название – «неполные сходы» (то есть собираемые по ограниченному кругу вопросов, в частности, – для проведения выборов) [10, с. 8].

К числу выборных должностей, чья деятельность была связана с контролем за повседневным бытом крестьян, можно отнести сотского, старосту, пятидесятского и десятского. Если на старосту возлагались организационные, попечительские и общеуправленческие функции, то сотский занимался судебно-полицейскими задачами. Пятидесятский и десятский являлись «товарищами» сотского и выполняли его поручения.

Подчеркнем, что единого (устоявшегося) значения понятия «старосты» не существовало. В разных территориях в зависимости от стоящих проблем, статус старосты мог наполняться различным социально-правовым содержанием. Положение старосты было определяющим, поскольку на него замыкались все вопросы, касающиеся жизнедеятельности крестьянского мира. Он непосредственно участвовал в разрешении семейных конфликтов, что одновременно относилось к ведению церкви. Староста выступал арбитром в решении конфликтов между соседями, следил, чтобы миряне посещали приходскую церковь, вели себя «учтиво» и «богобоязненно».

Функции сотского ограничивались выполнением полицейских задач. Он помогал расследовать дела против церкви, которые инициировались епархиальным начальством. К ним относились: подозрение на возвращение в раскол, непосещение церкви, несоблюдение церковных постов.

Таким образом в XVIII–XIX вв. относительное единство крестьянской общины обеспечивалось деятельностью выборных лиц. В круг вопросов, которые они рассматривали, входила и организация взаимодействия с местной церковью, епархиальным начальством. Выборные следили за соблюдением христианских традиций, что обеспечивало крестьянскому миру устойчивость.

Список литературы

1. Березовая А.Ю. Становление термина «Повседневность». Различные подходы к рассмотрению термина «повседневность» учеными / А.Ю. Березовая // Культура. Духовность. Общество. – 2012. – №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-termina-povsednevnost-razlichnye-podhody-k-rassmotreniyu-termina-povsednevnost-uchenymi> (дата обращения: 12.03.2022).
2. Шумаков С.А. Губные и земские грамоты Московского государства / С.А. Шумаков – Репринтное изд. 1895 г. – М.: Книга по Треб., 2011. – 250 с.
3. Носов Н.Е. Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века / Н.Е. Носов – М.: Акад. наук СССР, 1957. – 408 с.
4. Полное собрание законов Российской империи. 1649–1825. – №3771.
5. ПСЗРИ-I. – №3776.
6. ПСРИ-I. – №4277, 6303, 6994.
7. ПСРИ-I. – №22971.
8. ПСРИ-II. – №27403.
9. Павлушков А.Р. Создание системы церковного надзора в первой половине XVIII в. / А.Р. Павлушков // Вестник Череповецкого государственного университета. Научный журнал. – 2014. – №7 (60). – С. 43–47.
10. Камкин А.В. Общественная жизнь северной деревни XVIII века. / А.В. Камкин. – Вологда: ВГПИ, 1990. – 96 с.

ПОДВИГ ТРУЖЕНИКОВ ТЫЛА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Григорьев Александр Дмитриевич

канд. ист. наук, доцент

Харитонова Светлана Брониславовна

канд. ист. наук, доцент, начальник отдела

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

DOI 10.31483/г-101180

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЧУВАШСКОЙ АССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы деятельности Народного комиссариата социального обеспечения в годы Великой Отечественной войны на территории Чувашской АССР, связанные с его структурой и численностью, материально-бытовым обслуживанием, трудовым устройством и обучением инвалидов, пенсионным обслуживанием населения, работой с жалобами и заявлениями, поступающими от населения.

Ключевые слова: народный комиссариат социального обеспечения, Чувашская АССР, Великая Отечественная война, социальное обеспечение населения, инвалиды, материально-бытовое обслуживание, государственные органы власти.

В ведение Народного комиссариата социального обеспечения в годы Великой Отечественной войны входили 28 районных и 3 городских отдела социального обеспечения, а также два дома-интерната для инвалидов Великой Отечественной войны (Кувакинский и Усадский, находящийся в городе Чебоксары, общей вместимостью на 133 человека). Народный комиссариат социального обеспечения также занимался обслуживанием двух домов общего типа для инвалидов труда в городе Ядрине на 25 человек и селе Тарханы Первомайского района на 55 человек; детского дома и дома-интерната для инвалидов Великой Отечественной войны на 100 человек в Калининском районе. Штат наркомата в годы войны состоял из 13 человек, а вместе с отраслевыми отделами (отдел колхозных касс взаимопомощи, обществами слепых и глухих) из 22 человек, причём далеко не всегда был полностью укомплектован [2, л. 136].

На протяжении всей Великой Отечественной войны работники Народного комиссариата социального обеспечения выезжали в районы для проверки и оказания помощи отстающим райсобесам по вопросам правильного назначения и выплаты пенсий, по трудоустройству инвалидов, по кассе взаимопомощи, а также по реализации вышедшего в октябре 1943 года приказа №175 «О мероприятиях по улучшению материальных условий в интернатах для инвалидов Отечественной войны». На заместителя

председателя Совета народных комиссаров К.Е. Евлампиева [2, л. 138] была возложена ответственность за выполнение плана изготовления протезов для инвалидов Великой Отечественной войны.

Материально-бытовое обслуживание инвалидов Великой Отечественной войны было организовано через колхозные кассы взаимопомощи, в городах выдавалась единовременная помощь, кроме того, оказывалась материальная помощь в виде валяной и кожаной обуви, одежды, белья, ткани и др. [3]. В Чебоксарах был организован специальный магазин для инвалидов войны закрытого типа, где они снабжались продовольственными товарами. Согласно решению Совета народных комиссаров, в Чувашской АССР инвалиды войны, в соответствии с постановлением Государственного комитета обороны от 12 октября 1943 года, были прикреплены к столовой, те кто работал – по месту работы, а неработающие первой и второй группы – к специальной столовой, где обедали без очереди [2, л. 140]. В время войны в интернатах для инвалидов были открыты пошивочная и сапожная мастерские, имелись подсобные хозяйства, где также держали скотину и птицу.

Значительная помощь для инвалидов войны поступала из колхозных касс взаимопомощи, осуществлялась она преимущественно вещами, они так же, как и в городе были прикреплены к колхозным столовым. Однако в некоторых районах Чувашской АССР имелись проблемы, так в 1943 году инвалиды войны из Аликовского и Октябрьского районов специально приезжали в Чебоксары и жаловались на то, что плохо обеспечены бельём, обувью и одеждой [2, л. 141].

Всю Великую Отечественную войну Народный комиссариат социального обеспечения Чувашской АССР внимательно следил за пенсионным обслуживанием населения, а именно выплатой пенсий по государственному социальному страхованию инвалидам труда, семьям, потерявшим кормильцев, пенсионерам за выслугу лет и по старости. Вся эта работа производилась районными и городскими отделами социального обеспечения. Деньги население получало через почту, за исключением города Алатыря, где деньги доставляли по домам. По республике до начала войны на государственном обеспечении находилось 5700 пенсионеров, в 1942 году – 7800, в начале 1943 года – 8600, в начале 1944 года – 8400 человек, в республике в годы войны проживало 1300 инвалидов Первой мировой и гражданской войн [2, л. 142].

Помимо рассматриваемых вопросов Народный комиссариат социального обеспечения Чувашской АССР в соответствии с приказом №57 от 9 сентября 1942 года и постановлением СНК СССР №73 «О трудовом устройстве инвалидов Отечественной войны и труда» занимался трудоустройством инвалидов. Так инвалиды третьей группы, уклоняющиеся от работы в течение двух месяцев, снимались с пенсии решением комиссии. На 1943 год в республике из 4881 инвалида третьей группы от работы уклонялось 12, выплата пенсии им была прекращена. Из 1432 инвалидов труда не работало 176 человек, выплата пенсий им также была прекращена [2, л. 144]. Необходимо отметить, что случаев массового снятия с пенсии как в инвалидов труда, так и инвалидов Великой Отечественной войны не было.

Огромную работу Народный комиссариат социального обеспечения Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны проводил с жалобами и заявлениями, поступающими от населения. Если взять статистику по количеству жалоб и заявлений на 1943 год, то их в Наркомат поступило 383 [2, л. 147]. В основном население жаловалось на

неправильное назначение пособий, недостаточную помощь семьям военнослужащих и инвалидов войны. Все жалобы рассматривались в течение трёх дней, то есть в установленный законом срок, причём работой с ними занимались лично народный комиссар и его заместитель.

В годы войны Народный комиссариат социального обеспечения Чувашской АССР активно решал вопросы трудоустройства и обучения инвалидов войны. Так, на 1 декабря 1943 года по Чувашской АССР числилось 8701 инвалид Великой Отечественной войны, из них первой группы 145 человек, второй – 3675, третьей – 4881 человек. При этом в республике было трудоустроено 6758 человек, из них: инвалиды первой группы 4 человека, второй – 2295, третьей – 4459 человек, что составляло 91,3% от общего числа инвалидов третьей группы [2, л. 149].

Следует отметить, что инвалиды трудоустраивались в самых разнообразных отраслях промышленности и сельского хозяйства. В сельском хозяйстве республики был трудоустроен 4951 инвалид, в промышленности – 379, в кооперации – 95, надомниками – 97 человек [1]. В 1943 году прошли обучение 64 человека, в различного рода учреждениях работало 136 инвалидов, 101 был направлен в интернаты [2, л. 149]. В подавляющем большинстве инвалиды войны были трудоустроены по своей прежней профессии и при этом обеспечены всем необходимым. Те инвалиды войны, которые не имели возможности работать по своей прежней профессии, проходили переобучение и получали новую профессию.

На заводе №654 города Чебоксары работало 48 инвалидов Великой Отечественной войны по самым разнообразным профессиям: каменщики, стропальщики, слесаря, маляры, радисты. На данном предприятии были организованы курсы по переобучению и повышению квалификации. В сельском хозяйстве на начало 1944 года работал 4951 инвалид Великой Отечественной войны, из них на руководящей работе – председателями сельских советов – 153 человека, председателями колхозов – 278, счетоводами – 299, заведующими фермами – 217 человек [2, л. 150].

Во многом решение вопроса с трудоустройством инвалидов зависело от районных отделов социального обеспечения и лично заведующих райсобесами. Лучше всего в деле трудоустройства инвалидов в годы Великой Отечественной войны справились в Алатырском, Ишлейском, Канашском, Комсомольском, Красноармейском, Советском, Сундырском районах республики, где были трудоустроены все 100% инвалидов войны третьей группы [2, л. 150].

Обучение инвалидов также находилось на контроле Народного комиссариата социального обеспечения Чувашской АССР. Только за 1943 год по линии различных ведомств обучение прошли 113 инвалидов войны и труда [4]. При госпиталях Чувашии курсы окончили 38 человек. По линии Наркомата социального обеспечения Чувашской АССР обучалось 36 человек [2, л. 151]. Кроме того, обучение проходило и на межрайонных курсах: бригадиров, полеводов, заведующих фермами, учётников.

В целом, в годы Великой Отечественной войны Народным комиссариатом социального обеспечения Чувашской АССР, несмотря на нехватку работников в штатах, проводилась огромная работа, направленная на удовлетворение нужд инвалидов и пенсионеров, создания всех условий для их нормальной жизни.

Список литературы

1. Вязова О.Г. Промысловая кооперация Чувашской АССР в условиях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: организационные и финансовые аспекты деятельности / О.Г. Вязова // Вестник Российского университета кооперации. – 2012. – №1 (7). – С. 19.

2. Государственный архив Российской Федерации Ф. А-413. Оп. 1. Д. 364.

3. Григорьев А.Д. Организация деятельности Отделов рабочего снабжения по оказанию помощи населению Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны / А.Д. Григорьев, С.Б. Харитонов // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции. – Чебоксары: Изд-во ЧГИГН, 2021. – С. 159.

4. Кодыбайкин С.Н. Основные направления деятельности Народного комиссариата финансов Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. / С.Н. Кодыбайкин // Актуальные вопросы археологии, этнографии и истории: (к 30-летию основания кафедры археологии, этнографии и региональной истории): сб. мат. Всерос. науч. конф. – Чебоксары: ИД «Среда», 2019. – С. 150.

Ешпанов Владимир Сарсембаевич

д-р ист. наук, профессор
Казахский университет технологии и бизнеса
г. Нур-Султан, Республика Казахстан

Ешпанова Аида Арсеновна

студентка
Актюбинский региональный государственный
университет им. К. Жубанова
г. Актюбе, Республика Казахстан

Сарсембай Милена Владимировна

студентка
Киддерминстерское учебное заведение
г. Киддерминстер, Великобритания

НЕИЗВЕСТНОЕ ПРОШЛОЕ ИЗ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ 1941–1942 гг. ТЫЛОВОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА СССР ПЕРИОДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация:** целью статьи является выявление репрезентативности тылового источника в виде дневника для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. В работе раскрыты сведения из сохранившегося уникального раритета – личного дневника тылового железнодорожника, прошедшего суровые испытания на стальной магистрали в годы Великой Отечественной войны. Тыловой дневник позволил увидеть происходившее, такое грандиозное и страшное событие, глазами участника. Это уникальные воспоминания о тяжелом военном периоде.*

***Ключевые слова:** Великая отечественная война, дневник, железнодорожник, тыловая повседневность, воспоминание.*

Дневник военного времени – это тыловая летопись. Этот дневник – хроники военного периода. Из страницы в страницу, урывками молодой тыловой железнодорожник фиксировал происходящее, часто забывая ставить даты. Тыловой дневник Жубана Ешпанова, монтера пути Берчогурской дистанции пути Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги, – удивительное описание взглядов обычного железнодорожника. Дневник наполнен наблюдениями за ежедневным состоянием рабочего ритма, что позволило нам сегодня раскрыть неоткрытые страницы

прошлого. Интересно то, что это не послевоенные воспоминания, а именно дневник, который он вел с первых дней начала военных событий. Официального запрета вести дневники не было, но, тем не менее, многие боялись это делать. Содержащиеся в дневнике факты становятся основой для определения степени заслуг работников железнодорожного транспорта в годы великих испытаний.

С самых первых страниц тылового дневника мы получили информацию – отчет о работе железной дороги за первый квартал первого военного года. Бюро обкома КП (б) К от 15/VIII-1941 года обсудило работу Берчогурской дистанции Актюбинского отделения Оренбургской железной дороги, вскрыло все недостатки и наметило ряд мероприятий, улучшающих работу дистанции. Выполнение решений этого бюро проверялось в феврале 1942 года. Проверка показала, что руководители служб, партийные организации и политотдел не обеспечили полного исполнения решения бюро ОК КП (б) К от 15/VIII-41, в результате чего за последнее время работа на дистанции не улучшалась, а по основным показателям ухудшалась. Дистанция систематически не выполняет задание по приёму и отправлению поездов. Отправление поездов за II полугодие по графику составляет всего лишь 60%, а проследование по расписанию – 72%. Задержка поездов на станции и разъездах, в том числе воинских, стала системой в работе. Только за II полугодие 1941 года задержано более 200 поездов на 300 часов. Техническая скорость паровозов при задании 36,6 км выполняется всего лишь на 33 км. Простой паровоза на подъёмочном ремонте вместо 4-х дней составляет 14 дней, а на промывочном ремонте вместо 16 часов – 27 часов.

Таблица 1

Показания измерителей за первый квартал 1942 года [1]

	<i>Наименование измерителей</i>	<i>Задано</i>	<i>Выполнено</i>
1	Погрузка	3410 в.	2114 в.
2	Выгрузка	3390 в.	2235
3	Техническая скорость	39,9 км	33,6 км
4	Участковая скорость	20,8 км	12,2 км
5	Отправление поездов по графику	100	70,0%
6	Проследование	100	13,1%
7	Оборот вагона	1,8	3,59
8	Местный простой	20,0	36,9
9	Транзит с переработкой	6,3 ч.	6,2 ч.

Перелистывая хронику тылового времени, мы сталкиваемся с Постановлением Государственного Комитета обороны Союза ССР о размере движения поездов по Берчогурскому направлению, где установлено 19 пар в сутки. В октябре 1941 года по дистанции проходило 19–20, иногда 21 пара поездов. В ноябре движение поездов начало резко ухудшаться, что объясняется накоплением большого количества подвижного состава: 25 октября 1942 года находилось 47 нечетных поездов при задании 20 поездов. Срыв регулировочного задания движения поездов на данном направлении допущен за счет неприема поездов от станций Эмба и Актюбинск, что привело к накоплению излишнего подвижного состава и явилось главной причиной срыва движения поездов в этом направлении.

Автор дневника на одной из страниц оставил нам сведения о количестве брака в работе. Имеется такой брак, как сходы паровозов, обрыв поездов, проезд закрытых семафоров, контрольных столбиков и отправление по неготовому маршруту. Межпоездной ремонт за 3 месяца составил 370 случаев, многие паровозы простаивают под экипировкой вместо 1,5 часа до 10 часов. Имело место большое количество нарушений – 169, только в январе 1942 года имеется 8 нарушений указа Президиума Верховного Совета. Лунинские методы работы на отделении не организованы, паровозные бригады слесарному делу не обучаются. На станции Берчогур кондукторский резерв узла кадрами не обеспечен, не хватает по депо машинистов, их помощников и кочегаров. По дистанции пути не хватает 9 человек разных квалификаций, по пункту технического осмотра не хватает осматривщиков вагонов – 5 человек, подъездных вагонных мастеров – 3 человека и смазчиков – 4 человека.

Листая дневник, тыловую летопись, мы узнаем о решении руководства дороги от 4 ноября 1941 года, в котором указывалось руководству дистанции пути немедленно оздоровить путевое хозяйство на своем направлении. В условиях военного времени и острой нехватки материалов работа была приостановлена в данном направлении. Однако из-за халатного отношения к поручению руководства и невыполнения этого задания произошло крушение воинского поезда на Берчогурской дистанции. По указанию руководства дороги была произведена сплошная проверка рельсов, где обнаружено 300 штук дефектных шпал, 250 штук остро-дефектных рельсов и 1986 лопнувших накладок.

Углубляясь в дневниковые записи, мы натываемся на приказ от 1 августа 1942 г. №840/Ц, в котором народным комиссаром путей сообщения СССР определена четкая программа работ для железных дорог по следующим строительным объемам: 1) земляные работы; 2) искусственные сооружения; 3) укладка пути; 4) балластировка; 5) постоянные снеговые заборы; 6) гражданские постройки. Для выполнения всех этих работ дистанции требовалось определенное количество рабочих, строительных механизмов, материалов и рабочего инструмента. Однако, несмотря на крайнюю ограниченность средств, имевшихся для выполнения приказа №840/Ц, начальником Оренбургской железной дороги, дистанции пути были предложены к исполнению, с максимально возможным форсированием сроков окончания, ещё и дополнительные работы, не вошедшие в перечень объектов по приказу №840/Ц [2].

Встречаются и такие записи в дневнике: парторганизация дистанции пути не использует предоставленные им права контроля за деятельностью администрации, также слабо контролирует выполнение своих собственных решений. Основными задачами партийно-политической работы являлись выполнение поставленных выше задач, мобилизация коллектива на выполнение ежедневного графика работы, высокую производительность труда. Политотделы отделений также ослабили борьбу с хищениями, не привлекли коммунистов, комсомольцев и общественные организации к обеспечению сохранности грузов, не установили повседневной проверки охраны грузов.

За истекший период 1941 года по дистанции пути в изучении истории нашей партии приняли участие 265 человек, среди которых коммунистов было 45 человек, комсомольцев 97 человек, беспартийных 123 человека. Им было прочитано 15 лекций. За первый квартал 1942 года проведено 12 групповых консультаций с охватом 89 человек и 23 индивидуальных занятия [3]. Руководители партии должны решительно потребовать от каждого члена и кандидата партии настойчивого изучения истории

партии. Партком должен потребовать от секретарей парторганизаций ликвидировать пренебрежительное отношение к проведению лекций, когда сами секретари не считают нужным присутствовать на них.

В заключение хочется отметить, что, прочитав дневник, мы решили, что этот исторический документ достоин жить вечно в народной памяти. Он написан простым языком, понятным всем и каждому. Трагедия событий Великой Отечественной войны в разные годы советской власти подвергалась мифологизации и фальсификации. В современных условиях интерпретации событий Великой Отечественной войны они рассматриваются сквозь призму проблемы прошлого на основе документальной хроники тыловых дневников.

Список литературы

1. Государственный архив Актюбинской области (ГААО). Ф. 13. Оп. 16. Д. 41. Л. 6.
2. ГААО. Ф. 13. Оп. 18. Д. 29. Л. 12.
3. ГААО. Ф. 13. Оп. 12. Д. 22. Л. 53.

Кодыбайкин Сергей Николаевич

канд. ист. наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РОЛЬ МУЗЕЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ЧУВАШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ И.Н. УЛЬЯНОВА В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЁЖИ

***Аннотация:** в статье анализируется восьмилетний опыт воспитательно-патриотической работы музея Великой Отечественной войны Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова с учащейся молодёжью. Музей связан с поисковой деятельностью университетского отряда «Георгиевская лента».*

***Ключевые слова:** патриотическое воспитание, молодёжь, поисковое движение, музей Великой Отечественной войны.*

Музей является одним из важнейших компонентов современной культурной жизни общества. Это обуславливает его важную роль в общественной жизни и налагает определенные обязательства на те социальные институты, которые в силу выполняемых ими функций, обязаны, в целях эффективности своей деятельности и значимости их социальной роли, обратить самое пристальное внимание на музейную деятельность. В полной мере это относится к функционированию высших учебных заведений, одной из задач которых является культурное и морально-нравственное воспитание нашей молодёжи. События последних лет повышают актуальность этой задачи и предъявляют к работникам музейной сферы повышенные требования. Формирование мировоззрения человека, причастность к социокультурному наследию страны, уважение к прошлому и развитие патриотизма – важнейшие социальные функции, которые осуществляют музеи истории, без которых сегодня не обходится ни один вуз нашей страны.

Резюмировать вступление будет уместно словами профессионального музейного работника: «...музей стал мощной структурой формирования национально-патриотического и светского сознания... музейный работник сделал не меньше для укрепления чувств патриотизма, чем герои войн и сражений» [2, с. 55].

Цель данной статьи – обобщить более чем восьмилетний опыт работы музея Великой Отечественной войны Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова в патриотическом воспитании молодёжи. Анализ деятельности за такой период позволит определить наиболее эффективные методы работы с учащейся молодёжью, выявить недочеты и наметить задачи, решение которых позволит повысить эффективность работы музея.

В 2013 г. в стенах Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова возродилось, начатое ещё в начале 1990-х гг., поисковое движение по увековечиванию памяти погибших при защите Отечества в годы Великой Отечественной войны. Первая полевая экспедиция поискового отряда, состоящего из студентов историко-географического факультета, была проведена летом того же года. Непременной составляющей процесса, осуществляемого при поиске останков погибших солдат, являются находки многочисленных артефактов войны. Также было и в этой экспедиции, которая проходила на местах боёв в Духовщинском районе Смоленской области. Среди находок были и не часто встречающиеся, например, стальной нагрудник СН-42, которыми обеспечивались бойцы штурмовых инженерно-саперных бригад Красной армии. Вполне резонно встал вопрос о сохранении таких находок, т.е. создании музея и декан историко-географического факультета О.Н. Широков выступил с этой инициативой, что сразу же нашло поддержку руководства университета. Главную материальную помощь в организации музея (приобретение и установка выставочных шкафов-стендов) оказал выпускник факультета, председатель Попечительского совета историко-географического факультета и генеральный директор ООО «ГК Термотехника» Олег Константинович Степанов. Им же были приобретены первые музейные экспонаты.

Начало экспозиции музея было положено с помощью более опытных поисковиков. Более 200 экспонатов передала музею полномочный представитель Нижегородской областной молодежной общественной поисковой организации «Курган» в Чувашии П.М. Груздева (выпускница исторического факультета ЧГУ). Переданные артефакты войны были найдены на местах боёв в Тверской, Ленинградской, Волгоградской, Псковской областях в течение ряда предшествующих лет.

Размещение экспонатов, оформление пояснительных надписей, создание документальной базы музея Великой Отечественной войны было проведено силами студентов кафедры документоведения под руководством преподавателя музееведения, доцента С.А. Селивановой и П.М. Груздевой.

Торжественное открытие музея Великой Отечественной войны на историко-географическом факультете Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова состоялось 26 ноября 2013 г. Музей располагался в учебной аудитории I-508 (г. Чебоксары, ул. Университетская, 38).

Решением Учёного совета университета 27 марта 2014 г. поисковый отряд университета приобрёл нынешнее название – «Георгиевская лента». С 2014 г. работой музея руководит командир поискового отряда «Георгиевская лента», доцент кафедры археологии, этнографии и региональной истории С.Н. Кодыбайкин. Главным источником пополнения музейного фонда стали полевые экспедиции «Георгиевской ленты». Артефакты Великой

Отечественной войны обнаружены студентами-поисковиками на местах боёв на территории Смоленской (Духовщинский район), Калужской (Износковский район), Тверской (Бельский и Зубцовский районы), Мурманской (Мустатунтури и Лиинахамари), Ленинградской (Кировский район) областей и под Севастополем. Под Севастополем, где были проведены шесть экспедиций (в 2016 г. на Сапун-горе и на Федюхинских высотах, в 2017–2018, 2021 гг. – на Мекензиевых горах, в 2018–2020 гг. – на Балаклавских высотах) часто находились артефакты более ранних событий, особенно периода Крымской войны (1853–1856 гг.).

Экспонаты (в восьми шкафах-стендах) размещены по тематическому принципу: стрелковое оружие (деактивировано) и его элементы, гильзы различных систем стрелкового оружия и гранаты (ММГ), элементы амуниции, личные вещи и предметы фронтового быта, артефакты минно-сапёрного дела, части миномётно-артиллерийского вооружения. В большинстве своём, экспонаты располагаются по принципу «наши-враги»: с правой стороны (наше дело правое!) на стенде – артефакты, относящиеся к Красной армии; с левой – фашистской Германии и её союзников. Такое размещение даёт возможность сравнения, что повышает интерес у посетителей музея. Обработку артефактов и их подготовку к экспонированию проводят члены поискового отряда.

На отдельном стенде находится набор муляжей орденов и медалей, которыми награждались советские бойцы и командиры в годы Великой Отечественной войны (комплект подарен О.К. Степановым). Ещё на одном стенде размещена карта боевых действий Великой Отечественной войны на её начальном этапе (1941–1942 гг.), на которой флажками указаны места поисковых экспедиций «Георгиевской ленты».

Как показала практика работы музея, такое размещение экспонатов имеет свои преимущества, позволяющее возбудить больший интерес у посетителей музея.

С самого начала своего существования университетский музей Великой Отечественной войны ведёт активную экскурсионную деятельность. Такая работа, во-первых, связана с воспитательно-патриотическими мероприятиями для школьников (экскурсии проводятся в согласовании с мероприятиями школ города). Во-вторых, является обязательным компонентом профессионально-ориентационной работы университета – экскурсии проводятся для абитуриентов. В-третьих, здесь проводятся общественно-значимые мероприятия для студентов: уроки мужества, встречи с ветеранами Великой Отечественной войны и Вооружённых сил, участниками локальных военных конфликтов; мероприятия, посвящённые Дню защитника Отечества, Дню Победы в Великой Отечественной войне и т. п. В музее проходит встречи студентов с общественными и политическими деятелями. Высоко оценил важность подобной работы один из первых посетителей музея – глава Чувашской Республики М.В. Игнатьев, – побывавший здесь в мае 2014 г.

Особое значение имеют экскурсии для гостей университета – руководящих работников вузов России. Такие встречи помогают делиться опытом воспитательно-патриотической деятельности и её нюансами в различных регионах страны.

Экскурсии для школьников и студентов ведут, преимущественно, студенты – участники поискового движения, члены отряда «Георгиевская лента». Это обусловлено далеко не только тем, что руководитель музея в силу своей профессиональной занятости не всегда имеет возможность провести экскурсию. Студенты-экскурсоводы могут общаться со

слушателями на «одном» языке, находясь ближе к молодёжной аудитории, с которой, в силу общего возраста, в значительной мере составляют одно социокультурное пространство. Воспринимаемые аудиторией как старшие товарищи, они доступным слогом могут передать слушателям свои эмоциональные переживания и поделиться личным опытом поисковой деятельности. Периодическая подготовка экскурсоводов из студенческой среды, таким образом, – важная составляющая работы музея

Взаимодействие экскурсовода с аудиторией, как правило, проводится в различных форматах в их сочетании. *Рассказ-монолог*, обычно, посвящён малоизвестным фактам Великой Отечественной войны, которые, в той или иной степени, связаны с местами поисковых работ «Георгиевской ленты». *Беседа (диалог)* совершенно необходима по вопросам морально-нравственной оценки событий Великой Отечественной войны; она даёт возможность ощущения сопричастности к трагическим и героическим событиям тех лет. И, конечно же, *демонстрация*, во-первых, артефактов войны; во-вторых, фильмов и фотографий о поисковых работах (в аудитории установлен телевизионный экран).

В музее в качестве экспонатов демонстрируется более трёх сотен предметов. К наиболее ценным экспонатам можно отнести «смертные» медали бойцов Красной Армии, знаки различия военнослужащих РККА, личные вещи солдат противоборствующих армий, германский штурмовой знак, найденный с останками красноармейца и др. Конечно, невозможно, да и бессмысленно рассказывать обо всех музейных предметах в продолжение одной экскурсии. К тому же, «ржавое железо» само по себе совсем не притягивает взоры мальчиков и девочек, привыкших к яркой передаче информации (здесь не идёт речь о тех, кто целенаправленно интересуется военной историей). Как же построить экскурсию, имея в качестве главной задачи её патриотическую направленность?

В первую очередь, мы уверены, необходимо дать понимание сути поисковой деятельности и особенностях её проведения; и, уже через это, говорить о необходимости сохранения памяти о Великой Отечественной войне. Опыт ведения экскурсий показывает, что лучше выделить одну-две темы (связанных с экспонатами музея), о которых рассказать подробнее. Необходимо акцентировать внимание на тех артефактах, которые помогают смоделировать конкретную ситуацию времён войны во многих её подробностях.

Например, неизменным вниманием и неподдельным интересом юной аудитории пользуется рассказ об экспонатах «бутылки из-под шампанского». Недоумение, или даже улыбки, появляются у старшеклассников, когда они слышат о большом количестве бутылок из-под шампанского, которые мы находим на советских позициях под Севастополем. И уже по-другому они воспринимают информацию, что при отсутствии воды офицеры Красной армии получали только одну бутылку шампанского в сутки, а рядовые – одну на двоих; что вином заправлялись пулеметы «максим» (для охлаждения) и на вине варилась каша. И никто, мы уверены, не остаётся равнодушным, когда узнаёт, что «эта бутылка» висела на поясе командира Красной армии, которого взрывом разорвало напополам, а в бутылке, когда мы нашли её вместе с останками героя, ещё сохранялись остатки шампанского...

Ценность исторических знаний обуславливается их связью с современностью. На территории нашей республики не было боевых действий, но обязательным элементом экскурсий является информация о Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Главой Чувашской республики О.А. Николаевым 2021 год был объявлен Годом трудового подвига строителей Сурского и

Казанского оборонительных рубежей. Музей не остался в стороне от мероприятий, связанных с этими событиями. Поисковики университета вместе с коллегами принимали участие в полевых экспедициях, а музей пополнился артефактами с мест строительства рубежей. Обязательной составляющей экскурсий в нашем музее были рассказы об этом трудовом подвиге. 2022 год, объявленный в Чувашии Годом выдающихся земляков, найдёт соответствующее отображение в музейной деятельности.

Непременным условием передачи информации в стенах университета должна быть её научность. Только опираясь на работы исследователей можно сохранить главные требования к научной информации – её объективность, истинность и достоверность. Обязательное использование результатов научных изысканий, посвященных развитию Чувашии в годы Великой Отечественной войны, – важное требование к организации экскурсионной деятельности. Наибольшее значение для подготовки экскурсий из последних работ имеют публикации Е.Г. Шумилова, А.Д. Григорьева, М.И. Федулова и других историков [1–10].

К следующим этапам в развитии деятельности нашего музея, повышающего эффективность его воспитательно-патриотической работы, можно отнести организацию постоянных выездных выставок; использование в экскурсионной деятельности ММГ (макетов массо-габаритных) оружия Красной армии; организацию виртуальной версии музея. Первые шаги в этих направлениях уже сделаны.

В более отдалённой перспективе – смена музейного помещения на более вместимое. Это обусловлено тем, что в нынешней музейной аудитории нельзя разместить более крупные экспонаты, такие как, немецкий стационарный огнёмёт, дополнительный топливный бак танка Т-34–85, опорная плита миномёта и др., требующие большего экспозиционного пространства.

Кстати, интересным документом музея и, уже своеобразным источником, стала Книга отзывов посетителей. Первая запись от 16 мая 2014 года – от главы Чувашии Михаила Игнатьева. Выразили своё положительное отношение к нашей музейной деятельности ректоры вузов соседних регионов и стран; писатели и режиссёры, выпускники университета и наши добрые друзья и коллеги по поисковой деятельности. Есть записи на французском, японском и арабском языках. Символическое значение имеет запись от 22 июня 2017 г. на немецком языке, оставленная профессором из Германии, о необходимости сохранения мира и уважительном отношении к прошлому. Большинство же записей сделано от имени школьников и учителей различных школ города Чебоксары и других городов и районов Чувашии. И это – самая высокая оценка нашей деятельности.

Музейная деятельность участников поискового движения Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова вносит важный вклад в восстановление и сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне и в патриотическое воспитание подрастающего поколения. Это творческий процесс, который должен учитывать его организаторами и участниками особенности современной социокультурной и политической обстановки, а также возможности современных технологий. Только в этом случае можно максимально повысить эффективность работы по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Список литературы

1. Григорьев А.Д. Социальное положение и быт населения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Чувашской АССР): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Чебоксары, 2004. – 24 с.

2. Григорьев А.Д. Опыт преподавания дисциплины «Граждановедение и патриотическое воспитание» в Чувашском государственном университете имени И.Н. Ульянова // XX век в истории России. Гражданственность и патриотизм народа в годы великих потрясений и мирного строительства: сб. ст. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2016. – С. 4–7.

3. Григорьев А.Д. Историческая память студентов Чувашской Республики о периодах Российской истории / А.В. Григорьев, О.В. Василенко, А.В. Карпов, А.Д. Григорьев // Вестник Чувашского университета. – 2019. – №4. – С. 56–64.

4. Григорьев А.Д. Историческая память молодежи о Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: на примере студентов вузов Чувашии / А.Д. Григорьев, А.В. Карпов, М.Ю. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2020. – №4. – С. 28–35.

5. Григорьев А.Д. Женщина и война: анализ изменений социального статуса и роли (на материалах Чувашии) / А.Д. Григорьев, С.Б. Харитонов // Вестник Чувашского университета. – 2015. – №4. – С. 40–48.

6. Колесникова А.Г. Роль музея в формировании исторического сознания россиян // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – Т. 7. №1. – С. 55–60.

7. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья. Мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.

8. Федулов М.И. И.А. Федулов – главный инженер Шумерлинского участка ВПС-2 Сурского оборонительного рубежа // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания. Мат. Международн. науч. конф. – Чебоксары, 2021. – С. 188–194.

9. Шумилов Е.Г. Трудная осень 1941-го... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovch.chuvashia.com/?p=238958>

10. Шумилов Е.Г. Ушёл последний герой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovch.chuvashia.com/?p=237761>

11. Шумилов Е.Г. Шла дивизия вперед... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovch.chuvashia.com/?p=233765>

12. Шумилов Е.Г. Я убит подо Ржевом... [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sovch.chuvashia.com/?p=232559>

Николаева Мария Николаевна

учитель

МБОУ «Гимназия №8»

г. Шумерля, Чувашская Республика

ИТОГИ ГОДА СТРОИТЕЛЕЙ СУРСКОГО И КАЗАНСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ РУБЕЖЕЙ НА ПРИМЕРЕ ГИМНАЗИИ №8 г. ШУМЕРЛИ

***Аннотация:** статья посвящена проблеме патриотического воспитания молодежи. Описывается комплекс мероприятий, направленных на формирование у молодёжи высокого патриотического сознания, верности Отечеству, готовности защищать свою Родину. Мероприятия по увековечению памяти строителей оборонительных рубежей проводились на базе МБОУ «Гимназия №8» г. Шумерля.*

***Ключевые слова:** Великая Отечественная война, Сурский и Казанский оборонительные рубежи, патриотическое воспитание, школа, уроки мужества.*

Патриотическое воспитание молодёжи в современных условиях приобретает особую актуальность и значимость. Чувство патриотизма

многогранно по содержанию. Это и любовь к родным местам, и гордость за свой народ, и ощущение своей неразрывности с окружающим миром, и желание сохранять и приумножать богатство своей страны.

Сурский рубеж обороны представлял собой комплекс сооружений по правобережью рек Сура, Уза, Няньга, Чардым на территории Марийской, Чувашской, Мордовской АССР, Горьковской, Пензенской и Саратовской областей. Сооружения Казанского оборонительного обвода располагались полукольцом вокруг Казани. На территории Чувашии протяжённость Сурско-Казанского рубежа составила 380 км. Всего было четыре участка военно-полевого строительства, один из центров находился в Шумерле (ВПС-2).

Строительство Казанского обвода на территории Чувашской АССР было завершено в феврале 1942 г., Сурского рубежа – в середине июня 1942 г. После окончания строительства республика обеспечила поддержание рубежей обороны в полной боевой готовности вплоть до конца 1943 г.

2021 год Указом Главы Чувашской Республики О.А. Николаева №134 объявлен в Чувашии Годом, посвященным трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. Это событие активно обсуждалось на страницах периодической печати [1]. В г. Шумерля разные образовательные организации приняли активное участие в чествовании трудового подвига, в том числе и ученики МБОУ «Гимназия №8» [3].

В преддверии 76-ой годовщины дня Великой Победы, в Центре детского творчества города Шумерля прошла акция «Вальс Победы», которая представляла собой танцевальный номер как символ единства поколений.

В международный день музеев в историко-краеведческом музее города Шумерля члены экспертной комиссии подвели итоги первого этапа смотр-конкурса, в котором приняли участие четыре школьных музея. Экспертная комиссия дала высокую оценку работе школьного музея гимназии по формированию у школьников высокой ответственности за судьбу Отечества, уважения к боевым и трудовым подвигам народов России.

В гимназическом музее «Живая память» (создан в апреле 1999 г.) оформлены стенды, которые отражают роль г. Шумерля в годы Великой Отечественной войны. Под стендами расположены витрины музея, они съёмные и оформляются к юбилейным датам. В 2021 г. все витрины были оформлены по теме «Сурский оборонительный рубеж».

В гимназии с 2020 г. существует поисковый отряд «ЩИТ», принимающий участие в тематических мероприятиях и акциях. Одним из которых стало проведение экскурсии по музею «Живая память» для обучающихся других школ.

К 80-летию со дня начала строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей в рамках недели памяти «А зори здесь тихие» в гимназии проходили музейные уроки. В центре внимания были первоклассники. Урок начался у Камня Памяти, где ребята впервые познакомились с историческим прошлым города и гимназии (на территории гимназии располагался первый военкомат Шумерли, откуда призывники уходили на фронт в 1941 г.). Затем были прочитаны стихи, посвящённые этому памятнику, и возложены гвоздики к его подножию. В школьном музее ребята познакомились с информационными стендами, посвящёнными Сурскому и Казанскому оборонительным рубежам и с работой поискового отряда «ЩИТ». Рекреация (место, где школьники могут проводить свое время на переменах или между уроками) на первом этаже гимназии была посвящена Году трудового подвига Сурского и Казанского оборонительных рубежей.

Одной из задач школы и поискового отряда «ЩИТ» был поиск информации об участниках строительства рубежей и реконструкция участка

ВПС-2. В историко-краеведческом музее школьники осмотрели экспозицию, посвященную шумерлинцам участникам строительства [4].

Члены поискового отряда являлись участниками Республиканской исторической реконструкции «Воспоминания нетленны... «Ожившие картины» зимы 1941 года». В музее под открытым небом «Сурский оборонительный рубеж» гимназистам довелось ощутить себя городскими и сельскими жителями 1941 года. Они попробовали рыть окопы, как это делали строители оборонительного рубежа в условиях суровой зимы 1941 г. Участники реконструкции прошлись по нескольким локациям в Музее под открытым небом: мастер-классы по изготовлению фронтовых писем, умению различать виды костров, средства связи в 1940-х годах, полевых кухни. Реконструкция завершилась массовым шествием колонны. Ученики познакомились с результатами работ других школьных поисковых отрядов, изучавших рубеж в Ядринском и Красночетайском районах [3].

10 декабря во Дворце культуры «Восход» города Шумерля состоялась торжественная церемония закрытия Года, посвященного трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей. В программу значимого культурного события вошло торжественное открытие мемориальной доски на здании ДК «Восход» (ранее клуб комбината автофургонов, в годы войны известный как авиазавод №471, где размещался штаб ВПС-2 Сурского оборонительного рубежа).

29 мая состоялся автопробег клуба ЧРОО «Клуб Газ-21 «Ретро» по линии оборонительных сооружений «Сурский рубеж». Жители города могли осмотреть американский Dodge 1942 г. (поставляемый в СССР по Ленд-Лизу), советские ГАЗ 21, Чайка, ВАЗ 2101. Были осмотрены укрепления, построенные в 1941–42 гг. в Ядринском, Красночетайском и Шумерлинском районах [2].

В рамках мероприятий по патриотическому воспитанию молодежи, обеспечению преемственности поколений одним из приоритетных направлений стало увековечение памяти о подвиге строителей оборонительных рубежей. Патриотическая тема стала одной из важнейших составляющих воспитательного процесса. Школьники узнали о героическом подвиге строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, участвовали в реконструкции участка ВПС-2, собирали информацию о тружениках тыла, почтили память земляков и жителей республики.

Список литературы

1. Газета «Вперед» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--21-dlcie3di0l.xn--p1ai/>. (дата обращения: 07.02.2022).
2. Как сегодня выглядит Сурский рубеж. Репортаж с пробега ретроавтомобилей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cheb.media/2021/06/05/surskij-rubezh-retro/> (дата обращения: 10.02.2022).
3. Сайт МБОУ «Гимназия №8» г. Шумерля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gymnasium8.ru>. (дата обращения: 01.02.2022).
4. Федулов М.И., Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: мат. межрег. науч.-практ. конф. – Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.
5. Федулов М.И. И.А. Федулов – главный инженер Шумерлинского участка ВПС-2 Сурского оборонительного рубежа / М.И. Федулов // Междисциплинарный потенциал устной истории и новые пути развития исторического знания: мат. межрег. науч. конф. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2021. – С. 188–194.

Семенов Александр Анатольевич

научный сотрудник

БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

О ТЯЖЕЛОЙ ДОЛЕ ЧУВАШСКОЙ ДЕВУШКИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ДМИТРИЕВОЙ ПРАСКОВЬЕ ДМИТРИЕВНЕ

***Аннотация:** в статье приводятся воспоминания жительницы д. Нижние Татмыши Аликковского района Чувашской Республики Семеновой Елены Леонидовны о своей тёте, Дмитриевой Прасковье Дмитриевне, которая принимала участие в строительстве Сурского оборонительного рубежа в 1941–1942 гг. Описываются тяготы и лишения, выпавшие на долю гражданско-го населения в годы Великой Отечественной войны.*

***Ключевые слова:** Чувашская АССР, Великая Отечественная война, Сурский оборонительный рубеж, Дмитриева Прасковья Дмитриевна, Воланы.*

В последнее время одной из актуальных тем для исследований и публикаций является история строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашской АССР в годы Великой Отечественной войны. Указ Главы Чувашской Республики от 9 мая 2020 г. №134 «Об объявлении в Чувашской Республике 2021 года Годом, посвящённым трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей» привел к еще большей популяризации данной темы. В средствах массовой информации публикуется большое количество статей, освещающих историю строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, снимаются передачи и фильмы на данную тему. Архивы выпускают сборники документов. Не отстают от них и творческие коллективы. В Чувашском театре юного зрителя им. М. Сеспеля поставили спектакль по пьесе Владислава Николаева «Уйăпсем те шанса хырѳе» («И снегири промѳрзли»). В Чувашском драматическом театре была подготовлена драма «Инкеклѳ телей» («Счастье горькое») по рассказу Юлии Николаевой. В Государственном архиве электронной и кинодокументации был снят художественно-документальный фильм автора сценария и режиссера Алексея Енейкина «Сюда не ступит нога врага».

В Чувашском национальном музее создана выставка «Оборонительные рубежи Чувашии – подвиг в тылу», пользующаяся успехом среди школьников и студентов. В июне 2021 года в Чебоксарах состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья» по итогам которой выпущен сборник статей.

Главным направлением для поисковых отрядов Чувашии стало изучение самых разных аспектов строительства оборонительных сооружений. Поисковый отряд «Искра» из гимназии №1 совместно с Чувашским национальным музеем осенью 2021 г. провел полевые исследования на территории Ядринского и Красночетайского районов по поиску ДОТов, ДЗОТов, блиндажей, землянок и окопов [2; 3].

Рис. 1

Наша статья посвящена истории жизни Прасковьи Дмитриевны Дмитриевой и ее участию в строительстве оборонительных сооружений в 1941–1942 гг. Основой для статьи служат воспоминания ее племянницы – Елены Леонидовны Семеновой.

Вторжение гитлеровской Германии и ее союзников на территорию СССР, начавшееся 22 июня 1941 г., потребовало масштабных военно-политических и экономических мероприятий для отражения агрессии. В октябре 1941 г. были созданы армейские управления для руководства строительством оборонительных сооружений. По территории Чувашской АССР возведены линии двух тыловых рубежей обороны – Сурского и Казанского [1, с. 132].

Сурский оборонительный рубеж и Казанский обвод в случае взятия Москвы должны были задержать гитлеровские войска на подступах к Казани. Сурский рубеж строился с 28 октября 1941 г. по 20 января 1942 г., а Казанский обвод закончили 25 января 1942 г. За период работы на рубежах, протянувшихся по территории республики на 380 км, было вынута около 4897 тысяч кубометров земли, оборудовано 2347 огневых точек и 1970 землянок, в том числе по Сурскому рубежу – 1607 огневых точек и 1490 землянок, по Казанскому обводу – 740 огневых точек и 480 землянок [1, с. 137].

Прасковья Дмитриевна Дмитриева родилась 21 октября 1908 г. в д. Вотланы Аликовского района в семье зажиточного крестьянина. Отец Дмитрий Васильевич Васильев был плотником, мастером на все руки. Дмитрий Васильевич со своими сыновьями строил ветряные мельницы и крупорушки. У самого тоже имелась ветряная мельница. К сожалению, его раскулачили и мельницу отобрали, но его и его семью не отправили в ссылку. Характером он был спокойный, уравновешенный, очень любил детей. Прожил долгую жизнь, не дожив до столетия только 7 месяцев. В деревне его люба прозвали «Сахар старикки», что в переводе означает «Сахарный дед». Он покупал сахар, конфеты и раздавал детям, так как сладости были не всем доступны. Сын Василия Дмитриевича Андрей после раскулачивания отца приобрел навыки портного и общивал не только домочадцев, но и жителей близлежащих деревень на своем «Зингере». А ту швейную машину отец привез из «Ерманской войны», так рассказывала их сестра Прасковья. Второй сын Михаил работал простым грузчиком в г. Воронеже, так как устроится на «нормальную» работу сыну раскулаченного отца было непросто.

Когда началась Великая Отечественная война, сыновья Дмитрия Васильевича Михаил (1906) и Андрей (1916) были призваны на войну. Вскоре на обоих пришла похоронка. Андрей Дмитриевич погиб в апреле

1942 года, защищая Сталинград от немецко-фашистских захватчиков. Михаил Дмитриевич сражался под Ржевом. 04 августа 1942 года он погиб в бою за д. Белково, что под Ржевом, где и похоронен в братской могиле. После войны был перезахоронен в мемориальный комплекс в д. Грибово. У него остались жена Прокопьева Марина Прокопьевна (1912) и дочери Христина (1936), Агния (1939).

Прасковья Дмитриевна вышла замуж за парня из д. Яуши Вурнарского района. Муж погиб на фронте, детей не было. Отец позвал ее домой обратно, так как мать заболела после получения похоронок на сыновей, и умерла. Еще у нее была сестра-двойняшка, которая умерла от болезни в возрасте 3 лет. На долю одинокой девушки выпала горькая участь. Куда только ее не отправляли: и рыть окопы, и на лесозаготовки, и на торфяные работы в Свердловскую область... Довелось ей поработать и на военном заводе в Чебоксарах. Условия были суровые, не хватало еды. До Чебоксар шла пешком, а за опоздание на 5 минут ее осудили. После чего на работе ее сопровождал вооруженный конвой.

Е.Л. Семенова звала ее просто «мáнак». Праски мáнак рассказывая о военных годах частенько плакала, вспоминала про те муки, которые ей довелось испытать. Мало чего племянница понимала тогда, но помнит, как она говорила, что их отправили рыть окопы. И там они были с соседней Марфой Дмитриевной Дмитриевой. Муж Марфы Титов Иван Титович погиб на войне, а детей у них не было. Говорила, что было очень холодно. Хорошо, что они держали овец и из шерстяных ниток связали носки с длинными голенищами, но на ногах все равно были лапти. Она говорила, что с одеждой и обувью было более – менее сносно.

Однажды они устале, вшивые, пришли домой помыться в бане, сменить одежду. Говорила, что толком и не успели помыться, пришли исполнители из сельсовета и сказали отправиться немедленно обратно. Е.Л. Семенова помнит из ее рассказов, что их охраняли стражники (скорее всего она имела в виду работников НКВД).

Прибывающее на строительство сооружений население должно было быть размещено в окружающих селениях, бараках и зданиях организаций, а на недостающую площадь построить землянки [1, с. 133]. Мáнак говорила, что их поместили на квартиру к слепой старухе. К их возвращению она топила печь, готовила кушать. Старуха из-за слепоты плохо чистила продукты, но никто не брезговал, наоборот были благодарны, что к их приходу было тепло и приготовлена еда. Спали на полу, одежду сушили на печи. Каждый вечер приносили вязанку дров, хотя сами очень уставали и еле передвигали ноги. Где именно она рыла окопы, племянница не запомнила, сама была маленькой. Только помнит, что при рытье окопов она сильно заболела, еле-еле добралась до дома. Отец лечил ее народным способом, поместив в кадушку с горячим суслом, чтобы оно вытянуло всю простуду из тела. После войны она так и не обзавелась семьей. Ухаживала за престарелым отцом. В колхоз не вступила.

Ростом она была невысокой, худощавой. Ее уважали в деревне. Она очень вкусно готовила, была чистоплотная. Ее приглашали на свадьбы и поминки печь пироги, блины, готовить национальные кушанья и свою, племянницу, она часто брала с собой. Прасковья Дмитриевна умерла 1 мая 1972 года в возрасте 63 лет.

Вот уже 76 лет прошло, как закончилась Великая Отечественная война. События тех лет нынешнему поколению кажутся очень далекой историей. Но, несмотря ни на что, пережитое прежними поколениями не должно бесследно исчезнуть. Память о тех, кто ради нас положил свои жизни, кто ради

нас работал, не жалея сил и здоровья, должна оставаться. Мы просто обязаны помнить героические подвиги наших предков. Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей и подвиг простых жителей до сих пор недостаточно изучены. Немало «белых пятен» остается в истории создания данных грандиозных военно-инженерных сооружений.

Список литературы

1. Поздеев А.А. Подвиг под грифом «Секретно» (к 80-летию начала строительства оборонительных рубежей в Чувашии) / А.А. Поздеев // Чувашский национальный музей: люди, события, факты. – Чебоксары: Чувашский национальный музей, 2021. – 363 с.

2. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: мат. межрег. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.

3. Чувашские школьники обнаружили новые участки Сурского рубежа [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://regnum.ru/news/society/3049418.html>. (дата обращения: 01.02.2022).

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

**О БОЕВОМ И ЖИЗНЕННОМ ПУТИ
КАРАЧАРСКОВА АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА**

Аннотация: статья посвящена участнику Великой Отечественной войны, защитнику Ленинграда, жителю с. Кожевенное Порецкого района Чувашской Республики – Карачарскову Александру Ивановичу.

Ключевые слова: Карачарсков Александр Иванович, Кожевенное, Великая Отечественная война, операция «Искра», прорыв блокады Ленинграда, эвакуогоспиталь 1093.

Великая Отечественная война отразилась на судьбах всех советских граждан. Миллионы защитников Родины, кому удалось выжить в боях, получили тяжелые увечья и травмы. Эти следы войны были их личной трагедией, свидетельством той высокой цены, которую они заплатили за мирное небо над головой.

Рис. 1

На примере жизненного пути Александра Иванович Карачарскова (15.4.1923–4.5.1984 гг.) можно рассмотреть жизнь целого военного поколения страны. Александр Иванович родился в семье Ивана Алексеевича Карачарскова (24.7.1887–15.4.1942 гг.) и Марии Григорьевны Логиновой (8.6.1892–9.7.1982 гг.). Он был единственным мальчиком в семье среди пяти сестер. Его отец – Иван Алексеевич происходил из семьи крестьян середняков, с 1908 по 1918 гг. служил кавалеристом 5 кавалерийской дивизии, являлся участником Гражданской войны. К началу Великой Отечественной войны по нетрудоспособности из-за контузии работал водовозом на строительстве Сурского оборонительного рубежа на «Красном Яре» в Порецком районе. Здесь с ним произошел несчастный случай – в 1942 г. на него упал дуб и от полученных травм он скончался через несколько месяцев.

В сентябре 1941 г. Александр Иванович был призван в армию Порецким РВК. В каком военном училище он обучался и где начался его боевой путь установить пока не удалось. На сайтах «Подвиг народа» и «Память народа» найдено всего два документа – наградной лист и свидетельство о болезни №635. Сложность поиска документов связана с его фамилией. В картотеке ранений эвакогоспиталя (далее ЭГ) 267 он числится как Карачевский, а в ЭГ 442 как Карагерекоев. В послевоенные годы в документах часто встречалось двойное написание фамилии – Карачарсков и Карачарский.

С 27 июня 1942 г. по 12 января 1943 г. он воевал на Ленинградском фронте, являлся старшиной батареи 127-го миномётного полка Резерва Главного Командования 43-й армии Ленинградского фронта. В январе 1943 г. 127 минометный полк входил в состав 67 армии. 12 января 1943 года началась операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда.

Сохранился журнал боевых действий 127 миномётного полка периода с 11.01.1943 по 13.12.1944 г. [5, с. 1–2]. В нем подробно описана операция под 8 ГЭС (12.01.43 по 3.02.1943 года): «...В ночь на 23 декабря полк занял боевые порядки в районе платформы Теплобетон... имея в центре боевых порядков с фронта сильно укрепленный узел сопротивления противника – 8 ГЭС, 2 и 1 городки.

Согласно боевому приказу №1 от 11.01.1943 г. 127 миномётного полка двумя дивизионами составляет гр. ПП-947 ... которая имела задачу в период артподготовки (2 ч. 20 мин.) уничтожить пулеметные точки в районе 8 ГЭС, подавить минометные батареи во 2 городке, не допустить контратаки.

12.01.43 г. в 9.40 началась артподготовка. Тысячи орудий непрерывным, всенаростающим гулом обрушились на голову ненавистного противника. Противник ведет в ответ редким артмин огнем, одиночными выстрелами, а иногда налетами.

12.00 – атака пехоты... Лобовая атака штрафной ротой 8 ГЭС и 2 городка, в виду живучести огневых точек (сильноукрепленных), не удается, но 947 СП форсирует реку... 1-й и 2-й дивизионы остаются на месте...»

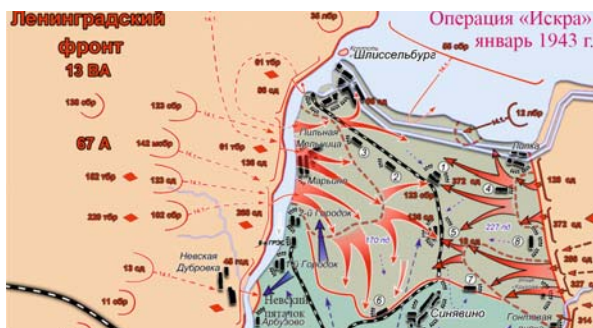

Рис. 2

Все, кто хотя бы немного знаком с историей прорыва блокады Ленинграда, знают о тяжелейших боях за «Невский пятачок» и Синявинские высоты. 8 ГЭС и 2 городок примыкали с севера к Невскому пятачку. 12 января 1943 года Александр Иванович был тяжело ранен. С поля боя его, привязанного к деревянным санкам, вытягивала собака. Так начинался длительный путь лечения и реабилитации в эвакогоспиталях. Этапное лечение проходил в ЭГ 119, ЭГ 267, ЭГ 442, ЭГ 3773. С 7.04.1943 г. по 7.9.1944 г. находился в ЭГ 1093 в г. Киров.

Эвакогоспиталь №1093 был создан в первые дни войны в Курске, а 24 октября 1941 г. эвакуирован в г. Киров. В 1941 г. госпиталь имел 250 коек, и на его базе была развернута работа кафедры челюстно-лицевой хирургии военно-морской медицинской академии, эвакуированной из г. Ленинграда во главе с профессором В.М. Уваровым. На базе специализированного челюстно-лицевого эвакогоспиталя №1093 в 1946 г. был организован Кировский областной госпиталь для лечения инвалидов Великой Отечественной войны [2].

За медицинскими терминами из краткого диагноза при выписке из госпиталя читается личная трагедия: «Дефект мягких тканей верхней губы, замещенный филатовским лоскутом. Отсутствие зубов верхней и нижней челюстей. Дефект акромиального отростка лопатки и застарелый подвывих правого плеча... На основании ст. 83 графы 1-ой... приказа НКО 6669 1942 года №...336 признан негоден с пересвидетельствованием через 6 месяцев для последующих пластических операций» [4, л. 2]. В выписке не указаны другие раны вероятно, зажившие к тому моменту – осколочные ранения обеих ног и повреждения внутренних органов.

По воспоминаниям родной сестры Ольги Ивановны всего он перенёс 15 операций на лице, но глубокие шрамы так и остались на всю жизнь. Сам он серьезно переживал по поводу шрамов, но редко проявлял это на людях и в кругу семьи.

Для большинства семей, где были участники Великой Отечественной войны, найти их фотографии военного периода большая проблема. В личном архиве семьи Карачарсковых сохранилось пять фотографий, присланных из Кировского эвакогоспиталя. На одной из них Александр Иванович запечатлен вскоре после ранения. На правую руку был наложен гипс, а в области губ и правой щеки виднеется большая рваная рана. С обратной стороны надписи: «На память родительнице М.Г. и сестрам Зине, Насте, Оли от брата Саши после ранения 12 января 1943 года, во время прорыва

блокады Ленинграда. г. Киров областной эвакогоспиталь 1093., часть (цифра неразборчиво) А.И. Карачарсков». Невероятно трудно представить те чувства, с которыми он отсылал эту фотографию домой. С неё смотрит молодой человек, получивший серьезные увечья, которые останутся на всю оставшуюся жизнь.

На всех последующих фотографиях, даже после частичного восстановления щеки и губ, он поворачивался левой стороной лица к фотографу. На фотографиях запечатлены и другие защитники Родины с травмами лица.

Рис. 3

Примечание. На оборотной стороне надпись: Память ран – болн. Э.Г. 1093 г. Киров. Фото. 10/П – 1944 года.

1. Савушк[ин] И.Н.
2. Медведев ...Ф.
3. Карачарс...А.И.

Сохранились и две групповые фотографии проходящих лечение бойцов с медицинским персоналом госпиталя. Одна из них с указанием имен запечатленных.

Рис. 4.

Примечание. Фото 25/ХП – 43 г. г. Киров госп. 1093.

Слева на право:

1. Санинструктор.

2. Лечущий врач: Петрова В.И.
 3. Нач. отделения: Алтунина К.Н.
 4. Зуб. врач: Хлебникова Т.
 5. Политрук 2ого кор. Поляков Н.С.
 6. Карельцев В.Н.
 7. Лей-т: Камыкин.
 8. Стар. палаты Савушкин
 9. Гуров Т.Т.
 10. Карачарский А.И.
- 1-я палата сфотограф. в дни отечественной войны декабрь 43 год
На память сестре Оли от брата Саши.

Примечательно, что до конца своей жизни Александр Иванович переписывался с одним из врачей этого госпиталя. Врач интересовался состоянием здоровья и процессом реабилитации. Последняя открытка пришла 8 мая 1984 г., уже после его смерти.

Вернулся он в родное село из эвакогоспиталя только в сентябре 1944 г. Награжден медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 09.05.1945, «За Отвагу» 06.11.1947, «За оборону Ленинграда». Получил инвалидность 2-й группы, но, несмотря на частичную потерю функциональности правой руки и повреждения внутренних органов, выполнял все работы по хозяйству самостоятельно. По воспоминаниям его снохи Л.Ж. Карачарской у него был дар к рисованию, но после ранения он перестал рисовать.

После войны женился на Марии Андреевне Саженковой (17.2.1922-4.5.1994 гг.), уроженке с. Анастасово Порецкого района, в браке с которой у него родилось два сына Николай и Евгений. В 1946 г. назначен учителем начальных классов Кожевенской семилетней школы, в 1965 г. – заведующим этой школы. В 1970–1976 годах работал учителем математики и труда в Кудеихской восьмилетней школе...» [1, с. 510, 549]. Доподлинно установить, где получил педагогическое образование Александр Иванович не удалось. Есть предположение, что он, как и родная сестра – Ольга Ивановна, обучался в Порецком педагогическом училище. Либо в одном из сел Порецкого района прошел ускоренные педагогические курсы. Во время работы в школе был воспитателем в ученическом общежитии. Педагогическую деятельность в семье Карачарковых продолжили и две родные сестры – Ольга и Наталия, всю жизнь проработавшие учителями начальных классов, и супруга Мария Андреевна.

В последние годы жизни работал на конном дворе. Он очень любил лошадей и мог часами заниматься их обучением. Умер, выполняя свою работу, перегоняя табун с пастбища. Похоронен на кладбище с. Кожевенное, под ружейные залпы.

Список литературы

1. Клюкин С.И. Засурская старина: исторические очерки и документальные заметки / С.И. Клюкин. – Н. Новгород: Растр-НН, 2014. – 569 с.
2. Кировский областной госпиталь для лечения инвалидов Отечественной войны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://medkogvv.ru/node/26> (дата обращения: 12.01.2022).
3. Наградной лист // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 744808. Ед. хр. 991. № записи 82347437 ЛЛ. 238–239 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=82347437&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 11.11.2021).

4. Свидетельство о болезни №635 от 7 сентября 1944 г. комиссия №1093 // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 33. Оп. 744808. Ед. хр. 991. № записи 82347437 ЛЛ. 240–241 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://podvignaroda.ru/?#id=82347437&tab=navDetailDocument> (дата обращения: 18.11.2022).

5. Журнал боевых действий 127 минп // Центральный архив Министерства обороны. Ф. 13036. Оп. 0069125сс, Д. 0004. 45 л. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451009363&static_hash=80d11c521148a26e325d01f856a32490v2 (дата обращения: 20.02.2022).

Федулов Михаил Игоревич

старший преподаватель
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Федулова Ирина Анатольевна

учитель, руководитель поискового отряда «Искра»
МБОУ «Гимназия №1»
г. Чебоксары, Чувашская Республика

Семенов Александр Анатольевич

научный сотрудник
БУ ЧР «Чувашский национальный музей» Минкультуры Чувашии
г. Чебоксары, Чувашская Республика

РЕЗУЛЬТАТЫ ОБСЛЕДОВАНИЯ СУРСКОГО ОБОРОНИТЕЛЬНОГО РУБЕЖА В 2021 ГОДУ

***Аннотация:** статья посвящена результатам полевой экспедиции по обследованию оборонительных сооружений на территории Ядринского и Красночетайского районов Чувашской Республики. Проведен поиск остатков укреплений, их фотофиксация и картографирование. Собраны интересные инструменты и предметы быта.*

***Ключевые слова:** Чувашское Присурье, Сурский оборонительный рубеж, картографирование укреплений, окопы, огневые точки, противотанковый ров, военная археология.*

Подводя итоги Года, посвящённого трудовому подвигу строителей Сурского и Казанского оборонительных рубежей, хотелось бы остановиться на вопросе сохранности оборонительных сооружений. Прошло 80 лет с момента возведения линий обороны, но следы этой грандиозной стройки, как шрамы от ран, остались на чувашской земле.

В 2021 г. обследован участок правого берега р. Сура от с. Засурье Ядринского района до д. Хвадукасы Красночетайского района. Рис. 1. Пройти весь маршрут сплошной линией не представляется возможным из-за сложного рельефа местности. На осмотр километрового участка уходит один рабочий день. С учетом поиска второй линии обороны работы могут затянуться на несколько дней. Только благодаря хорошо известным авторам статьи окрестностям у д. Выселок №1 удалось составить относительно подробную карту укреплений. На других участках приходилось уповать на волю случая и бесконечные спуски-подъемы по коренному берегу, наглядно убеждаясь в нелегком труде строителей [2].

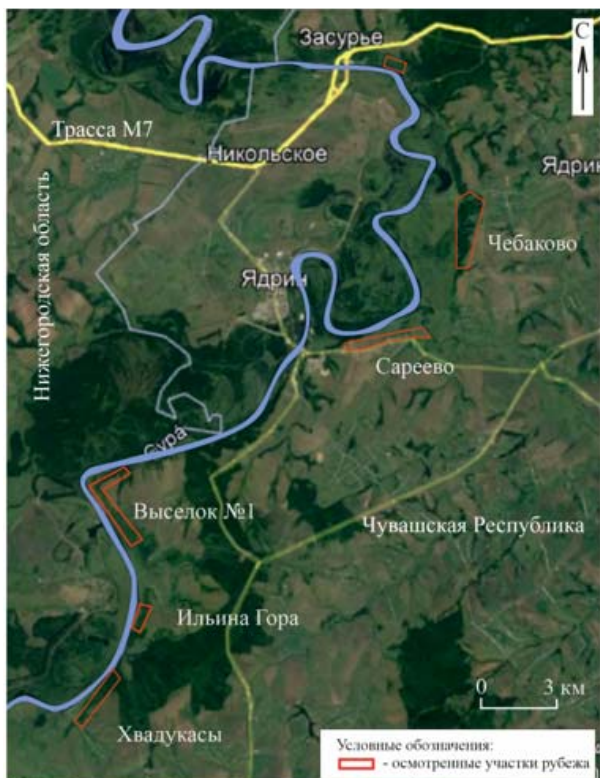

Рис. 1. Карта-схема обследованных участков

Основной целью работы являлось изучение современного состояния Сурского оборонительного рубежа и картографирование остатков укреплений. Ландшафт присурских территорий Ядринского и Красночетайского районов позволяет использовать естественные перепады высот для оборонительных сооружений. Коренной правый берег р. Сура возвышается над левым на 40–60 м, что даёт прекрасный обзор местности и возможность ярусного расположения сооружений [1, с. 9–18]. Рис. 2.

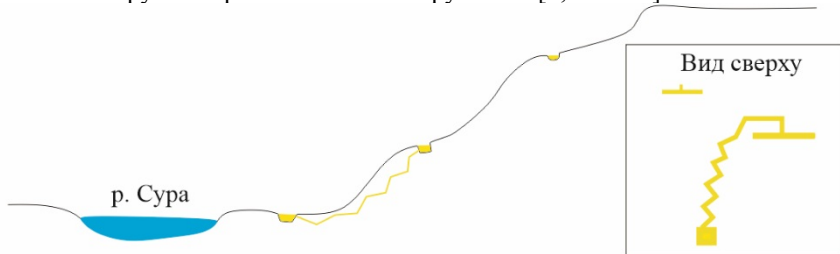

Рис. 2. Пример расположения укреплений на склоне берега

При осмотре местности удалось выявить несколько типов укреплений, расположенных как по одному, так и соединенных в систему:

– ДЗОТ (дерево-земляная огневая точка) – полевое оборонительное фортификационное сооружение, построенное из бревен, досок и земляной насыпи. Как правило, ДЗОТы устанавливают в местах, господствующих над местностью или имеющих сложный рельеф. Рис. 3-е;

Реконструкция ДЗОТа

Современное состояние ДЗОТа

– окопы – одиночные ямы прямоугольной или круглой формы;
– траншеи – длинные окопы простой и сложной конфигурации (Т-, Г- и зигзагообразные). Рис. 3-б, г;

– противотанковые рвы – длинные траншеи, имеющие значительную глубину и ширину. К ним относятся танковые ловушки;

– эскарпы – срезы коренного берега с обратным бруствером.

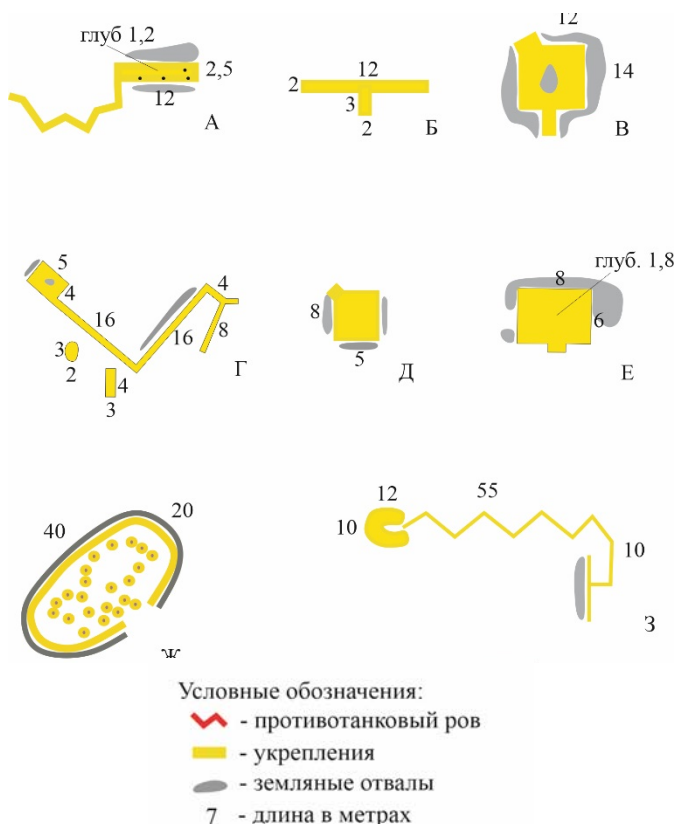

Рис. 3. Виды укреплений: А – Г-образный окоп (с остатками столбов) с зигзагообразной траншеей, Б – Т-образный окоп, В, Е – ДЗОТ, Г – ДЗОТ с системой ходов и одиночных окопов, Д – минометная площадка, Ж – овалный окоп с одиночными ямами, З – ДЗОТ соединенный с Т-образной траншеей

Бетонных ДОТов обнаружено не было. В трех случаях на укреплениях найдены отдельные камни местных осадочных пород (мергель, известняк). Ямы, имеющие спорное предназначение в нашей работе, не учитывались, так как мы предполагаем их хозяйственное предназначение послевоенного времени. Знаком «?» обозначены укрепления, предназначение или конфигурация которых вызывает затруднения.

Все обнаруженные укрепления мы разбиваем на участки, привязанные к селениям, расположенным поблизости.

д. Хвадукасы Красночетайский район

1. Одиночный ДЗОТ на краю коренной террасы.

2. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья. В Т-образном окопе хорошо сохранились деревянные столбы. Рис. 3-3.

3. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья.

4. Т-образный окоп на склоне, от которого идет зигзагообразная траншея (ДЗОТ у подножья не зафиксирован). Траншея имеет боковое ответвление.

5. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с большим ДЗОТом у подножья.

6. Зигзагообразная траншея на склоне и одиночные траншеи выше неё.

Рис. 4.

Рис. 4. Карта расположения укреплений у д. Хвадукасы

Урочище Пандиковское Красночетайский район

1. Одиночные прямоугольные окопы, вытянутые в линию вдоль подножья мыса.

с. Ильина Гора Ядринский район

К югу от деревни:

1. Одиночный окоп (?) на первой надпойменной террасе.

2. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья. У ДЗОТа обнаружен склад строительных скоб.

3. Огневая минометная точка (?) – прямоугольная яма перед ДЗОТом.

4. Одиночная траншея на склоне (вторая линия).

У северной окраины деревни:

1. Одиночные окопы вдоль края коренной террасы (около 7 шт.).

2. Противотанковый ров к западу и северо-западу от деревни. Рис. 5.

Рис. 5. Карта расположения укреплений у с. Ильина Гора

д. Выселок №1 Ядринский район

Наиболее подробно обследован участок берега у д. Выселок №1 и №2 Ядринского района.

1. К западу и северу от деревни идёт противотанковый ров разной степени сохранности. На отдельных участках он практически полностью сnivelировался (заплыл) от частых разливов р. Сура. На других участках он достигает глубины до 2 м.

К северо-западу от деревни:

1. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья.

2. Три одиночные траншеи с одним выходом.

3. Т-образный окоп на склоне с зигзагообразным выходом.

4. Зигзагообразная траншея вдоль края мыса коренной террасы.

5. Т-образный окоп (?).

6. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья.

7. Одиночная траншея на склоне с одним выходом. В ней сохранились деревянные столбы.

8. Одиночные окопы круглой и прямоугольной формы? (возможно, остатки домовых ям на археологическом памятнике).

9. Одиночный ДЗОТ с выходом и амбразурой (внутри найдены строительные скобы).

10. Окоп на склоне с зигзагообразным спуском к реке.

Вдоль оврага (2 линия укреплений):

1. Одиночная траншея на склоне с одним выходом.

2. Одиночная траншея у края оврага (в ней найдена железная лопата).
3. Двойной прямоугольный окоп.
4. Одиночные круглые окопы (около 12) у устья оврага.
5. Одиночная траншея на склоне с двумя выходами.
6. Одиночная траншея на склоне с перекрытием из двух бетонных плит и остатками входной деревянной конструкции.
7. Одиночная яма на берегу.

К югу от деревни:

1. Г-образный окоп на склоне с зигзагообразной траншеей. Внутри сохранились деревянные столбы. На отвале найден природный камень, железный топор, клин и кочедык. Рис. 3-а.
2. Минометная площадка квадратной формы (?). Рис. 3-д.
3. Т-образный окоп. Рис. 3-б.
4. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья.
5. Г-образный окоп с зигзагообразной траншеей. В окопе имеются деревянные столбы (в один из них был вбит гвоздь).
6. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья. Рис. 6.

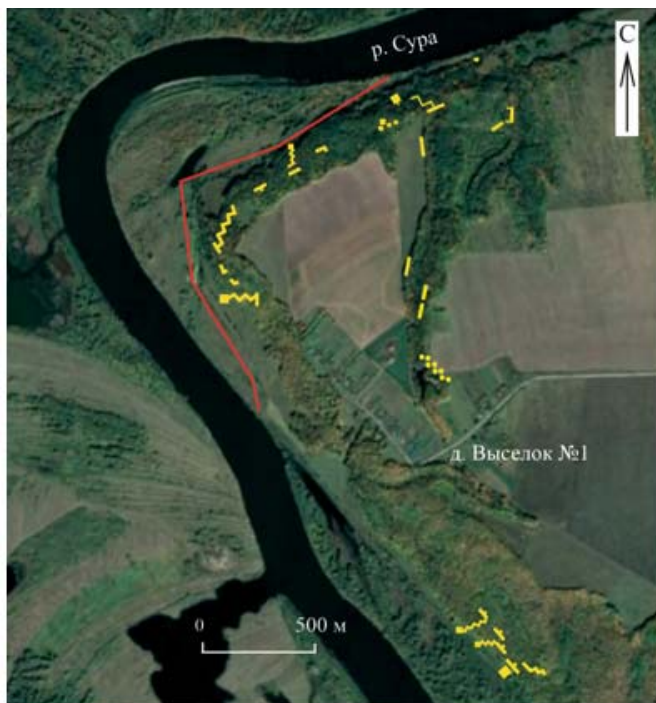

Рис. 6. Карта расположения укреплений у д. Выселок №1

д. Сареево Ядринский район

1. Одиночные окопы на склоне мыса (?).
2. Эскарп вдоль подножья коренного берега.
3. Противотанковый ров, тянущийся до р. Выла. Рис. 7.

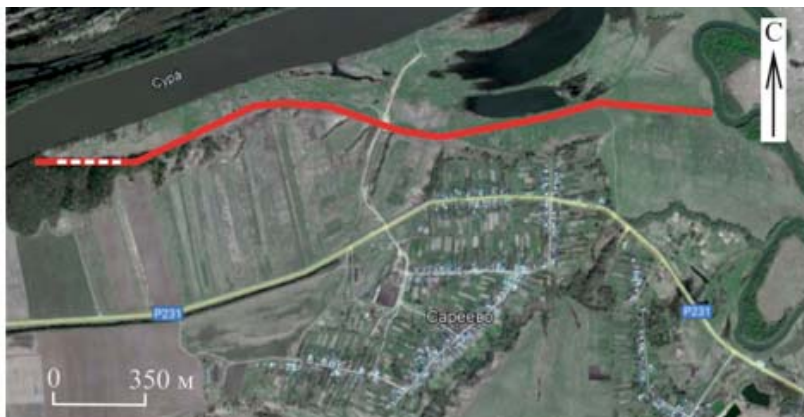

Рис. 7. Карта расположения укреплений у д. Сареево.
Пунктирной линией обозначен эскарп

д. Чиганары Ядринский район

1. Противотанковый ров, тянущийся от р. Выла до укрепрайона южнее д. Чебаково.

д. Чебаково Ядринский район

К юго-западу от деревни:

1. Вытянутые в линию шесть прямоугольных траншей у подножья склона.

2. Два ДЗОТ на склоне.

3. Одиночный ДЗОТ у подножья склона.

4. Длинные прямоугольные траншеи у подножья склона (противотанковый ров или танковые ловушки?).

К западу от деревни:

5. Длинные прямоугольные траншеи у подножья склона (противотанковый ров или танковые ловушки?).

6. Земляной курган ДЗОТ? (возможно, связан со строительством газовой трассы).

7. Г-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншеей с ДЗОТом у подножья.

8. Две одиночные траншеи на склоне.

9. Участок 40×20 м, окопанный овальной траншеей, внутри которого имеются многочисленные одиночные окопы (около 20). Рис. 3-ж.

10. Одиночный окоп на краю коренной террасы. Рис. 8.

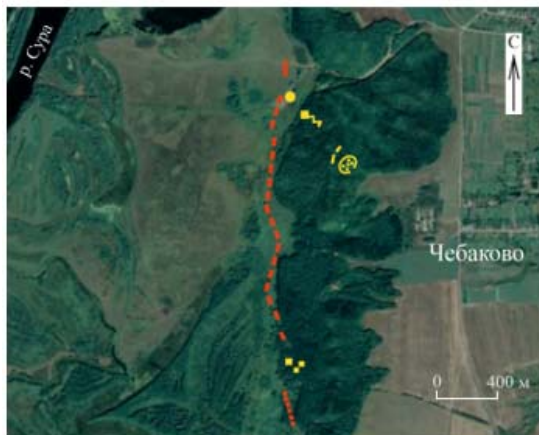

Рис. 8. Карта расположения укреплений у д. Чебаково

п. Совхозный (д. Засурье) Ядринский район

1. Одиночные окопы вдоль края коренной террасы у трассы М-7.
2. Три окопа, вытянутых в линию на склоне.
3. Одиночный окоп на склоне.
4. Т-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншей с ДЗОТом у подножья.
5. Шесть одиночных окопов округлой и прямоугольной форм рядом с ДЗОТом.
6. Г-образный окоп на склоне, соединенный зигзагообразной траншей с ДЗОТом у подножья. У Г-образного окопа имеется один выход с разветвлением в разные стороны. Рис. 3-г.
7. Одиночный окоп у ДЗОТа.
8. Два прямоугольных одиночных окопа у зигзагообразной траншеи. У одного из них был обнаружен песчаник.
9. Одиночная траншея на склоне. Рис. 9.

Рис. 9. Карта расположения укреплений у п. Совхозный

В результате проведенного исследования удалось выявить следы масштабной стройки фортификационных сооружений. Найдено свыше 70 укреплений, умело приспособленных под особенности ландшафта. Большая часть сооружений сохранилась благодаря тому, что расположена не в зоне активной хозяйственной деятельности (пойма, склон оврага), но подвергается ежегодному разрушению в результате эрозии и размыва.

Соблюдены все условия для долговременной обороны – маскировка на местности в складках ландшафта, доминирующее положение по высоте, максимальный обзор предполагаемого движения врага. Крутой берег позволял располагать строения ярусами в две-три линии обороны. Чередуются участки с активной и пассивной обороной.

Для дальнейшей работы мы сформулировали несколько рекомендаций. Картография объектов должна проводиться только с помощью GPS-навигации. В противном случае возникает большой риск пропустить отдельные объекты или ошибочно их расставить на карте. Поиск новых сооружений нужно осуществлять, зигзагообразно спускаясь и поднимаясь по мысам и склонам.

Проведение раскопок возможно для реконструкции только нижней части укреплений, в которых сохранились деревянные конструкции и железные элементы крепежа. Некоторые объекты могут быть частично реконструированы и музеефицированы под открытым небом. Использование объектов в историко-туристическом плане затрудняется сложностями пешего доступа и залесенностью береговой линии. Целесообразно проводить поиск предметов и инструментов около сооружений.

Список литературы

1. Туристический путеводитель по местам строительства Сурского и Казанского оборонительных рубежей на территории Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары, 2021. – 74 с.

2. Федулов М.И. Проблемы изучения Сурского оборонительного рубежа (на примере Ядринского, Красночетайского и Шумерлинского районов Чувашской Республики) / М.И. Федулов, И.А. Федулова // Строительство Сурского и Казанского оборонительных рубежей – трудовой подвиг народов Поволжья: мат. межрег. науч.-практ. конф. Чебоксары: ЧГИГН, 2021. – С. 319–326.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ,
ЭТНОГРАФИИ И ИСТОРИИ**

Сборник материалов
II Всероссийской научной конференции
с международным участием
(Чебоксары, 1 марта 2022 г.)

Редакционная коллегия: *О.Н. Широков, О.Г. Вязова,
Н.А. Петров, М.И. Федулов*
Компьютерная верстка *Д.И. Ларионова*

Подписано в печать 16.03.2022 г.
Дата выхода издания в свет 29.03.2022 г.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 10,9275. Заказ К-957. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12
+7 (8352) 655-731
info@phsreda.com
<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»
428005, Чебоксары, Гражданская, 75
+7 (8352) 655-047
info@maksimum21.ru
www.maksimum21.ru